
ОГОНЁК
№ 6 ФЕВРАЛЬ 1953
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

ОДИН ИЗ ПЯТНАДЦАТИ

Десять лет назад, 8 февраля 1943 года, город Курск был освобожден от фашистских захватчиков. Один из крупнейших областных центров Советской страны с большим количеством промышленных предприятий, высшими учебными заведениями, школами, клубами, жилыми домами лежал в развалинах... Были разрушены все заводы и фабрики, выведено из строя все коммунальное оборудование, вырублены городские сады и скверы.

Возрождение Курска началось сразу после изгнания фашистов. Курск вошел в число пятнадцати старинных русских городов, к восстановлению которых, по решению правительства, было приступлено в первую очередь.

Сегодняшний Курск выглядит обновленным и похорошевшим. Вставшие из руин заводы оснащены новейшим первоклассным оборудованием. За истекшие годы построено свыше ста девяноста тысяч квадратных метров жилой площади. Город украшен большими зданиями, прекрасным по архитектуре вокзалом. Возникли новые поселки в Рышковском, Кировском и других районах.

На снимках (сверху вниз): новый вокзал; Дом Советов; новый дом на улице Ленина.

Фото И. Тункеля

На первой странице обложки: «Внимание! Говорит школьный радиоузел...» — так ученица 10-го класса 183-й московской школы Таня Коровкина начинает радиопередачу.

Фото С. Фридлянда

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

№ 6 (1339)

8 ФЕВРАЛЯ 1953

31-й год издания

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

В ШАХТЕРСКОМ ГОРОДЕ

Новый Донбасс. Так зовется один из самых молодых горняцких городов нашей страны. Не так давно это был безымянный поселок шахты № 18 имени И. В. Сталина, Снежнянского района, Сталинской области. Ныне здесь вытянулись длинные кварталы жилых домов, в городе пять школ, больница и ночной санаторий, библиотека, много магазинов. В минувшем году проведены большие работы по благоустройству и озеленению города. Скоро вступит в строй новый Дворец культуры.

Большие планы у городского Совета депутатов трудящихся в Новом Донбассе. Хозяева города заботятся и о его внешнем облике и о том, чтобы шахтерам жилось удобно. Многое сделали они, чтобы выполнить наказ, полученный от избирателей во время прошлых выборов.

Возглавляет городской Совет Валентина Алексеевна Малютина. В шахтерских семьях раньше знали ее как учительницу. Облеченная народным доверием, Валентина Алексеевна энергично действует на новом поприще.

Как идут работы по благоустройству Нового Донбасса? С такой проверки начинает свой рабочий день председатель городского Совета. Вот она вместе с депутатами Совета (снимок вверху) — начальником передового участка шахты А. А. Райко (слева) и горным мастером Л. А. Холодоревым проходит по улицам города.

Поликлиника открылась недавно. И сюда заглядывает Валентина Алексеевна. Она беседует (снимок в центре) с главным врачом О. А. Сидоренко.

Городской Совет много времени уделяет школьным делам. В. А. Малютина с радостью встретилась со своими бывшими воспитанницами (снимок внизу).

Валентину Алексеевну Малютину вновь выдвинули кандидатом в депутаты Ново-Донбасского городского Совета.

БЕСЕДА О ЦЗИНГАНШАНЕ

Ф. ЗАПОРОЖСКИЙ

В резиденции народного правительства

Незабываемое впечатление оставляет залитая солнцем центральная площадь Пекина с ее архитектурными ансамблями в традиционном китайском стиле, монументальными воротами и арками, крыши которых сияют позолоченными изгибами. На оживленные, полные энергии лица прохожих смотрит с Тяньань — одной из башен бывшего императорского дворца — большой портрет Председателя Центрального Народного правительства Мао Цзэ-дуна. По обе стороны портрета два лозунга, начертанные крупными иероглифами: «Да здравствует Китайская Народная Республика!», «Да здравствует сплочение всех народов мира!»

«Красная площадь» — так с гордостью называют это место в китайском народе. Здесь стремятся побывать люди со всех концов великой страны. В праздничные дни площадь преображается в пестрое человеческое море, и кажется, что сюда собралось все миллионное население столицы.

Мы направляемся в резиденцию народного правительства — во дворец Чжуннаньхай, что в переводе на русский язык означает «дворец Центрального и Южного морей». Перед нами открылись анфилады дворцовых палат, беседки, арки, блещущие яркими красками и эмалью, резные мраморные мосты...

Пройдя нескончаемые ряды дворов, вступаем в просторную приемную, носящую название «Иняньтан». Это — одно из зданий, принадлежавших последней маньчжурской, или цинской, династии, свергнутой во время революции 1911—1913 годов. Здесь между простой, но удобной мебелью расставлены тропические цветы, стоят фарфоровые вазы и другие произведения китайского искусства.

Через несколько минут вошел Мао Цзэ-дун. На его открытом, ясном лице заметны следы усталости. Высокий лоб, зачесанные назад черные блестящие волосы, необыкновенно спокойный, проницательный взгляд — весь облик этого выдающегося мыслителя и народного вождя исполнен какой-то особенной простоты и обаяния. «Служение народу»... Мне невольно пришли на память эти слова, сказанные Мао Цзэ-дуном в 1937 году в пещерном городе Яньань, слова, ставшие своего рода клятвой китайских коммунистов. Живым воплощением этих слов является сам Мао Цзэ-дун. Вся его жизнь и борьба — пример служения народу, неустанного стремления добиться раскрепощения родной страны, торжества светлого мира свободы над миром рабства и реакции.

...Нам предстояла беседа о Цзинганшане, об одном из замечательных этапов героической борьбы китайских коммунистов, руководимых своим испытанным вождем Мао Цзэ-дуном.

Цзинганшань — высокогорный район в Южном Китае, на границе провинций Цзянси и Хунань. Сюда Мао Цзэ-дун, возглавлявший в августе 1927 года известное восстание «Осеннего урожая» в Хунани, привел в октябре того же года вооруженный отряд, организованный им из восставших хунаньских крестьян и хубэйских рабочих-горняков. Прошло полгода, и в Цзинганшань прибыл другой отряд революционных войск, во главе с Чжу Дэ; последний руководил тогда вместе с Хэ Луном и Е Тином крупным восстанием в городе Наньчане. Оба отряда были объединены, и из них был создан знаменитый Четвертый корпус Красной армии рабочих и крестьян. Командиром корпуса был назначен Чжу Дэ, комиссаром — Мао Цзэ-дун. Корпус явился основным ядром легендарной Красной армии Китая, преобразованной впоследствии в Народно-освободительную армию, которой было суждено сыграть героическую, решающую роль в победоносной борьбе китайского народа с вооруженной контрреволюцией.

Цзинганшань стал прочной базой народной революции. Там была провозглашена советская власть, и влияние ее расширялось с каждым днем. Именно эти события имел в виду товарищ Сталин, когда говорил:

«Если раньше, в период расцвета Гоминдана, не было благоприятных условий для немедленного создания Советов, то теперь, когда гоминдановцы оскандалились и дискредитировали себя своей связью с контрреволюцией, — теперь Советы при успехе движения могут стать, и действительно станут, основной силой, сплачивающей вокруг себя рабочих и крестьян Китая. А кто будет возглавлять Советы? Конечно, коммунисты».

Со времени знаменательной встречи Мао Цзэ-дуна и Чжу Дэ в Цзинганшане прошло двадцать пять лет. Но слово «Цзинганшань» попрежнему близко, понятно и дорого сердцу каждого китайского патриота.

Четверть века назад

...Беседа началась просто, непринужденно. О событиях и фактах двадцатипятилетней давности Мао Цзэ-дун говорил так, будто все это происходило только вчера.

— Известно, — сказал Мао Цзэ-дун, — что китайская революция увенчалась успехом лишь после длительной и ожесточенной борьбы, в результате постепенного завоевания революцией одной позиции за другой, одной победы за другой. Не секрет, что у китайской революции было очень много сильных врагов. Об этом хорошо сказал Сталин еще в мае 1927 года: «...слишком многочисленны и сильны враги китайской революции, как внутренние (Чжан Цзо-лин, Чан Кай-ши, крупная буржуазия, джентри, помещики и т. д.), так и внешние (империалисты)...».

Мао Цзэ-дун заговорил об обстановке, которая сложилась в Китае в результате поражения революции в 1927 году. Он подчеркнул, что именно трудность условий, перевес сил контрреволюции и слабость революционного лагеря вынудили китайских коммунистов и руководимых ими революционеров искать выход из создавшегося положения. Правильный выход Мао Цзэ-дун вместе со своими сподвижниками видел в том, чтобы отказаться от крупного сражения с силами контрреволюции, временно отступить в наиболее выгодный для обороны район. Таким районом были горы Цзинганшаня.

— Мы хотели, — с улыбкой заметил Мао Цзэ-дун, — опереться на могучие вершины этих славных гор, набраться там сил, возродить армию революционеров, а затем вновь сразиться насмерть с силами реакции и контрреволюции.

Перед лицом таких врагов, — продолжал, развивая свою мысль, Мао Цзэ-дун, — китайская революция приобрела затяжной и весьма ожесточенный характер. Именно потому, что враги революции были необычайно сильны, требовался длительный период времени, чтобы собрать, закалить силы революции, превратив их в такие силы, которые будут способны одержать окончательную победу в борьбе с врагами. Именно потому, что враги с исключительной жестокостью подавляли китайскую революцию, силы революции не могли прочно удерживать свои позиции и разбить позиции врагов, не выковав и не повысив свою стойкость. Поэтому неправильной являлась точка зрения людей, считавших, что силы китайской революции можно создать мгновенно и что китайская революционная борьба может немедленно завершиться победой.

Перед лицом столь сильных врагов определилось и то, что методы китайской революции, основные ее формы не могли быть мирными, а должны были

Историческая деревня Цыпин в горах Цзинганшань.

быть действиями вооруженных людей. Враги не давали китайскому народу возможности для мирной деятельности, китайский народ не имел никаких политических свобод.

И здесь Мао Цзэ-дун привел одно из наиболее часто повторяемых им сталинских положений: «В Китае вооруженная революция борется против вооруженной контрреволюции. В этом одна из особенностей и одно из преимуществ китайской революции».

— Это необычайно верно,— подчеркнул Мао Цзэ-дун.— Поэтому не правы были те, кто пренебрегал вооруженной борьбой, пренебрегал партизанской войной, пренебрегал армейской работой.

Перед лицом сильных врагов,— говорил он далее, взяв в руки томик своих избранных произведений,— встал для нас и вопрос о создании особой базы революции. Сильный империализм и его реакционные союзники в Китае неизменно в течение длительного времени занимали центральные города страны. Поэтому революционные силы, если они не желали идти на соглашение с империализмом и его прихвостнями, а стремились стойко продолжать борьбу, должны были превратить отсталые деревни в передовую, прочную свою базу. Предстояло упрочить свои революционные, военные, политические, экономические, культурные позиции, чтобы вести борьбу против свирепых врагов, использовавших города для наступления на сельские районы, и в длительной борьбе постепенно завоевать полную победу революции. Необходимо было создать революционную базу, хотя бы вначале она состояла всего лишь из нескольких клочков земли.

Он положил книгу на небольшой полированный столик и продолжал, как бы читая напамять.

— Мы верили,— сказал Мао Цзэдун,— что искра может зажечь поле. Мы считали, что только таким образом можно было создать веру масс в революцию во всей стране, как это было для нас очевидно на примере советской России. Только таким образом можно было поставить господствовавшие классы перед лицом огромнейших трудностей, поколебать под ними почву и ускорить их внутренний распад. Только таким образом можно было действительно создать Красную армию, которая превратилась бы в одно из главнейших орудий грядущей великой революции. Короче говоря, только таким образом можно было ускорить революционный подъем...

Нам подали зеленый китайский чай. Мао Цзэ-дун снова взял книгу, раскрыл ее и, временами обращаясь к тексту, стал объяснять, почему существовала возможность создать такую базу на длительное время.

Мао Цзэ-дун указал на неравномерность политического и экономического развития Китая, выражавшуюся в одновременном существовании слабой капиталистической и сугубо полуфеодальной экономики; одновременном существовании близких к современным промышленных и торговых центров и огромного количества деревень, застывших в средневековье; одновременном существовании нескольких миллионов промышленных рабочих и нескольких сот миллионов крестьян, живших в условиях старого строя; одновременном существовании крупных милитаристов, державших в руках центральное правительство, и мелких милитаристов, контролировавших различные провинции; одновременном существовании регулярной армии и «разношерстных» войск; одновременном существовании нескольких железных, водных и автомобильных путей и повсеместных тачечных дорог, тропинок, пригодных лишь для пешехода, и тропинок, неудобных даже для пешехода.

— Китай,— сказал Мао Цзэдун,— был полуколониальной страной. Отсутствие единства между империалистами обусловливало отсутствие единства между господствовавшими группировками в Китае. Как известно, существует ясное различие между полуколониальной страной, контролируемой несколькими государствами, и колонией, контролируемой одной страной. Наконец, Китай — огромная страна. Народная поговорка гласит: «Темно на востоке, так светится запад, на юге стемнело, так есть еще север». Печалиться о том, что революции негде было развернуться, не приходилось...

Впрочем,— сказал Мао Цзэдун, считая вопрос выясненным,— в этом вы можете и должны сами убедиться. Поездка по стране поможет вам воочию убедиться в мудрости приведенной мною народной поговорки. Для такого путешествия,— заключил он уже как бы в напутствие,— сейчас самая лучшая пора. Щедрое солнце Южного Китая способствует стремительному, бурному обновлению природы после зимы, и перед вами откроется необозримый мир красок и цветов нашего юга.

14 февраля исполняется три года со дня подписания Советско-Китайского договора о дружбе, союзе и взаимной помощи. Этот договор превратил дружбу народов СССР и Китая в великую силу в деле укрепления мира во всем мире. Истекшие три года действия договора дали новое яркое доказательство величия и мудрости ленинско-сталинской внешней политики. Укрепление братской дружбы народов Советского Союза и Китая вызывает радость у всех миролюбивых людей земного шара.

На снимке: Председатель Центрального Народного правительства Китайской Народной Республики Мао Цзэ-дун беседует с послом СССР в Пекине А. С. Панюшкиным после вручения последним своих верительных грамот.

Фото агентства Синьхуа

По историческим местам

Чем далее мы углублялись в горы, тем больше убеждались, что Цзинганшанский горный район с центром в Цыпине как бы самой природой предназначен для партизанской борьбы. Здесь множество глубоких ущелий, отвесные скалистые склоны гор, стремительные потоки, лесные заросли. Деревья густо перевиты лианами и диким виноградом. Плотный кустарник, буйные поросли папоротника и бамбука делают эти места почти непроходимыми.

Мы идем по узкой тропе, висящей над глубоким ущельем. Пробираться можно только пешком. Тут все переправляют на человеческих плечах. Даже вьючных животных мы не встречали: за весь путь ни одной лошади, ни одного мула.

По пути из села Сяци в Хуанао дорога ведет через горный перевал. Поднявшись на него, мы попали в зону вечных туманов, и трудности путешествия еще более возросли. Теперь приходилось отыскивать путь вперед буквально ощупью. С трудом пересекли мы этот горный перевал и наконец стали спускаться к Хуанао, расположенному у подножья самых высоких хребтов Цзинганшаня.

Не успели одолеть перевал, как перед нами опять предстали пейзажи изумительной красоты: хвойные деревья, стройный бамбук, высокие пальмы, папоротники, заросли камыша...

Население этих мест, почти поголовно состоявшее в партизанских отрядах, гоминдановцы нещадно грабили и подвергали жестоким репрессиям. Но никакие палаческие расправы карательных органов гоминдана не смогли подавить вольный народ этих гор. И партизаны выстояли, мужественно продержались до самого прихода частей Народно-освободительной армии.

Отрадно видеть, что почти в каждом населенном пункте строятся сейчас новые дома. Главным образом это дома бывших батраков и бедняков, получивших теперь землю и материальную помощь от народной власти.

На пятые сутки нашего перехода начался подъем на вершину Чжусаао. Это отвесная стена, монолитная каменная глыба. Взбираемся буквально ползком.

Среди ветеранов революционного движения в Китае, участников первых отрядов революционных вооруженных сил, живет воспоминание о том, как после поражения революции в 1927 году боевые отряды, возглавлявшиеся Мао Цзэ-дуном, вынуждены были создавать себе новые базы в районах, наиболее благоприятных в стратегическом и тактическом отношении. Когда уста-

лые и измученные воины отрядов Мао Цзэ-дуна поднимались по крутым склонам Цзинганшаня, группа товарищей во время привала написала мелом на одной из скал этой горы: «Зачем ты, мертвая громада, взметнулась так высоко и заставляешь нас, скитальцев, отдавать свои последние силы, чтобы забраться к тебе на вершину?» Вскоре к этому месту подошел Мао Цзэ-дун. Прочтя надпись, он решил поправить своих однополчан и написал другие слова: «Почему ты, мертвая громада, стоишь так низко, позволяя людям столь легко взбираться к себе на вершину? Ведь для нас ты тем дороже, чем выше!»

Забравшись на вершину, мы вновь попали в полосу вечных туманов. Под нами чернела страшная пропасть. В этих хребтах берут свое начало водопады и реки, прорезающие весь горный район Цзинганшаня и образующие глубокие крутостенные ущелья. Воды этих горных потоков с оглушительным шумом несутся вниз, в долины рисовых плантаций, разливая там свою живительную влагу по тысячам оросительных каналов и арыков.

Там, где был штаб Мао Цзэ-дуна

К вечеру, попав перед этим в полосу горного ливня, мы добрались до районного пункта Цыпина — нашей конечной цели.

Нас поместили в доме, где жил и работал товарищ Мао Цзэ-дун. Гоминдановские полчища, заняв этот район, разрушили старый дом. Но местные жители восстановили все в том же виде, как было при Мао Цзэ-дуне.

Весь вечер и до полуночи беседовали мы с участниками революции, старыми партизанами и красноармейцами.

Бывший красноармеец, ныне заместитель начальника одного из районов Цзинганшаня, Лю Синлинь рассказал нам об условиях суровой борьбы в те дни.

— Когда были сформированы регулярные части рабоче-крестьянской Красной армии и она начала боевые действия, это воодушевило все окружающее население Цзинганшаня, — сказал Лю Син-линь. — Люди сразу увидели, что Красная армия — подлинная защитница трудового народа. И поэтому ее ряды множились с каждым днем. Но уже с самого начала остро не хватало оружия. Помнится, как во время боя за город Юнсинь многие красноармейцы вместо винтовок и пулеметов были вооружены серпами и кухонными ножами. И от остальных крестьян внешне они отличались лишь тем, что носили на груди красные нашивки или повязки на руке...

Лю Син-линь аккуратно развернул сверток и показал нам кусок простой домотканной материи красного цвета. На повязке изображение пятиконечной звезды с серпом и молотом в центре. Поверх звезды надпись: «Советское правительство. Район Суйчуань—Хэюань».

— Этой повязке с надписью, сделанной рукой товарища Мао Цзэ-дуна,— сказал Лю Син-линь,— более двадцати лет. Десятки людей хранили ее в течение этих лет. Люди берегли эту повязку как символ свободы и надежды!

Как-то перед боем, — продолжал Лю Син-линь, — председатель Мао Цзэ-дун сказал нам: «Во имя своего существования, во имя защиты земли и сохранения продовольствия, завоеванных нами у помещиков и тухао, мы должны вырвать из рук белой армии винтовки и пушки, чтобы вооружить себя...» И вот завязался горячий бой под Юнсинем. Нанеся внезапный удар противнику, красноармейцы вступили в город и захватили большие трофеи. Впоследствии, — добавил Лю Син-линь,— товарищ Мао Цзэ-дун часто водил нас в бой. И каждый раз мы одерживали победу!

Цзинганшань находился в плотном окружении белых войск. Наступила зима, в горах выпал снег, а многие красноармейцы имели лишь летнюю форму. Питаться приходилось одной тыквой, да и то не досыта. Но коммунисты во главе с Мао Цзэ-дуном и Чжу Дэ становились в этих лишениях еще тверже, увереннее, мужественнее...

Осенью 1928 года, — рассказывал дальше старый боец, — противнику удалось окружить район Цзинганшаня. Было решено доставлять продовольствие из деревни Нинган. Вместе с красноармейцами направился по далекой и трудной дороге в Нинган главнокомандующий товарищ Чжу Дэ. Вскоре оказалось, что у многих нет мешков. Зерно пришлось насыпать в снятые бойцами с себя рубашки и брюки. Бойцы взваливали на плечи мешки и сумки с зерном и быстро уходили в горы. Кто-то взял ношу товарища Чжу Дэ. Чжу Дэ, любивший все носить сам, пытался выяснить, кто же принес на базу его мешок, но «злодей» не признавался. Впоследствии на этом мешке появилась надпись: «Чжу Дэ». С тех пор свой мешок главнокомандующий носил сам.

В ноябре 1927 года на границе провинций Хунань и Цзянси, в Цалине, возникло первое правительство рабочих и крестьян. Трудовое крестьянство получило земельные наделы за счет конфискованных помещичьих угодий.

— В день международного пролетарского праздника 1 Мая 1929 года,— вспоминал Лю Синлинь,— Мао Цзэ-дун, обращаясь к бойцам и командирам прославленного Четвертого корпуса Красной армии в Цзинганшане, подчеркнул, что «...в умах тысяч людей запечатлелось имя великого учителя пролетариата Маркса и имя Ленина...» Мао Цзэ-дун сказал им, что китайские революционеры, борющиеся с оружием в руках за раскрепощение своего народа, не одиноки, что есть на свете страна — советская Россия,— где победившие в революции рабочие и крестьяне под руководством русских большевиков во главе с гениальными вождями Лениным и Сталиным низвергли власть ненавистных народу помещиков и капиталистов, изгнали из своей страны иностранных завоевателей, взяли власть в свои руки и строят свободный мир — социалистическое государство. «То, что сделали русские рабочие, — подчеркивал Мао Цзэ-дун, — могут сделать и китайские революционеры».

Наша беседа заставила позабыть о времени. За окнами, затянутыми прозрачным пергаментом, уже забрезжил рассвет. Мы решили продолжить беседу под открытым небом...

Нас встречают подлинные друзья

Из Цыпина мы направились в уездный город Нинган. Нам пришлось пересечь самую высокую вершину в районе Цыпина — Ванянцзэ. Это гора, покрытая льдом, и мы окончательно выбились из сил. На вершине метался беспокойный, пронизывающий ветер.

В селе Сяоцзин нас встретил старик лет семидесяти, один из ветеранов Цзинганшаня. Ему поручен уход за братскими могилами красноармейцев, погибших здесь в сражении с гоминдановскими полчищами.

Старик рассказал нам, как после отхода Красной армии из Цзинганшаня под давлением превосходящих сил противника сюда ворвались гоминдановские вооруженные банды. Они расстреляли из пулемета свыше семидесяти раненых красноармейцев, не успевших эвакуироваться. На вершине Дацзин гоминдановские изверги расстреляли более ста тридцати человек только по подозрению в связях с Красной армией. Во всем районе Цзинганшань и вокруг него на сорок километров гоминдановские временщики сожгли дотла все жилища и строения. Кровавые расправы над населением повторялись каждые десять дней.

Но никакие зверства озлобленных, обреченных на гибель контрреволюционеров не могли остановить героическую борьбу народа. Лучшие люди Китая, коммунисты, шли по дорогам, залитым их же кровью, не сгибаясь, с высоко поднятой головой.

...Несколько часов пути отделяют Сяоцзин от деревни Далун. В этой деревне Мао Цзэ-дун написал известные три положения о дисциплине и сформулировал восемь принципов китайской Красной армии, являющихся руководящими уставными принципами в Народно-освободительной армии до настоящего времени.

На Цзинганшане нас сопровождал небольшой отряд бойцов-проводников. И мы всю дорогу восхищались китайским солдатом. В горных переходах он шагает легко, как на прогулке. С ручным пулеметом или автоматом через плечо, с походной сумкой за спиной, с зонтом, являющимся непременной принадлежностью в Южном Китае, он идет без остановки и без устали. Всю дорогу бойцы напевают мелодии из китайских опер, революционные песни.

Поздно вечером мы добрались в уездный центр Юнсинь. Встретили нас далеко за городом. Темное небо багрово озарялось светом огромных факелов. Высоко взлетали и рассыпались огни фейерверка. Возгласы приветствия эхом разносились по долине реки Хэшуй, берущей начало в вершинах Цзинганшанских гор: «Да здравствует великий Советский Союз!», «Десять тысяч лет Сталину!»

Так могут встречать только подлинные друзья.

С новой силой ощутили мы в эти незабываемые минуты, как крепки и нерасторжимы узы великой дружбы, роднящей народы Китая с народами Советского Союза.

Песня Ван Цзэ-ю

Китай, 1952.

Николас ГИЛЬЕН

Родился Ван Цзэ-ю на свет
до Революции великой
за очень много лет.
Он был тогда, как черный камень,
с горы упавший ветру вслед;
он был тогда, как жеребенок,—
приплод ненужный, без примет;
он был, как собачонка в будке,
никем не кормлен, не пригрет.
Никто улыбкой его не встречал,
и люльки его не качал,
и песен ему не певал:
родился Ван Цзэ-ю на свет
до Революции великой
за очень много лет.

Я нынче видел Ван Цзэ-ю.
«Мой друг, не можешь ли сказать мне,
что делал ты в родном краю,
кому дарил ты взгляд открытый,
улыбку светлую свою
и сердце, рвущееся к небу,
к ветрам, лавинам и огню,
покамест люди превращали
в огонь и свет страну твою!
Мой друг, не можешь ли сказать мне,
что делал ты в родном краю!»

«Копьем завоевал я землю,—
так мне ответил Ван Цзэ-ю.—
Копье завоевал я жизнью,
а жизнь завоевал я кровью
и кровь завоевал мечтою.
Теперь моя мечта такая:
в жизнь превратить мечту мою», —
так мне ответил Ван Цзэ-ю.

Перевел с испанского О. Савич

Накануне выборов в местные Советы

В одном районе

Агитатор Н. А. Глаголева беседует о предстоящих выборах в семье прокатчика Кировского завода К. А. Пуглея.

Площадь Стачек. Ярко горят огни у Дворца культуры имени Горького. Вход обрамлен гирляндами электрических лампочек. Лучи прожектора освещают портрет товарища Сталина.

Сверкающая позолотой мемориальная доска, прикрепленная на фасаде, напоминает о памятном историческом событии. На месте, где стоит сейчас Дворец культуры, немногим более тридцати пяти лет назад в небольшом деревянном здании школы происходили последние заседания VI съезда РСДРП(б), работой которого руководил товарищ Сталин. Съезд нацелил партию на вооруженное восстание, на социалистическую революцию.

Мы поднимаемся на второй этаж Дворца культуры. Здесь, в просторной комнате, помещается один из сорока семи агитпунктов Кировского района Ленинграда.

— Вчера у нас было тесно,— рассказывает заведующая агитпунктом Э. Б. Симановская.— Послушать лекцию «Товарищ Сталин об основных предварительных условиях постепенного перехода от социализма к коммунизму в СССР» собралось столько народу, что пришлось перейти в зал.

Вот и сегодня: до начала беседы еще четверть часа, а комнату агитпункта уже заполнили машиностроители, металлурги, текстильщики, портовики, строители, студенты Нарвской заставы. Беседа посвящена тому, как Кировский районный совет выполнял наказы избирателей. Предложения трудящихся охватывали самые различные стороны их жизни, быта и благоустройства района. Даже простой перечень выполненного свидетельствует о разносторонней деятельности местного Совета.

Построить школу в Сосновой поляне наказывали избиратели районному Совету. Школа открыта. На четырнадцать километров протянулась новая трамвайная магистраль до поселка Стрельна. За два года, прошедшие с прошлых выборов в местные Советы, построено сто три жилых дома, двенадцать детских садов и яслей, открыто пятьдесят шесть новых магазинов, столовых, мастерских, ателье. Свыше трех тысяч квартир получили газ. Четверть миллиарда рублей израсходовано на строительство и благоустройство в этом районе.

Направляясь в агитпункт, участники сегодняшней беседы еще и еще раз любовались недавно обновленными и покрытыми позолотой триумфальными Нарвскими воротами. Реставрация этого памятника русской славы ускорена по предложению избирателей.

В предвыборные дни во Дворце культуры проходят собрания и встречи избирателей с делегатами Конгресса народов в защиту мира. Ежедневно в залах Дворца бывает свыше шести тысяч избирателей.

В те часы, когда во Дворце культуры шла беседа, тысячи агитаторов посещали квартиры избирателей. В одну из квартир шестиэтажного дома на проспекте Стачек мы направились с агитатором, лауреатом Сталинской премии Натальей Алексеевной Глаголевой. Фасад огромного дома выходит на Кировскую площадь. На лестнице четвертого этажа нас встретили хозяева квартиры № 28 — Корней Артамонович Пуглей и его жена Прасковья Ивановна. Оба они — прокатчики Кировского завода. Глава семьи — мастер, Прасковья Ивановна работает у пульта управления прокатного стана.

Входим в квартиру. Просторные светлые комнаты. Хозяйка показывает кухню, оборудованную новой газовой плитой, кладовую, ванную — все удобства. Семья Пуглей недавно справила новоселье. Одновременно с ней в этот дом въехало еще около трехсот семей рабочих и служащих Кировского завода.

Агитатора Наталью Алексеевну Глаголеву знают многие жители района. Она часто заходит в квартиры избирателей. Непринужденно начинает она беседу о предстоящих выборах, о том, какие новые задачи стоят перед страной в пятой сталинской пятилетке, о созидательном труде советских людей. Мир и созидание — вот девиз советского народа.

— Дом, в котором вы живете, проспект Стачек, хорошеющий с каждым годом, озелененные улицы — во всем этом,— говорит агитатор,— есть доля работы и местного Совета.

Наталья Алексеевна встает, подходит к окну и, приподняв тюлевую гардину, продолжает беседу. Из окна открывается панорама широкой площади. В центре ее возвышается величественный памятник С. М. Кирову. Народный трибун, подняв руку в сторону новых жилищных массивов, преображенных улиц, заводов, фабрик, как бы говорит:

— Вот она, бывшая Нарвская застава!

От площади по обе стороны проспекта тянется непрерывная цепь электрических фонарей, уходящих вдаль, где в вечерней мгле красным неоновым светом горит надпись: «Кировский завод». По проспекту мчатся автобусы, троллейбусы, трамваи.

Долго еще длилась задушевная беседа в квартире прокатчика. Корней Артамонович рассказал о предвыборном собрании на заводе. Рабочие Выборгской стороны, Московской и Невской застав, всех районов Ленинграда первым кандидатом в областной и городской Совет выдвинули товарища Сталина. Первым назвал имя великого вождя и коллектив старейшего русского завода.

Территория избирательных округов Кировского района не ограничивается сушей. К ним приписаны и корабли Балтийского морского торгового пароходства, находящиеся в дальнем плавании.

Мы побывали на пароходе «Бородино», недавно возвратившемся в порт из очередного рейса. В красном уголке собрались моряки. Большинство из них — молодежь. Второй механик корабля Ф. Г. Ашин, посетивший почти все порты мира, рассказывал о почетном гражданском долге, который призвана выполнить молодежь в день выборов в местные Советы депутатов трудящихся. На корабле бережно хранят драгоценную реликвию — бархатное знамя, преподнесенное экипажу за отличное выполнение заданий в годы Великой Отечественной войны.

Большие успехи достигнуты моряками «Бородино» в послевоенный период. План перевозок в минувшем году они значительно перевыполнили.

В политотделе мы читали десятки радиограмм с кораблей Балтики, находящихся вдали от родных берегов.

«Пересекая Индийский океан,— радируют с теплохода «Профессор Попов»,— провели с членами экипажа, впервые участвующими в выборах в местные Советы, беседу о правах и обязанностях граждан СССР. После беседы смотрели фильм «Член правительства». Оборудовали агитпункт, открыли фотовыставку о великом сталинском плане пятой пятилетки».

Находясь в далеком плавании, моряки Балтики не чувствуют себя оторванными от Родины. Они гордо проносят флаг СССР через моря и океаны. Вместе с кировцами, со всеми ленинградцами моряки будут в день выборов голосовать за кандидатов сталинского блока коммунистов и беспартийных.

К. ЧЕРЕВКОВ

Фото С. Осипова.

Новый жилой дом на Кировской площади, один из 103 домов, выстроенных в районе после прошлых выборов в местные Советы.

С каждым годом хорошеет проспект Стачек — главная магистраль Кировского района.

ВАЛУН

Из путевых заметок о латвийских мелиораторах

Федор **КНОРРЕ**

Рисунки О. Верейского.

К вечеру мы добрались, под дождем, до обширного поля, где недавно были закончены большие работы по расчистке колхозных земель. Тысячи камней, засорявших поле, лежали теперь сложенные стенкой по его краю. Работы только что были закончены: на земле еще виднелись борозды, взрытые тяжелыми валунами в то время, как их волокли на обочину. Еще не успели завянуть листья на кустах, сваленных в кучи, — тех самых кустах со стволами в руку толщиной, которые еще вчера перегораживали поле длинными и широкими полосами, не давая проезда тракторам.

У дальнего конца каменной стенки стрекотал одинокий трактор, однако наш спутник, работник районного отдела мелиорации, сразу же объявил, что мы уже опоздали: этот трактор из МТС и занят обычной пахотой. Мелиораторы, ради кого мы сюда приехали, уже закончили работу на этом участке и ушли.

Мы все-таки подождали, пока трактор подошел к нам поближе. Тракторист весело прокричал нам на ходу, что работавшая на расчистке бригада завтра переходит на новый участок, а сейчас все отправились в рыбачий поселок, в столовую, прощаться с рыбаками. Так что, если мы хотим с ними поговорить, лучше всего нам отправиться прямо туда.

Уже совсем смеркалось, когда мы подошли к одноэтажному домику столовой.

Не хочется больше упоминать про дождь, но он шел все время. Когда мы сидели в комнате, он шелестел за стеной и туманил оконные стекла. Когда мы шли по лесу, он шуршал по листьям и мокрой траве. Он журчал, ручейками стекая с берега в море, окутанное серой пеленой. Когда мы вошли наконец, стряхивая с себя воду, в тесную комнатку буфета при столовой, впервые за весь день нас охватило ощущение сухости, тепла и уюта.

Улыбающаяся буфетчица обеими руками вытаскивала миног из только что вскрытого бочонка и горой накладывала их на большое блюдо.

Она рассмеялась, услышав, как в соседней комнате трижды с громким смехом прокричали «ура», и понесла туда полное блюдо миног.

— В честь чего тут кричали «ура»? — спросили мы после обоюдных приветствий, подсаживаясь к столу, за которым уже сидело вперемежку несколько рыбаков и мелиораторов — трактористов, механиков и машинистов с экскаватора.

— Этот тост,— пояснил тракторист Янис Спрогис,— в честь бригадира Осиса. Вот он стоит.

— Осис! — представился, протягивая нам по очереди шершавую руку, небольшого роста коренастый старик, державшийся молодцевато-прямо.

Его и стариком нельзя было бы назвать, если бы не глубокие морщины, избороздившие все лицо. Но морщины эти отнюдь не производили впечатления дряхлости или дряблости. Лицо было обветренное и тугое.

— Вы не обращайте внимания, что они смеются,— сказал Янис,— бригадир у нас первый сорт. Смех этот к другому относится... Что у нас за бригадир Осис? Он бригадир мелиоративной бригады здешнего колхоза. У нас, знаете, такое положение: пока мы работаем для какого-нибудь колхоза, куда нас наша ММС прислала,— роем канавы, магистральные каналы и так далее, — мы берем обязательство за это время подготовить колхозу бригадира-мелиоратора. Мы его обучаем, как следить за осушительной сетью и так далее. Когда мы работу выполним и уйдем отсюда, он у нас вроде как бы наследником остается. Весь уход за сетью на его ответственности. Понятно, нам толковый человек требуется и с характером. Плохого мы не оставим после себя. Плохой бригадир всю нашу работу может испортить и на нет свести за несколько лет. Вот мы завтра уходим и Осиса оставляем: надежный человек!

— Хорошо, что мне не слышно,— задумчиво разломив пополам длинную миногу и откусывая от серединки, пробормотал Осис,— а то еще зазнался бы!

Рыбак в плаще поверх толстого свитера, глядя в сторону, сказал:

— Уж что есть, то есть. Характером бог не обидел.

За столом все расхохотались, включая и самого Осиса, который, привстав, гулко хлопнул кулаком по широченной непромокаемой спине рыбака. Тот только пуще засмеялся, будто его пощекотали.

Видимо, поддерживая понятную для всех шутку, один из трактористов нарочито уныло вздохнул:

— Да-а... Обучили, это верно. Чересчур даже обучили. Терпения с ним больше не стало. Не дай бог, вот такой кусочек торфа свалится при разравнивании кавальера в канаву! Такой крик подымет, точно этот торф ему в тарелку с супом свалился.

— Правильно,— с видимым удовольствием подтвердил Осис,— грейдер сделан, чтобы ровнять землю, а не для того, чтобы канавы замусоривать.

— Не могу спорить с таким специалистом, — сказал тракторист.

Спрогис весело кивнул:

— Правильно, с понимающим человеком, как Осис, и поговорить приятно! А то прежде тут всякие людишки попадались. Можно бы порассказать.

Понятно, нам, приезжим, только того и хотелось: послушать, что рассказывают мелиораторы.

— В одной книжке я читал,— начал бригадир Спрогис,— как первый трактор пришел в первый русский колхоз; там было так хорошо описано, до чего люди радовались и многие удивлялись, что вот к ним пришла такая хорошая машина. Ну, у нас колхозы не первый год и к тракторам люди уже привыкли, как вообще, знаете, люди к хорошему очень быстро привыкают.

А нас в колхозе тем более уже ждали, и срок точный знали, когда мы приедем, и даже огородные участки нам выделили, и районный мелиоратор уже по всему участку, который мы осушать должны были, вешки расставил и с утра на горке стоял с планом в руках и нас дожидался. Но, однако, когда наши четыре «С-80» колонной стали подходить к колхозу по проселочной дороге (по шоссе мы не ходим: у нас, знаете, поступь немного тяжелая, следы остаются), со всех сторон к нам стал собираться народ, девушки нам платочками машут, председатель сияет, со всеми здоровается за руку: «Товарищ бригадир Спрогис, очень приятно», «Добро пожаловать, товарищ механик Цандерс» и тому подобное. И старушки на нас ласково щурятся из-под ладони с крылечек...

Доехали мы до нашего участка, а кругом народ толпится, все ждут, что мы будем делать. Начинать работу по плану нам надо было со следующего утра.

Однако тут подходит ко мне один чудак — вон он сидит закусывает, — тоже тракторист, и говорит: «Смотри, сколько зрителей собралось, неужели мы сядем вещи распаковывать? Лучше покажем им немножко новой, социалистической техники в действии».

А на поле собралось действительно человек пятьдесят.

Что тут скажешь? Вешки по участку расставлены, заболоченное поле, гектаров пятьсот, у нас перед носом, я и скомандовал: «Заводи!»

Поставили мы канавокопатель, два трактора зашли на свои места, налегли на тросы — и повели мы первые метры канавы.

Народ сперва стоял в сторонке, по кочкам, ближе к дороге, но как мы пошли отваливать валы на две стороны, кто в чем был: девушки в туфлях, старушки в шлепанцах, парни в длинных брюках, — все двинулись на мокрое поле. Кто канаву осматривает, кто рядом с нами идет, кто вперед забегает, даже работать мешают.

Надо вам сказать, что поле это от самого сотворения мира, может быть, никогда не пробовал никто осушать, а тем более обрабатывать. Понятно, народу радостно глядеть, когда пустырь у не-

го на глазах начинает превращаться в пахотную землю...

— Дело, видите ли, в том, что у нас в Латвии народ понимает толк в осушительных канавах. Наверное, не было у нас такого мужика, который не копал бы своими руками канаву, мечтая осушить какой-нибудь лишний клочок земли, отвоевать его у болота... Так вот, знаете, тот человек, которому своими руками пришлось покопать канавы в болотистой земле, кто знает, какой маленький кусочек земли самый сильный мужик может подхватить на лопату и выкинуть наверх, такой человек только и может оценить по-настоящему эту картину, когда два восьмидесятисильных «Сталинца» тащат гигантский плуг канавокопателя и ровная глубокая канава за ними следом прорезает заболоченный луг. Одна женщина смотрела, смотрела, как мы работаем, и всплеснула руками.

— Вот так сила! Сколько лет мы мечтали луг осушить да подсчитывали, какую толпу работников нужно, чтобы с ним справиться! Где нам их взять? А ведь теперь получается, что к нам прислали в колхоз на подмогу человек сто землекопов, здоровых мужиков!

А один пожилой колхозник... Фамилию-то неинтересно вам знать?

— Фамилию неважно! — весело поддержали несколько голосов.

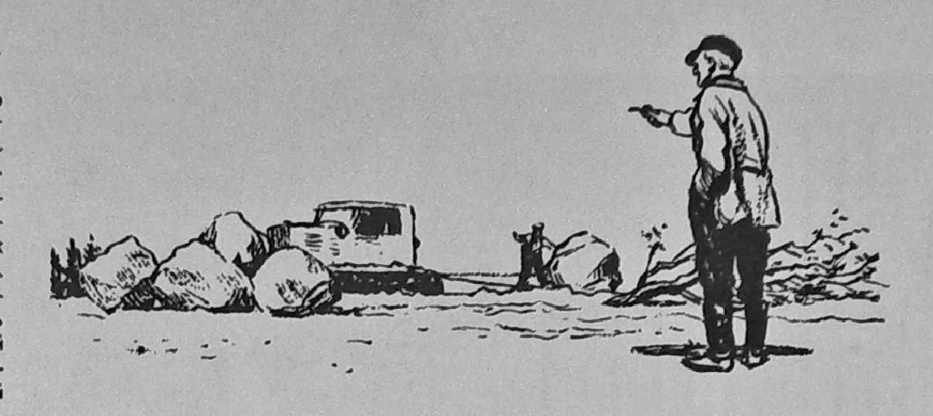
— Кому это интересно — фамилия! Ты дело рассказывай! Дело! — выделился среди других крикливый голос Осиса.

— Так вот этот колхозник подошел к нам после конца работы и говорит: «Черт побери! Вот это плуг, так плуг! Если бы к такому плугу да подобрать по росту лошадку, так ведь, пожалуй, нужно было бы такую, чуть повыше слона?.. А мужика к такой запряжке, пожалуй, надо такого, чтоб повыше вон той сосны!.. Ну-ну!..»

И после этого он заявляет председателю, что согласен к себе несколько человек мелиораторов взять в дом. И вот наши два трактора со всем, как говорится, личным составом водворились у того симпатичного пожилого колхозника.

Принял он нас хорошо, отвел светлую комнату, и разговоры с ним у нас были самые приятные.

Так проходит первый день, и вот он начинает спрашивать, где наш канавокопатель. Мы объясняем ему, что нет у нас канавокопателя и не будет, потому что задача у нас совсем другая. А задача

наша была в тот период — расчистка. Громадное поле все замусорено валунами, заросло по старым межам кустами; короче говоря, на кляче такое поле пахать худо, а на тракторе — просто горе, только выворачивайся, объезжай валуны да старые межи, где чуть не дубы выросли, не то что кусты!

И вот замечаем мы, что лицо у нашего хозяина как-то вытянулось. «Так вы,— говорит,— канала рыть не будете? Канав копать не собираетесь? А я-то думал, вы мелиораторы!»

Мы объясняем, что мы самые что ни на есть настоящие мелиораторы и работаем в ММС, а он головой трясет: «Нет, те, настоящие, полезное дело делают, а вы с такими машинами ерундой собираетесь заниматься! Зачем вы тут на поле толчетесь, когда оно и так сухое, на нем хлеб и без вас родится, разве камни немножко лемехи попортят. Не-ет, несерьезным делом занялись, ребята!» Так началось.

Дальше — больше. Придет вечером хозяин с работы и в нашу сторону не глядит, а своей старухе нарочно рассказывает, сколько метров да километров другая наша бригада выкопала, и вздыхает и все вслух рассуждает, какие это бывают мелиораторы настоящие, а какие просто только называются, а, наверное, малоквалифицированные, вот их и пускают на работу попроще. И как характер у него был довольно настойчивый, то он целый день все время так и зудел «з-з-з», как круглая пила. Прямо как на лесопилке мы две недели прожили...

— Ты дело, дело рассказывай! — строго сказал Осис.— А этих разных украшений и звуков нам не представляй, как пила пилит и тому подобное. Скажи просто: хозяин был против, это и будет правда. Ты ближе к делу придерживайся!

— Ладно,— усмехнулся Янис.— И вот как у него свободная минутка, он идет к нам на поле, а мы увидим издали, что он подходит, так даже мотор скорей пускаем на полные обороты, чтобы его пронзительного голоса не слышать, как он опять начнет: «Ах, черт побери, если бы такие машины да на настоящее дело! Вы бы уже сейчас прорыли десять километров канав...» И высчитывает, знаете, довольно точно, окаянный! Да все было еще ничего, пока не узнал он, что мы вызвали подрывников: там на поле валун был такая громадина, что его и двумя тракторами не стащить было с поля.

Тут наш хозяин совсем разошелся, побежал в правление жаловаться, что мы безобразничаем. Лежит, дескать, камень, никому не мешает, а мы его хотим взорвать на тысячу кусков и все поле замусорить, вовсе пахать нельзя будет, и он не берется за урожай отвечать (а участок был его полеводческой бригады).

Приехали, однако, подрывники. Конечно, они дело свое знают, взорвали валун (он на две части раскололся), попрощались и уехали.

Половинки получились тоже, будьте здоровы, прямо скалы целые, их тросом не потащишь. Мы обратились к рыбакам, вот к этим товарищам. Рыбаки нам помогли. Дали старые якорные цепи. Накинули мы цепи на валун, взялись в две машины, сдвинули и повезли полскалы этой. Отвезли с поля долой. Я мотор выключил и слышу: тишина, хозяин наш молчит, только слегка рот разинул.

И вот участок наш почти уже расчищен, и подходит срок нам его сдавать под пахоту; уже из МТС ребята-трактористы приходят осматривать расчищенный участок. Поле мы развернули большое: межевые заросли все смели с лица земли, и вместо пяти дробленых получилось теперь одно большое поле, вполне подходящее для любого комбайна. Есть где развернуться!

А вторая половина валуна у нас напоследок еще оставалась, так и торчала среди поля. И вот нас однажды вечером, за ужином, хозяин спрашивает, когда мы ее будем убирать.

Мы перемигнулись, и я говорю так небрежно, что, дескать, вторую половину валуна мы убирать не собираемся. Теперь уже места достаточно, нам тут времени терять нечего, нас канавокопатель ждет на соседнем участке.

Он так посмотрел на нас и говорит: «Ах, черт побери, так вы, правда, его так и оставите?»

«Да, — говорим, — так и оставим!» А сами только что в голос не хохочем. Накипело у нас за его руготню. Мы для виду достали даже чемоданчики да сундучки. Как будто складываемся, готовимся к скорому отъезду. И тут вдруг хозяин заходит к нам в комнату и говорит: «Ребята, дайте мне хоть кило полтора динамита. Если вы не хотите убирать, я взорву этот валун на мелкие куски, и мы сами с бригадой их перед пахотой уберем вручную».

Ну, мы видим, человек всерьез о деле беспокоится. Мы, конечно, объяснили, что завтра же с утра второй обломок свезем с поля прочь, потому что за нами работа недоделанная еще нигде не оставалась.

Он на нас посмотрел, повернулся и ушел. Слышим, ступеньки скрипят: лезет в погреб. И вылезает оттуда с бутылкой наливки, и приносит ее, и ставит нам на стол, и говорит:

— Ребята, давайте со мной мириться, черт вас побери!..

Все слушавшие рассказ бригадира просто прыснули, услышав это знакомое, видимо, всем «черт побери». Осис с трудом вытащил руку, прижатую локтем соседа, приподнялся со своего места и, потянувшись через стол, сразмаху хлопнул Яниса по плечу и засмеялся:

— А ты, черт побери, будешь над пожилым человеком потешаться!

— А что, неправда? — сказал, хохоча, бригадир.

— Правда,— сказал Осис, обращаясь уже к нам,— было такое дело. Я на них немножко сердился. Так уж мне казалось, что важнее дела, как канавы рыть, нет на свете. Уж очень мне хотелось, чтобы побольше да поскорее они выкопали. Эти канавы мне во сне снились. А к камням, к кустарнику мы привыкли, вроде они нам и не мешали. Я, например, этот валун увидел в первый раз, когда до края люльки дотянулся и в окошко заглянул: гляжу, сидит серый, пузатый посреди поля. И всю жизнь я его видел. Прежде-то я его не замечал и век мог с ним прожить. А как они половину откололи и увезли, и просторнее как-то стало, и я на него стал глядеть прямо, можно сказать, с ненавистью и с отвращением. Он же, уродина, над нами издевается. Расселся, как идол, каменная баба, и мы точно ей поклоняемся, уважаем ее очень, объезжаем. А ведь, если разобраться, она нам сто лет жизнь портит и проходу не дает. Очень меня зло на нее взяло.

Если бы теперь это поле какимнибудь чудом опять замусорилось всеми этими камнями, которые сейчас сложены по его краям, так мы, честное слово, завтра же на расчистку вышли, не стали бы больше терпеть.

— Вот у нас какой бригадир! — воскликнул тракторист.— А с хутора поедешь в деревню? Мы твой дом по знакомству на сани поставим и увезем.

— Хоть сейчас! — азартно крикнул Осис.— Мы со старухой в кино тоже пешком ходить желаем, а не то чтобы каждый раз кобылу запрягать да на тележке за восемь километров трястись!.. Вези, хоть сейчас! Только посуду из шкафа вытащу, чтобы вы чашки не побили, сам сяду к окошку, и вы меня везите, а я буду сидеть, из окошка любоваться на виды... А как будем то место проезжать, где этот окаянный валун, черт его побери, тыщу лет просидел, так вы немного остановитесь, ребята. Там мы с вами вытащим бутылочку, чокнемся на доброе здоровье!

НАШИ ШКОЛЬНИЦЫ

Ф. ВИГДОРОВА

На обложке этого номера вы видите девочку у микрофона.

— Внимание! Говорит школьный радиоузел!

Этот призыв в 183-й школе каждый считает обращенным лично к нему. Диск репродуктора, как всевидящее око, всеслышащее ухо: все, что происходит в стенах школы, становится известно школьному «Крокодилу».

Кто-то сказал на уроке химии, будто кислород одновалентен. Восьмиклассница заявила, что катет больше гипотенузы. А на уроке русского языка одна девочка сообщила учительнице и классу, что глагол «вернуться» не изменяется по временам. Мелкие случаи? Нечаянные оговорки? Ну, нет, «Крокодил» с этим не согласен; благодаря ему такие странные «высказывания» непременно выходят за пределы того класса, где они прозвучали впервые. И если какой-нибудь класс шумел во время урока, слишком бурно веселился на перемене, нарушил порядок в раздевалке, школьный «Крокодил» и об этом сообщит.

«Крокодил» придирчив, но беспристрастен, зорок, но объективен. Он справедливо полагает, что тень, сумерки надо разгонять и что повсюду должен проникать луч прожектора, который покажет плохое со всех сторон, во всей неприглядности: такой свет — общественное мнение — поможет лучше всяких лекарств!

Но вот подошел конец первого полугодия, наступил новый, 1953 год. Человеку, поднявшемуся на гору, виднее весь пройденный им путь. Большая дата — новый год — всегда заставляет обернуться, осмотреться, подумать, что сделано, что предстоит.

И решили: рассказать обо всем хорошем, что было в школе.

— Внимание, внимание! — говорит школьный радиоузел. — Прослушайте передачу «Наши успехи за полугодие».

Что же хорошего было в минувшем полугодии? Много было хорошего! С этим согласится каждый, кто побывал в 183-й школе Коминтерновского района Москвы, посидел на уроках, походил по коридорам и кабинетам, а главное, встречался с ученицами и учителями, с теми, кто растет и учится здесь, и с теми, кто их учит и растит. Ведь они-то — живые люди — и создают облик школы.

Школа... Ты приходишь сюда семилетним малышом, не умея ни читать, ни писать, и через десять лет покидаешь ее взрослым человеком, с волей, с характером, уже зная, что́ будешь делать в жизни. Десять школьных лет — это большой срок, долгий и трудный путь, эти годы наложат отпечаток на все, что будет с тобою в дальнейшем, потому что именно здесь возникает представление о жизни, о людях, о том, в чем же счастье и долг человека.

...Вокруг тишина, особая школьная тишина, ее ни с какой другой не сравнишь. Она еще полнее и глубже оттого, что из-за классных дверей слышится голос учителя или ученика, звучат стихи или рассказ об исторических событиях.

И тишина школьной читальни, насыщенная работой, — обманчивое молчание книг, чьи страницы повествуют о прошлом и настоящем, о войнах и мирной жизни, о людях, их страданиях и радостях, о подвигах и стремлениях. Первоклассница начинает с книжки, где больше картинок, чем текста, и постепенно приходит к Пушкину и Толстому.

Прозвенел звонок, возвещая конец занятий, но жизнь в школе не замирает. Сорок пять минут урока насыщены до отказа — и все же их мало. Они пробуждают столько новых и новых «почему», они заставляют задуматься над многим, будоражат мысль, толкают в читальню, в библиотеку, к новой книге. А новая книга рождает новые «почему», с которыми приходишь к учителю. В этом непрестанном кипении радость узнавания, и все, что происходит в школе, все делает эту радость полнее, многостороннее.

Почему и после уроков не прекращается жизнь в химическом кабинете? Да потому, что семиклассницы впервые в этом году познакомились с этой наукой и им хочется поскорее понять и проверить на опыте многое из того, что сказал учитель. А если есть девочки, которые еще не понимают, какое великое будущее у химии, — так не устроить ли пионерский сбор? И не начать ли с малого, с такой темы, как «Химия в быту»?

В кабинете естествознания своя жизнь, не менее увлекательная. Толстые папки, в них трофеи летних прогулок, путешествий по лесу и полю; между плотными листами гербариев засушенные листья и цветы: значит, и летом не забывали о школе. Кабинет заставлен цветами, зеленью, растения в горшках — на полу, вдоль стен, на подоконниках. Они кажутся такими неожиданными и праздничными — ведь зима на дворе, и окна щедро разрисованы морозом.

В шкафах кабинета наглядные пособия, сделанные руками самих учениц. Вот коробка из-под шоколада. В коробке не конфеты, а нечто более долговечное — скелет лягушки, и тут же тщательно, с величайшей точностью и аккуратностью выведенные надписи и разъяснения. С помощью такого наглядного пособия нетрудно строение лягушки изучить в совершенстве.

Насколько отчетливее становятся знания, насколько прочнее укладываются они в памяти, если на уроке не только произнесено слово учителя, не только стучит мел по доске, а еще и своими глазами видишь все, о чем рассказывает учитель! А уж о тех, кто сам мастерил пособия, и говорить нечего: знания, глаз, руки — все помогало друг другу. Ко всему прибавляется и законная гордость: вот поработали, смастерили, а теперь и товарищи лучше разберутся, лучше запомнят урок.

Читательские конференции, разговоры, а иногда и споры о книге или о виденном в театре — разве это не раздвигает рамки урока, разве не делает знания глубже, разностороннее, разве не будит желание узнать еще больше?

Девочка, ведущая радиопередачу, старается говорить бесстрастно, ровным голосом — она ведь только диктор, она просто перечисляет все хорошее, что сделано в школе за полгода. Но нет-нет, да и прорвется горячность непосредственного участника, который сам так недавно сделал, увидел, пережил что-то хорошее.

— Где мы только не побывали этой зимой, чего мы только не видели!

И впрямь: театр, Третьяковская галерея, художественные выставки, строительство Московского университета, завод, строительная выставка, типография — всего и не перечислишь!

На столе у преподавательницы литературы стопка ученических тетрадей. Это сочинения на вольную тему: «Что я видела в Третьяковской галерее», «Что такое

Уроки физкультуры в школе любят все — и большие и маленькие. Недаром школа вот уже два года держит районный кубок!

Школьницы побывали на заводе точноизмерительных приборов.
— Если что непонятно, спрашивайте! — говорит ученицам один из лучших стахановцев завода А. С. Ильин.

Отличницы 183-й московской школы семиклассница Светлана Лачинова (слева) и десятиклассница Лора Пугачевская.

Фото С. Фридлянда

По инициативе педагога Валентины Алексеевны Кавериной в школе устраиваются литературно-художественные вечера. На них исполняются сцены из произведений классиков. Девятиклассница Рита Вишняк готовит роль Ларисы в пьесе А. Н. Островского «Бесприданница». Ее подруги Нина Дубова (слева) и Юлия Шанина помогают «артистке» перед репетицией.

Фото С. Фридлянда

счастье?», «Каким должен быть друг», «Наши зарубежные друзья»,— каждая тема подсказана виденным, узнанным, заставила школьниц размышлять.

Во время экскурсии на завод точноизмерительных приборов возникла тема «Лучшие люди нашего района» — рабочий-стахановец, учитель, ученый. Оказалось, что жизнь, окружающая школу, если присмотреться к ней повнимательнее, непрестанно учит любить труд, познавать окружающее, вглядываться в мир, в людей, умно, споро и с любовью делающих свое дело. Естественно возникла и другая мысль: а мне кем стать? Кем я буду?

Так зародились в школе хорошие и умные вечера на тему «Кем быть». Чем ближе к выпуску, тем больше этот вопрос волнует и тревожит. Перечень вузов еще ничего не раскрывает, ведь хочется по-настоящему узнать, что таит в себе каждая профессия — какую радость, какие трудности. И девушки стали приглашать в школу студентов-выпускников, чтобы они рассказали им о своей профессии.

Много еще хороших традиций у школы. Одна из них — лекции, которые читают ученицы-старшеклассницы своим младшим подругам. Так, из года в год ученицы десятых классов рассказывают девочкам из шестого и седьмого классов о комсомоле. Это рассказ о славной истории, о прекрасных людях, воспитанных и закаленных комсомолом.

Каждый год из разных областей жизни, науки, искусства черпаются новые темы лекций. О том, как возникла лекция «История Большого театра», хочется сказать особо.

Однажды из библиотеки имени Сурикова сообщили, что ученицы 183-й школы Ира С. и Лена З. вырезали из книги портреты Козловского.

Разумеется, и убытки были возмещены и поступок девочек осужден. Но в комитете ВЛКСМ задумались и решили: этого мало! Убытки убытками, выговор выговором. Но как заставить девочек понять, что любовь к искусству вовсе не в том, чтобы изо всех сил кричать в антрактах, бегать по пятам за артистом и выпрашивать сувениры или выдирать портреты из книги? И комитет поручил Ире и Лене прочитать лекцию об истории Большого театра.

Недавно эта лекция состоялась. Насыщенная большим материалом — не просто прочитанным, но по-настоящему продуманным и усвоенным, — она оказалась одной из самых ярких и, наверно, надолго запомнится слушательницам. А для самих авторов лекции это стало очень серьезным, очень памятным уроком. Прочитав много книг, побывав в музее Большого театра, они не только основательно изучили историю замечательного театра, которым гордится наша страна. Они узнали, что такое труд артиста — большой, кропотливый труд, требующий не визгливого, неумного поклонения, а глубокого уважения и понимания.

Передача по радио продолжается... Все новые и новые дела — и хорошие дела: шефство над детским домом, драматический кружок, физкультурная работа...

Правильно, что, оглянувшись назад, на пройденное, комитет комсомола решил собрать по крупицам все хорошее, интересное и рассказать об этом. Это верная мысль: хороший опыт надо собирать, беречь, он многому учит и рождает новые мысли. И мы совсем не хотим портить праздничную передачу. То, что сейчас будет сказано, не ложка дегтя в бочке меда, это говорится не в укор. Просто надо задуматься и над тем, что не сделано, что еще предстоит сделать.

Вечера «Кем быть» — превосходная вещь. Но выбор профессии не может быть ограничен одним вечером и даже десятью вечерами.

Почему над вопросом «кем быть» задумываются чаще всего с девятого, десятого класса? Если вспомнить биографии больших ученых, врачей, инженеров, естествоиспытателей, мы убедимся: интерес к будущей профессии зарождался у них рано, в детстве, а не в канун окончания школы. И надо, чтобы школа, учитель помогали школьнику найти себя. А что делается для этого? Мало, очень мало! Кружки — это хорошо, но много ли школьников в этих кружках? Больше таких, которые не состоят ни в одном кружке. Вечера с участием студентов? И это хорошо, спору нет! Но нужно встречаться и с теми, у кого за плечами большой и богатый опыт, с теми, кто умеет этим опытом щедро делиться.

Недавно закончился XIX съезд Коммунистической партии Советского Союза. Вся наша страна живет сейчас огромными задачами, поставленными съездом, — задачами беспримерного созидания. Невиданно возрастает и роль школы — она готовит тех, кому предстоит строить светлое, великое завтра. В повестке дня политехнизация школы: надо воспитывать юношей и девушек так, чтобы, покидая школу, они не понаслышке, а по-настоящему были знакомы с основами наук.

Экскурсии на завод, даже самые интересные экскурсии — это еще не политехнизация школы. И тут над многим надо всерьез подумать. И плохо, что предприятия, шефствующие над школой, которые могли бы очень и очень практически помочь ей, остаются равнодушными.

И еще: это может кое-кому показаться очень уж неважным и незначительным, а нам думается, это и важно и значительно. Вот в 183-й школе есть драматический кружок, и каждая литературная дата всегда сопровождается спектаклем или инсценировкой. Но наступает, например, гоголевский юбилей — и Чичикова, и Ноздрева, и Собакевича должны играть девочки: им не позволили пригласить мальчиков из соседней 182-й школы. Почему? Почему вечер во время каникул устраивался каждой школой порознь, а не вместе, если рядом, в одном дворе, стоят две хорошие школы — одна мужская, другая женская? Нельзя искусственно отгораживать женские школы от мужских, нельзя наотрез, без объяснений, запрещать (а объяснить тут, в сущности, ничего нельзя!) устраивать общие кружки, совместные вечера, вместе читать книги и спорить о них.

И, право же, после радиопередачи обо всем хорошем, что было в школе, стоит устроить еще одну: о том, что предстоит сделать, над чем надо подумать, чтобы работа школы стала еще интересней, еще лучше, еще содержательнее!

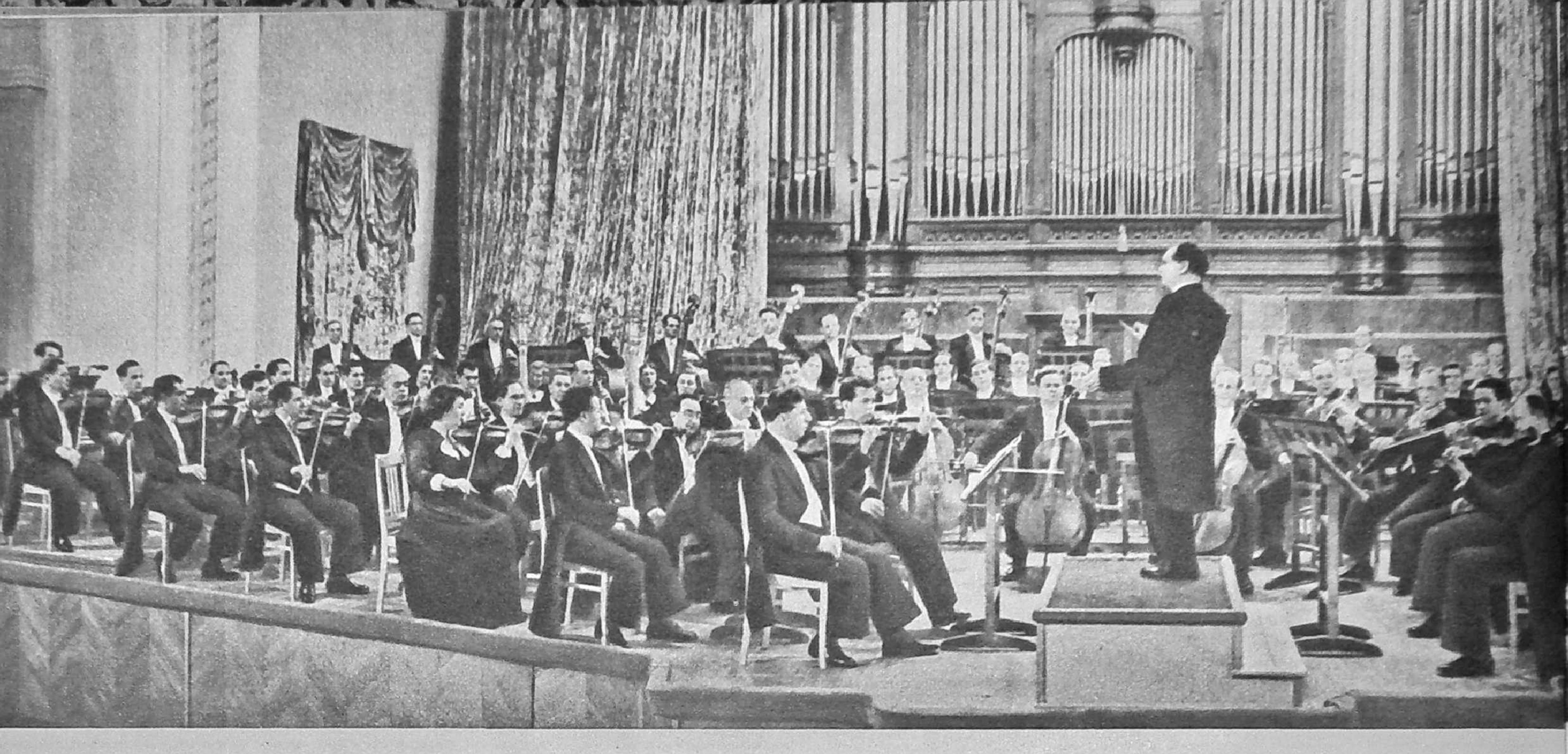
Пять лет длится дружба учениц 183-й школы с детским домом, что в Лианозове. Приезд школьниц — всегда большой праздник для малышей.

На уроках рукоделия развивается вкус, воспитываются терпение, аккуратность. Сколько раз приходится распарывать, прежде чем получится хорошо и красиво!

Много кропотливого труда вложено в эту маленькую коробку со скелетом лягушки!

В Большом зале Московской государственной консерватории имени П. И. Чайковского. Выступление Государственного симфонического оркестра Союза ССР под управлением дирижера К. Иванова. В программе концерта произведения русской классики и советских композиторов.

О СОВРЕМЕННОЙ М

Анатолий НОВИКОВ,
заслуженный деятель искусств РСФСР

Исполнилось пять лет со дня опубликования исторического постановления Центрального Комитета нашей партии «Об опере «Великая дружба» В. Мурадели». В этом постановлении отмечалось:

«...Советский народ ждет от композиторов высококачественных и идейных произведений во всех жанрах — в области оперной, симфонической музыки, в песенном творчестве, в хоровой и танцевальной музыке. В нашей стране композиторам предоставлены неограниченные творческие возможности и созданы все необходимые условия для подлинного расцвета музыкальной культуры. Советские композиторы имеют аудиторию, которой никогда не знал ни один композитор в прошлом. Было бы непростительно не использовать все эти богатейшие возможности и не направить свои творческие усилия по правильному реалистическому пути».

«Задача,— говорил на совещании деятелей советской музыки в Центральном Комитете партии товарищ А. А. Жданов,— заключается в том, чтобы утвердить превосходство советской музыки, создать могучую советскую музыку, включающую в себя все лучшее из прошлого развития музыки, которая отображала бы сегодняшний день советского общества и могла бы еще выше поднять культуру нашего народа и его коммунистическую сознательность». Выполняя эти мудрые указания партии, стремясь достойно удовлетворить высокие духовные запросы народа, создатели советской музыки, которым веское и своевременное слово партии открыло широчайшие творческие горизонты, несомненно, достигли за пять прошедших лет значительных и радостных успехов. Но столь же несомненно, что долг советских композиторов перед народом еще очень велик, что и поныне не преодолены некоторые прежние недостатки, а сделанное нами — лишь небольшая частица того, что предстоит сделать.

Думается, мы вправе сказать, что антинародное формалистическое направление в нашей музыке, сурово осужденное постановлением Центрального Комитета партии «Об опере «Великая дружба» В. Мурадели», разбито наголову. «Музыкальная душегубка», как назвал А. А. Жданов формалистическую, насыщенную натуралистическим звукоподражанием музыку, пошла на слом. Правда, иной раз в творчестве советских композиторов еще сказываются отдельные рецидивы формализма, например, в симфонии № 3 Б. Лятошинского, в струнном квартете Г. Попова. Оба названные произведения, появившиеся в 1951 году, были тогда же резко раскритикованы советской общественностью.

Однако если в нашей новой музыке нет диссонансов, нет атональности, нет больше сумбурных, невропатических, режущих слух звукосочетаний, то это еще не означает, что мы окончательно избавились от формалистического наследства. Говоря о доходчивости произведения, мы порой упускаем из виду его привлекательность и, главное, его содержательность. Ведь под внешне благополучным обликом произведения, не лишенного мелодичности, просто и умело гармонизованного и, казалось бы, вполне доходчивого, иногда скрывается серая скука. Простота формы хороша, но если в этой форме заключено убогое, скудное содержание, то музыка останется бездушной, холодной, не затрагивающей человеческой души.

Нередко в концертных залах видишь, как глубоко волнуют слушателей симфонические произведения композиторов-классиков. Звучит музыка Чайковского — и весь зал охвачен волнением, и вот уже юная студентка, не стыдясь своих слез, вытаскивает из сумки платочек, и замер, сосредоточившись, ее сосед, видимо, молодой рабочий, и восхищенное изумление застыло в глазах пожилой женщины. Такова сила эмоциональной насыщенности произведения, его глубокой драматичности, его подлинной человечности.

Часто ли мы можем похвалиться тем, что так слушают музыку советских композиторов? К сожалению, далеко не часто. И надо сказать, что в этом повинна и вредная теория бесконфликтности, которая принесла значительный ущерб нашему музыкальному творчеству, особенно оперному. Да и природа симфонии требует воплощения в ней борьбы, острого идейного конфликта, утверждения большой мысли. Новая, Седьмая симфония Прокофьева, обладающая определенными достоинствами, лишена, однако, главного: в ней нет борьбы, она бесконфликтна, а потому и эмоционально бедна. Не раскрывая в полной мере духовного мира наших современников, она, само собой разумеется, не может их взволновать.

Прошедшие пять лет показали, насколько благотворным для ряда крупных композиторов было избавление от груза прежних формалистических ошибок и заблуждений. Люди, некогда напряженно слушавшие 8-ю и 9-ю симфонии Д. Шостаковича, не понимавшие их и с горечью спрашивавшие себя, в чем тут дело, кто виноват в этом непонимании — сами слушатели, которые, быть может, «не доросли», или композитор, который ушел от народа в дебри диссонансов, дисгармонии,— теперь с восхищением и благодарностью внимают созданной Шостаковичем ясной, талантливой, сильной музыке фильма «Падение Берлина», оратории «Песнь о лесах».

Пятилетие развития советской музыки по реалистическому пути принесло нам такие признанные народом и полюбившиеся широким кругам слушателей произведения, как 27-я симфония Н. Мясковского, концерты для скрипки с оркестром Д. Кабалевского и Б. Дварионаса, симфоническая сюита «Памяти Леси Украинки» А. Штогаренко, кантата М. Ашрафи «Песнь о счастье», «Русская фантазия» и другие произведения Н. Будашкина, хоровая сюита «Река-богатырь» В. Макарова, песни И. Дунаевского, Б. Мокроусова, В. Мурадели, Ю. Милютина, В. Белого, С. Туликова, романсы Ю. Шапорина и другие.

Особенно отрадны успехи композиторской молодежи. «Кантата о Родине» А. Арутюняна, концерт для фортепьяно с оркестром О. Так-

Фото А. Гаранина

УЗЫКЕ

такишвили, квартеты С. Цинцадзе, симфоническая поэма В. Мухатова «Моя Родина», поэмы Г. Галынина и А. Муравлева говорят о том, что творчество молодежи приобретает уверенность и зрелость.

Этот перечень мог бы послужить известным отчетом советских композиторов своему народу, если бы он, этот список, мог быть продолжен новыми современными оперными произведениями.

Но, к сожалению, задача создания полноценной оперы на современные темы не выполнена и поныне. Больше того, советская общественность подвергла суровой и справедливой критике появившиеся в последнее время оперы — «От всего сердца» Г. Жуковского и «Богдан Хмельницкий» К. Данькевича. Наши композиторы все еще не сумели реализовать в своем творчестве указания партии, поставившей перед советскими музыкантами ясные цели, подсказавшей единственно верный путь — путь глубокой идейности, жизненной правдивости, народности, подлинного мастерства.

Даже произведения, обладающие достоинствами, как, например, опера Ю. Мейтуса «Молодая гвардия», в целом никак не могут служить образцами современной советской оперы. Арии героев «Молодой гвардии» очень мало, почти ничего не говорят об их характерах. Образ Олега Кошевого особенно бледен и схематичен. И когда советские молодые люди поют в этой опере песню за праздничным столом, то она прямо напоминает по своему характеру старинную застольную. Невольно удивляешься этому более чем странному сближению.

Испытание временем показало, что роман А. Фадеева и фильм С. Герасимова раскрыли образы молодогвардейцев гораздо более взволнованно, верно и сильно, чем опера, так и не ставшая по-настоящему популярной.

Зрители ходят десятки раз на «Евгения Онегина», и гениальная музыка этой оперы всякий раз заново волнует и радует их. А наши советские оперы, видимо, не содержат в себе того эмоционального богатства, которое характерно для нашей оперной классики.

Для того, чтобы советский народ, который с такой любовью относится к опере, получил произведения, достойные замечательных традиций Глинки и Чайковского, Мусоргского и Римского-Корсакова, необходимо полностью учесть уроки недавних творческих неудач Г. Жуковского и К. Данькевича. Между тем, будем откровенны, у нас появилась в последнее время какая-то всеобщая боязнь оперы. Композиторы опасаются, «как бы чего не вышло», и мало работают в оперном жанре. Совершенно недостаточно занимаются вопросами оперного творчества и Союз советских композиторов и Комитет по делам искусств. И в Союзе композиторов и в Комитете по делам искусств работа из года в год строится на основе ложного и вредного убеждения, будто оперу могут создавать лишь избранные композиторы. А ведь такая практика уже неоднократно проваливалась!

Оперные театры обязаны систематически работать с композиторами над созданием новых оперных спектаклей. При такой постановке работы мы могли бы иметь не один десяток новых оперных произведений ежегодно. Это позволило бы накопить неизмеримо более широкий творческий опыт и вплотную подойти к созданию произведений, которые завоевали бы популярность в народе.

Может быть, одной из существенных причин отставания оперного жанра является то, что композитор, который задумал создать оперу, совершенно лишен возможности своевременно проверить на публике результаты своего труда и усовершенствовать их. Правда, при Всероссийском театральном обществе существует оперный ансамбль. Но он не имеет ни сценической площадки, ни оркестра и функции творческой лаборатории практически выполнять не может. Такая лаборатория могла бы быть создана в одном из наших крупных оперных театров, тогда и возможности оперной сцены реализовались бы гораздо более плодотворно.

Необходимость тесного контакта театра с композитором и драматургом ярко подтвердилась, например, во время постановки в Ленинградском Малом оперном театре оперы «Суворов» С. Н. Василенко. Эта опера впервые появилась на московской сцене в 1941 году. Ныне автор ее сумел учесть ценные замечания зрителей, а ленинградский театр, заинтересовавшись произведением, заново осуществил его постановку во второй, более совершенной редакции. И сейчас уже можно говорить о явной удаче композитора в создании центральных образов Суворова и Багратиона, о богатстве и эмоциональности всего спектакля в целом.

Опыт ряда советских композиторов-песенников, которые в своем творчестве опираются на практическую поддержку таких замечательных коллективов, как Краснознаменный ансамбль песни и пляски Советской Армии, хор имени Пятницкого, хор под руководством А. Свешникова, хор Всесоюзного радиокомитета, а также на творческий труд таких солистов, как С. Лемешев, Н. Обухова, Алексей Иванов, В. Давыдова, М. Максакова и другие, свидетельствует о том, что возможность широко и свободно общаться со слушателями приносит желанные плоды.

С высокой трибуны XIX съезда Коммунистической партии Г. М. Маленков с предельной ясностью осветил одну из наиболее сложных и волнующих проблем художественного творчества — проблему типического. Как долго мешало нашим композиторам ложное понимание типического как чего-то обыденного, наиболее распространенного! Товарищ Маленков сказал:

«...типично не только то, что наиболее часто встречается, но то, что с наибольшей полнотой и заострённостью выражает сущность данной социальной силы... Сознательное преувеличение, заострение образа не исключает типичности, а полнее раскрывает и подчёркивает её».

Эти слова с изумительной глубиной отвечают на многие вопросы, волнующие композиторов, на вопросы, которые еще недавно запутывались некоторыми теоретиками и музыковедами до полной неразберихи.

Руководствуясь теми идейно-теоретическими указаниями, которые содержатся в выступлениях руководителей партии и правительства и партийной печати по вопросам искусства, композиторы, работающие над созданием новых музыкальных произведений, должны снова и снова выверять направление своих творческих поисков безупречным компасом реализма и народности.

Несмотря на то, что поныне в области оперного творчества мы еще не достигли необходимых результатов, можно с уверенностью ожидать, что ближайшее будущее принесет советским слушателям и зрителям радостные и волнующие впечатления в залах оперных театров. У нас есть уже успехи в области создания современных советских балетов. Несомненно, появятся и новые советские оперы.

«В бурю» Т. Хренникова в постановке Государственного музыкального театра имени К. С. Станиславского и В. И. Немировича-Данченко. Сцена из 4-го акта: рассказ Фрола Баева о поездке в Москву.

Фото Б. Рябинина

КРЫЛЬЯ МИРНОГО ТРУДА

Вечером в Центральном аэропорте Москвы. Самолет уходит в Киев.

Фото Я. Рюмкина

— Пассажиров, следующих на Якутск, просят пройти на перрон.

— Произвел посадку самолет, прибывший из Владивостока.

— Отлетающие на Сталинабад, подойдите к билетной кассе.

Усиленные репродукторами голоса отчетливо звучат под сводами просторного, отделанного мрамором зала. Днем и ночью подъезжают автобусы к подъезду аэропорта. Люди с чемоданами и портфелями проходят к перрону, неторопливо рассаживаются в мягких креслах самолетных кабин, чтобы, распростившись с Москвой, через несколько часов очутиться на Урале или в Закарпатье, на берегах Енисея или Аму-Дарьи.

Центральный аэропорт столицы — Внуково... Если подсчитать, сколько народу отправляется отсюда по воздуху в течение года во все концы страны и за границу, то получится количество, равное населению крупного города. Грузов и почты, отправляемых из Внукова, хватило бы для того, чтобы загрузить десятки железнодорожных составов.

На огромной, выложенной мозаикой карте, украшающей аэровокзал, стрелами, расходящимися на север, юг, восток и запад, показаны воздушные трассы. Представим себе их вытянутыми в одну линию, и мы получим расстояние, в четыре с лишним раза превышающее длину земного экватора.

А тридцать лет назад, когда в нашей стране была открыта первая воздушная линия Москва — Нижний Новгород, по ней перевезли за год всего 229 пассажиров и 1800 килограммов почты и грузов.

В день 10-летия ГВФ, 9 февраля 1933 года, В. В. Куйбышев говорил: «В области авиации мы даже сделали больше, чем в какой-либо другой из новых отраслей народного хозяйства».

Сравнивая положение авиации в капиталистических странах и в СССР, он отмечал: «Там авиация — это техника разрушения. А у нас — это техника созидания».

Слова эти с огромной силой звучат сегодня, когда все человечество стало свидетелем неслыханных зверств американских воздушных пиратов в Корее.

Родина авиационной науки и техники, наша Советская держава создала могучий воздушный флот, служащий мирным целям.

На самолетах, построенных отечественными заводами, сталинские соколы прокладывали новые воздушные трассы, совершали рекордные перелеты. Одна за другой вступали в строй авиалинии, связывающие центры страны с отдаленными окраинами. Воздушные корабли стали частыми гостями на зимовках Арктики, в горных селениях Памира, в оазисах Кара-Кумов. По всей стране создана сеть авиационных санитарных станций. Скорая помощь по воздуху прочно вошла в быт небольших городков, рабочих поселков, колхозных сел.

Много и самоотверженно трудились работники гражданской авиации в годы Великой Отечественной войны. Летая в тылы врага, они снабжали партизан боеприпасами, доставляли различные грузы.

Особенное развитие получила гражданская авиация в послевоенные годы. Как отмечал товарищ Г. М. Маленков в докладе на XIX съезде Коммунистической партии, грузооборот воздушного транспорта вырос с 1940 по 1952 год в 9,2 раза, а протяженность почтовых авиалиний увеличилась в 2,5 раза.

Воздушные линии связывают нашу Родину с Китайской Народной Республикой, Монголией, со странами народной демократии, с Финляндией, Австрией и Афганистаном.

Пилоты гражданской авиации деятельно участвуют в великих стройках коммунизма, перевозят пассажиров и срочные грузы, производят аэрофотосъемку, геологическую разведку. В зоне строительства Главного Туркменского канала самолеты используются также и для лесонасаждений — в целях закрепления песков.

На сотнях тысяч гектаров колхозных и совхозных полей применяется авиационная подкормка посевов минеральными удобрениями, что значительно повышает урожайность. Успехи советской химии позволяют использовать самолеты для прополки посевов. Один самолет, опрыскивающий поле, зараженное сорняками, заменяет несколько сот человек. Наши летчики провели немалую работу в странах народной демократии, очищая посевы картофеля от вредителя — колорадского жука, которого сбрасывали с самолетов воздушные гангстеры из Соединенных Штатов Америки.

Директивы XIX съезда партии по пятому пятилетнему плану отводят видное место развитию гражданской авиации. При общем росте грузооборота всех видов транспорта примерно на 46 процентов воздушный транспорт должен увеличить перевозки не менее чем в два раза.

С. МЕСЯЦЕВ

Бумага сделана в Лигатне

В писчебумажных магазинах многих городов нашей страны продают хорошую меловую бумагу, школьные и нотные тетради, блокноты для записей и рисования, писчую бумагу и конверты, настольный картон, папиросную шелковую и креповую цветную бумагу с марками латвийских бумажных фабрик. Многие книги также напечатаны на бумаге, изготовленной латвийскими мастерами. Латвийская бумага широко известна в нашей стране высоким качеством.

Особенно славятся сорта бумаги, выпущенные на фабрике Лигатне, которая существует без малого сто лет. Здесь работает много старых, опытных мастеров.

Вся жизнь Августы Яновны Тийс связана с Лигатне. На этой фабрике трудились ее дед и отец. Мать проработала в тряпичном цехе фабрики 50 лет. Августа Яновна девочкой пришла сюда в 1913 году. За долгие годы ей пришлось быть в тряпичном, боббинном и линовальном цехах, приходилось выполнять и мужскую работу на каландре...

— Впервые за три десятка лет мою работу заметили в 1940 году, когда Латвия стала советской. Я стала стахановкой. А в 1945 году меня выдвинули начальником цеха. Восьмидесятилетняя мать до сих пор не перестает удивляться этому и все беспокоится, справляюсь ли я с работой, — говорит Августа Яновна.

Мартина Михайловича Земмера в Лигатне называют живой историей фабрики: он работает тут с 1904 года. Мартину Михайловичу 72 года, но и сейчас он считается одним из лучших рабочих фабрики.

Вместе со старыми мастерами на фабрике отлично работает молодежь. Получив образование в Латвийском государственном университете и в Каунасском целлюлозно-бумажном техникуме, десятки молодых специалистов осваивают опыт таких мастеров, как Земмер и Тийс.

Мартин Михайлович помнит, как в конце прошлого века капиталисты, предварительно застраховав фабрику, дважды поджигали ее. Огонь уничтожал устаревшее оборудование, и на деньги, полученные за страховку, владельцы фабрики приобретали новые машины. Но поджоги не помогали: крах следовал один за другим, десятки раз сокращалось производство, и рабочих выбрасывали за ворота.

Каландровщик Мартин Михайлович Земмер.

Фото С. Розенфельда

Только в годы советской власти Лигатне достигла настоящего расцвета. Теперь это — крупное предприятие, выпускающее 30 сортов бумаги, а по количеству — много больше, чем до войны.

Оборудование фабрики реконструируется. Недавно сюда прибыла сделанная на Ленинградском заводе имени 2-й пятилетки новая бумажная машина. Она полностью автоматизирована. Водитель управляет ею легким нажимом кнопки. За смену новая машина дает вдвое больше бумаги, чем однотипные, старые.

В пятой пятилетке на фабрике появится много новых совершенных отечественных машин, процесс производства будет полностью механизирован и автоматизирован.

Н. ХРАБРОВА

Знамя из Кореи

Прекрасный подарок сталинградским гидростроителям прислали трудящиеся уезда Пхунсан, провинции Южный Хамген, Корейской Народно-Демократической Республики. Строителям передано знамя, на лицевой стороне которого изображен московский Кремль, а на оборотной — вид Хочханской гидроэлектростанции в Корее. Вместе со знаменем получено письмо, вышитое на полотне.

«Известие об успешном ходе строительства Сталинградской гидроэлектростанции у города Сталинграда, города-героя, города, носящего имя вождя трудящихся всего мира товарища Сталина,— говорится в письме,— воодушевляет нас, находящихся в обстановке жестокой войны против американо-английских империалистов, на окончательную победу в нашей справедливой освободительной войне.

Мы хорошо знаем вас, как наших близких и родных. Мы знаем, что в период Великой Отечественной войны вы с небывалым в истории героизмом обороняли город Сталинград. Сражение на Сталинградском тракторном заводе, рукопашная битва в доме Павлова, героизм отважных бойцов частей под командованием Чуйкова и Родимцева — все это вселяет отвагу и мужество в сердца корейской молодежи и всего народа, борющегося за свободу и независимость своей Родины, против вооруженных наемников американского империализма. Рабочий класс Кореи, как и весь корейский народ, борется сегодня так же, как боролись героические защитники Сталинграда».

Строители Сталинградской ГЭС отправили ответное письмо трудящимся Пхунсана с пожеланием победы над американскими захватчиками и новых успехов в строительстве Корейской Народно-Демократической Республики.

А. МАКСИМОВ

У конструкторов Минского автомобильного

В стране не найти, пожалуй, такой крупной стройки, где бы не работали шеститонные самосвалы с эмблемой Минского автозавода — серебряным зубром. Заслуженную славу принесли белорусским автостроителям двадцатипятитонные самосвалы-гиганты, самые крупные в Советском Союзе.

Над чем трудится сейчас коллектив минских автостроителей?

Главный конструктор завода лауреат Сталинской премии Георгий Михайлович Кокин рассказал корреспонденту «Огонька»:

— Изучая опыт эксплуатации нашей основной машины, шеститонного самосвала МАЗ-205, мы еще в прошлом году внесли немало улучшений в ее конструкцию. Сейчас наши конструкторы заняты приспособлением МАЗ-205 к условиям работы в зоне строительства Главного Туркменского канала.

Известно, что механизмы, которые в обычных условиях служат человеку десятки лет, в жаркой и пыльной Каракумской пустыне за год совершенно изнашиваются. Мы же стремимся к тому, чтобы наши машины были живучими даже в этих тяжелых климатических условиях. Чтобы пыль и песок не проникали на трущиеся поверхности деталей, конструкторы создают герметизацию агрегатов контрольных приборов автомобилей.

Заводские конструкторы разрабатывают проект прицепа грузоподъемностью в 40 тонн, с кузовом, автоматически опрокидывающимся по желанию водителей на правую или на левую сторону.

Заказы великих сталинских строек коллектив Минского автозавода принимает как особую честь и с энтузиазмом трудится над их выполнением.

БИБЛИОТЕКА—ДРУГ, СОВЕТЧИК

В залах этого дома можно встретить партийного работника и инженера, рабочего и профессора, врача и учителя, композитора и актера. Свыше двух тысяч человек — коммунистов и беспартийных активистов — регулярно посещает библиотеку Свердловского горкома КПСС.

Сюда люди идут, движимые желанием учиться, овладевать марксистско-ленинской теорией.

В просторных и уютных читальных залах библиотеки готовятся к лекциям и беседам пропагандисты, работают над диссертациями будущие кандидаты и доктора наук, обогащают свои знания стахановцы-новаторы, руководители промышленных предприятий. Книгохранилище в 100 тысяч томов доступно всем.

Многочисленных посетителей обслуживает небольшой, но слаженный коллектив библиотекарей. Эти люди обязательно узнают, кто пришел к ним, откуда, с чего он начинает. Они уверены, что пришедший сюда в первый раз станет постоянным посетителем.

Электрик исполкома городского Совета Василий Алексеевич Смыслов пять лет назад попросил дать ему краткую биографию Иосифа Виссарионовича Сталина. Вскоре он обратился в библиотеку за консультацией по первой главе «Краткого курса» истории партии. За вторым посещением последовало третье, четвертое. Смыслов стал регулярно заниматься. Сейчас комсомолец Смыслов — студент юридического института.

Девять лет посещает библиотеку и готовится здесь к урокам преподавательница географии в старших классах средней школы Мария Николаевна Вознесенская.

Преподавательница английского языка Тамара Ивановна Богомолова впервые пришла сюда в 1949 году. Затем она вступила в партию и с помощью библиотеки отлично окончила вечерний университет марксизма-ленинизма. Сейчас Т. И. Богомолова — секретарь первичной партийной организации.

Зинаида Евгеньевна Попова-Ярушина, врач детского санатория, живет за городом, но нередко бывает в библиотеке. Она тоже поступила учиться в вечерний университет марксизма-ленинизма и первый курс окончила на «отлично».

В три часа дня начинают работать библиотечные кабинеты. Здесь можно получить квалифицированные консультации по истории партии, политэкономии, философии, по всем вопросам партийной работы.

В помощь самостоятельно изучающим теорию марксизма-ленинизма организовано восемь циклов лекций. С кафедры лекционного зала выступают лучшие лекторы города.

...До начала очередной лекции о труде товарища Сталина «Экономические проблемы социализма в СССР» остается двадцать минут. Но в коридорах уже оживление. Слушатели, собравшись группами, вспоминают слышанное на предыдущей лекции, спорят друг с другом, советуются, как лучше законспектировать материал.

Главный библиотекарь С. Н. Павлова помогает электрику В. А. Смыслову подобрать литературу.

Фото Ю. Добронравова

С книгами и тетрадями идет в лекционный зал молодой рабочий. Мы узнаем его: это стахановец турбомоторного завода коммунист Валентин Алексеевич Баранов. Он ведет с рабочими завода беседы о решениях XIX съезда партии. Лекции в библиотеке помогают ему давать правильные ответы на многочисленные вопросы.

День ото дня библиотека завоевывает все бо́льшую популярность и авторитет, становится подлинным учебно-методическим центром работы широкой и разветвленной сети партийного просвещения.

«Все наши кадры, все без исключения,— говорил на XIX съезде партии товарищ Г. М. Маленков, — обязаны работать над повышением своего идеологического уровня, овладевать богатым политическим опытом партии, дабы не отставать от жизни и стоять на высоте задач партии».

Стоять на высоте задач партии! В выполнении этого требования, как верный друг и советчик, помогает библиотека горкома партии.

О. МАРКОВА

Над пустыней

Около года назад, когда в Тахиа-Таше не было почти ни одного готового большого здания, в конце улицы, которую потом назвали улицей Мира, неожиданно для строителей города опустился самолет.

Летчик Семен Лиманько и поныне вспоминает, как трудно было найти среди барханов и хлопковых полей посадочную площадку. Его внимание привлек пустырь. Тогда это была окраина города. Сейчас это центр Тахиа-Таша...

Так зародилась своя авиация на строительстве Главного Туркменского канала.

Куда только с тех пор не приходилось летать пилотам Средазгидростроя! Они бывают в Ташкенте и Ашхабаде, за несколько часов достигают южного участка трассы — у Казанджика.

Самолетам уже давно отвели другую площадку — за границами разросшегося города. И гул их часто слышен над Тахиа-Ташем.

Ученые и рядовые строители, инженеры и работники управления пользуются авиацией великой стройки. Но на борту самолетов не всегда бывают пассажиры. Часто сиденья снимаются, и всю площадь занимают баллоны с кислородом, запасные части к экскаваторам, оборудование или другой срочный груз, который нужен на стройке сегодня, сейчас...

Десятки раз летчики строительства пересекали пустыню из края в край. Не было ни одной вынужденной посадки, ни одной аварии.

В Кара-Кумах проложены надежные воздушные пути.

В. КОЛЕСОВ

Мозаичная карта Советского Союза

Георгиевский зал Зимнего дворца сверкает белоснежным мрамором. Двадцать шесть люстр ярко освещают его богатое убранство.

Посетители Эрмитажа направляются в самую глубь огромного зала. Там, сверкая драгоценными камнями, возвышается грандиозных размеров мозаичная карта Советского Союза.

В цехах ленинградского завода «Русские самоцветы» над картой трудились вместе с камнерезами, гранильщиками и мозаичистами инженеры-конструкторы, художники, ювелиры, географы, экономисты.

Мастера, подбирая камешек к камешку, выкладывали синие ниточки рек из лазурита, обширные равнины — из яшмы и нефрита. Голубыми аквамаринами прокладывали они Северный морской путь, Беломорско-Балтийский канал.

Используя яркую гамму уральских самоцветов и драгоценных камней, советские мастера создали небывалое по размерам и разнообразию красок мозаичное полотно. Узор карты был выложен из нескольких десятков тысяч камней. Это было пятнадцать лет назад. Слава о чудесном творении советских мастеров прогремела на весь мир. Дважды экспонированная на международных выставках—в 1937 году в Париже и в 1939 году в Нью-Йорке — карта получила высокую оценку.

...Шли годы, изменялся облик нашей Родины, переместились ее границы. Еще до Великой Отечественной войны в узор карты было внесено много изменений. Но когда в послевоенные годы ее передали Государственному Эрмитажу, то стало очевидно, что она нуждается в коренной переделке.

За реконструкцию карты взялись преподаватели и учащиеся Ленинградского 24-го художественно-ремесленного училища, реставраторы Эрмитажа, мастера ленинградского завода треста «Русские самоцветы». Столицы союзных республик обозначили рубиновыми звездами, а Москву — рубиновыми буквами и бриллиантовыми серпом и молотом. Заново выложили орлецом красноватого цвета государственные границы. На площади в 27 квадратных метров укреплено около 50 тысяч кусочков уральских самоцветов и драгоценных камней.

Над гигантской мозаичной картой возвышается герб СССР. Земной шар выложен из лазурита и орской яшмы. Гранями чистого хрусталя сверкают серп и молот. На мраморном фризе, по обе стороны карты, золотыми буквами начертаны слова Гимна Советского Союза.

К. РЕВКОВ

В Георгиевском зале Государственного Эрмитажа в Ленинграде. Экскурсанты рассматривают мозаичную карту СССР.

Фото Н. Янова

Вязовка — сосед Москвы

В эти дни в жизни молодого рабочего Льва Прянишникова произошло два значительных события. Окончив курсы, он получил новую специальность — машиниста автоматической линии. Вскоре товарищи по заводу выдвинули кандидатуру Л. М. Прянишникова в депутаты Вязовского сельского совета.

Может показаться странным: почему заводской коллектив участвует в выборах сельского совета? Но объясняется это очень просто: Вязовка — сосед Москвы. Рядом с селом и колхозными владениями высятся корпуса строящегося Люберецкого завода железобетонных изделий.

Массивные колонны для каркасов зданий, готовые лестничные марши и площадки, панели для перекрытий и стен — такова его будущая продукция. Ежегодно Люберецкий завод будет выпускать железобетонных изделий для постройки 350 тысяч квадратных метров жилой площади. Второе подобное предприятие сооружается на другом конце Москвы — в Шелепихе. Первенцы индустриального жилищного строительства, заводы эти не имеют себе равных в мире. Спроектированные советскими специалистами, они оснащаются уникальным отечественным оборудованием, рассчитанным на максимальную механизацию труда. Достаточно сказать, например, что автоматическая линия, на которой работает машинистом Лев Прянишников, заменит труд ста человек. На заводе уже немало рабочих, занятых испытанием и наладкой оборудования.

Наряду с этим агрегатом, построенным москвичами-станкостроителями «Красного пролетария», Люберецкий завод получил и продолжает получать множество других технически совершенных машин, впервые созданных машиностроителями Ленинграда и Урала, Поволжья и Донбасса, Украины и Закавказья.

В главном корпусе, где расположены ведущие цехи Люберецкого завода, полным ходом идет монтаж оборудования четырех конвейеров. С этих конвейеров будут сходить готовые железобетонные изделия.

Рядом с заводской площадкой раскинулся рабочий поселок, выросший за последний год. Соседями колхоза имени К. Е. Ворошилова стали строители, монтажники и заводские рабочие, осваивающие новые, невиданные прежде машины.

Машинист Люберецкого завода железобетонных изделий Л. М. Прянишников.

Фото О. Кнорринга

С. ТИМОФЕЕВ

Снова за учебу!

Более двухсот студентов московских вузов провели каникулы в Болшеве, в Доме отдыха ЦК профсоюза рабочих машиностроительной промышленности. На снимке: после утреннего завтрака. Кто собрался на каток, кто на лыжах идет в лес, кто отправляется в парк.

Фото М. Савина

Весело провели минувшие две недели сотни тысяч советских студентов. Зимние каникулы — радостная пора в жизни высших школ. После напряженной учебы, экзаменационной сессии — заслуженный отдых.

Клубы, театры, музеи, концертные залы, санатории, дома отдыха, экскурсионные базы — все было к услугам вузовцев. Ничего не жалеет для них Родина.

Многие студенты провели каникулы в санаториях и домах отдыха. Такова традиция: с 25 января большинство путевок в здравницы поступает в распоряжение высших школ.

Никогда в поездах не встретишь столько молодежи, как в последние дни января: студенты едут на экскурсии. Много гостей из различных городов страны принимали высшие учебные заведения столицы. Киевляне — будущие инженеры-строители — отправились в Новую Каховку, на великую стройку. Отличники из вузов Армении гостили в Баку. Студенты Днепропетровска отправились в дальние туристские походы — в Подмосковье, Эстонию, Закарпатье.

Бодрые, жизнерадостные, окрепшие, набравшись новых сил, вернулись студенты в свои аудитории и лаборатории.

Слева направо: Владимир Карпычев, С. Г. Шишкин, Н. В. Карпычев и Евгений Шишкин.

В одном техникуме

На этом снимке — отцы и сыновья, и все они учащиеся Свердловского машиностроительного техникума имени Серго Орджоникидзе на Уралмашзаводе.

Технолог отдела сварки Уралмаша пятидесятилетний Сергей Григорьевич Шишкин и руководитель группы в отделе главного металлурга Уралмаша Николай Васильевич Карпычев учатся без отрыва от производства на втором курсе вечернего отделения. Сын Сергея Григорьевича — комсомолец Евгений — на третьем курсе дневного отделения. Он выбрал себе специальность турбостроителя. Сын Николая Васильевича — Владимир — на первом курсе дневного отделения.

Отцы — старые уралмашевцы. Они приехали сюда еще на стройку, в 1930 году, и прошли большой трудовой путь. Сергей Григорьевич вспоминает:

— Жил я в Кунгуре, работал конторщиком на станции. Было неинтересно. А товарищ меня и пригласил: поедем Уралмаш строить, гигант индустрии. Я подумал, подумал — и поехал. Начать пришлось с чернорабочего, был учеником наметчика, наметчиком, потом заинтересовала электросварка — ее освоил... А в учение меня сын втянул, говорит: «Учись, папа, я тебе помогу, теперь все учатся!» Вот и пошел в техникум. Только я на помощь Евгения не очень рассчитываю, люблю все сам осваивать.

Хорошо учится и Евгений. Сергей Григорьевич с гордостью видит на доске почета портрет сына...

Николай Васильевич Карпычев на строительстве Уралмаша работал сначала слесарем — монтировал крановое оборудование. Он рос вместе со своим предприятием, повышая квалификацию, а теперь намерен стать техником.

Н. РОЗИНА

Пловучие школы

Моряки-заочники с парохода «Менделеев» — судовой токарь А. Цветков, матрос Н. Саранов, матрос В. Петров, машинист П. Федотов и машинист-ученик В. Лисовский — идут на консультацию.

Фото А. Вродского

Хмур и неприветлив был в этот день Тихий океан. Он встретил советский пароход «Жан Жорес» семибалльным штормом. Но жизнь на корабле шла своим чередом. К шести часам вечера, как всегда, в одной из кают собрались моряки. К переборке ее была надежно прикреплена небольшая грифельная доска. В «класс» вошел преподаватель — первый помощник капитана Д. А. Солосников. Его приветствовали двенадцать учеников.

Так в открытом море у семиклассников Ленинградской заочной средней школы — моряков парохода «Жан Жорес» — начался очередной урок геометрии. Более двадцати членов экипажа учатся в этой школе. Где б ни находился корабль: во льдах Заполярья, у берегов Индии или на просторах родной Балтики,— моряки в строго определенные часы проводят занятия. Преподают в этой пловучей школе командиры, имеющие высшее образование.

Многие моряки с успехом занимаются в заочном университете марксизма-ленинизма.

А. ВВЕДЕНСКИЙ

Дневник ОГОНЬКА

Хосе Марти

К столетию со дня рождения

Я не думаю, чтобы во мне говорило патриотическое тщеславие, когда я утверждаю, что Хосе Марти — национальный герой Кубы — является одной из самых необычных и привлекательных фигур нашей литературы. Он родился в очень бедной семье. Первые же статьи и театральные рецензии приносят ему славу, и в награду за них Марти получает... 6 лет каторжных работ.

Ни в тюрьме, ни в изгнании Марти не прекращал литературной работы и в течение последних пятнадцати лет своей жизни неустанно трудился над организацией последней революции в американских странах, направленной против испанской монархии. Он погиб 19 мая 1895 года в Дос Риос, сражаясь как простой солдат с реакционными войсками метрополии.

Он оставил после себя литературное наследство, занимающее сорок объемистых томов. Стихи, исторические исследования, экономические и политические труды, драмы, критические статьи, роман, газетные хроники и статьи — гениальность Марти проявляется во всем.

Тот, кто хотя бы раз прочел произведения Марти, всегда узнает его. Так мы всегда можем узнать орган, независимо от исполняемого на нем музыкального

Хосе Марти.

произведения, ибо он сообщает каждой своей ноте непередаваемый оттенок внутренней силы.

В произведениях Марти можно встретить много суждений и мыслей, не потерявших свою остроту и в наши дни.

Он смело и открыто разоблачал черты политической коррупции и империалистического властолюбия, которые в тот период начинали преобладать в политике Вашингтона.

Марти поднимал протестующий голос против попыток, очевидных уже в его время, вооружить всю Америку под руководством Соединенных Штатов против других стран.

По мнению Марти, широкие и всеобщие, гарантированные и справедливые экономические связи должны быть источником всякого человеческого прогресса.

Вспомним слова Марти: «Ничто так не обеспечивает мир между народами, как их заинтересованность в поддержании естественных и свободных экономических связей, и ничто в такой степени не подвергает опасности этот мир, как искусственно навязанные соглашения». И дальше: «Исключительное влияние одной страны на торговлю другой страны превращается в политическое господство. Народ, ведущий торговлю только с одним народом, подвергает свое существование смертельной опасности».

И ныне народ Кубы с глубоким и братским уважением относится к Советскому Союзу, чьи выступления в защиту национального суверенитета всех народов находят благодарный отклик в сердцах соотечественников Хосе Марти.

Хуан МАРИНЕЛЛО,
кубинский писатель.
Перевел В. Столбов.

В Москву прибыла группа советских специалистов-железнодорожников, работавших на КЧЖД. Евгений Николаев здоровается с отцом.

Фото Е. Умнова.

Это и есть дружба!

Как известно, в начале нынешнего года в Харбине проходили торжества в связи с передачей советским правительством Китайской Чанчуньской железной дороги (КЧЖД) правительству Китайской Народной Республики. Оценивая этот акт как крупнейшее событие в истории дружественных отношений и сотрудничества между Китаем и СССР, товарищ Чжоу Энь-лай с большой теплотой говорил о советских железнодорожниках, которые были направлены в Китай советским правительством и лично товарищем Сталиным для работы на дороге.

— Благодаря неустанной помощи советских товарищей,— говорил Чжоу Энь-лай,— еще молодое китайское железнодорожное строительство достигло выдающихся успехов, а наш транспорт стал играть огромнейшую роль в экономическом строительстве нового Китая. Китайский народ никогда не забудет этой братской помощи советского народа.

Наши советские специалисты работали на всех участках КЧЖД. Работали вдохновенно, передавая свой опыт и знания китайским товарищам. Все новое и передовое, что рождалось на советских железных дорогах, нашло применение в Мукдене, Муданьцзяне, и на других станциях Китайской Чанчуньской железной дороги. В течение трех лет совместного китайско-советского управления дорогой часто можно было видеть на паровозе, или у пульта диспетчера, или в кабинете инженера рядом с советским специалистом китайского товарища.

Газета «Женьминьжибао» в одной из своих передовых статей писала, что благодаря передовым советским методам КЧЖД стала «живым примером для железных дорог нового Китая». Здесь под руководством советских мастеров железнодорожного транспорта выросли такие отличники труда, как Чжен Си-кунь, Ли Си-куй и Ян Маолинь; имена их сегодня овеяны всенародной славой. Другая китайская газета недавно сообщила, что более четырехсот работников КЧЖД, обученных советскими специалистами, направлены для работы на другие железные дороги Китая.

Встреча в Москве

На прошлой неделе дальневосточный экспресс привез в Москву группу советских специалистов-железнодорожников, работавших на Китайской Чанчуньской железной дороге в течение последних трех лет.

Их встречали друзья, родные, товарищи по работе.

— Что это за медаль у тебя на груди? — спрашивают Владимира Махотина встречающие.

Медаль незнакомая, и все же есть в ней что-то очень близкое. В центре медали изображения Сталина и Мао Цзэ-дуна.

— Это награда китайского правительства,— отвечает Махотин.— Оно учредило особую медаль в связи с передачей КЧЖД...

Одни железнодорожники работали на КЧЖД год или два, другие — с первого до последнего дня совместного управления этой дорогой. Смешанное чувство радости и печали владело нашими машинистами, путейцами, инженерами. Радости от того, что они возвращаются на родную советскую землю, и печали от того, что пришлось расстаться с китайскими друзьями, которые стали за годы совместной работы родными и близкими.

— Нас провожали действительно, как родных,— говорит Евгений Николаев встречающим его родным.

Блестящими глазами он смотрит на сына, которого давно не видел, на мать и отца. Он говорит о Китае, о своей работе, о проводах...

Герой Труда

— Каждый день я иду на работу, как на праздник,— говорил машинист Лю Фан-чи,— потому что рядом со мной будет советский машинист.

На снимке, публикуемом на этой странице, — машинист-инструктор Григорий Шумский рядом с Лю Фан-чи. Они в учебном рейсе. Сколько таких рейсов совершил Григорий Шумский! В паровозном депо станции Муданьцзян полюбили советского машиниста за его трудолюбие и скромность. Он был первым советским человеком, который познакомил машинистов Муданьцзяна с вождением тяжеловесных поездов, с лунинским методом ухода за паровозом.

На его лекциях в депо всегда бывало много народу. Слушали с блокнотами в руках, пытливо расспрашивали и, если было что непонятно, поднимались в будку паровоза.

И вот, послушный воле китайского машиниста, паровоз увеличивает техническую скорость. Сначала на 2 километра, потом на 5, потом на 8. Было время, когда в депо Муданьцзян и понятия не имели о тяжеловесных составах. А в прошлом году машинисты этого депо провели 2 025 таких поездов.

В Пекине внимательно следили за успехами депо Муданьцзян, и не случайно, конечно, сюда пришла телеграмма, приглашающая Григория Шумского в Пекин. Он принял участие во Всекитайском съезде железнодорожников, и здесь, в Пекине, ему вручили почетный знак Героя Труда Китайской Народной Республики.

Перемены на станции Мукден

В Мукдене прославился молодой советский инженер Владимир Кравец. В Китай он приехал в 1949 году, и вскоре станция Мукден, где он работал, стала лучшей железнодорожной станцией Китая. Что же произошло?

Лучше всего на этот вопрос отвечает один из учеников Владимира Кравеца, отличник труда, дежурный по станции Мукден товарищ Ли Си-куй. В статье, опубликованной одной из китайских газет, он писал:

«Глубокое и незабываемое впечатление оставил у нашей бригады советский инженер тов. Кравец. Изучив положение на станции Мукден-Южная, он прежде всего предложил нам покончить со старыми методами работы и внедрить новый метод маневровой работы — метод меловой разметки».

Ли Си-куй далее вспоминает, что некоторые китайские рабочие встретили это предложение советского инженера недоверчиво. Они говорили: «Метод меловой разметки на нашей станции не пройдет». Инженер Кравец стал терпеливо объяснять китайским товарищам все преимущества этого метода. Он предупреждал: будут трудности, конечно, будут трудности! Они были и у советских стахановцев, но «мои друзья в Советском Союзе преодолели их,— говорил Кравец,— почему вы их не сможете преодолеть?»

Ли Си-куй и его друзья освоили метод меловой разметки, и не только этот метод. Опыт советского составителя поездов Кожухаря, опыт Катаева помогли железнодорожникам Мукдена занять первое место на дороге. Ли Си-куй пишет об этом так: «Товарищи из нашей бригады теперь говорят: «Такого счастья, каким мы обладаем сегодня, мы достигли только благодаря искреннему руководству и терпеливой помощи со стороны советских специалистов!»

«Передайте привет Дурасову»

Прибывшие в Москву советские железнодорожники рассказывают, что китайские товарищи каждого из них просили передать сердечный привет товарищу Дурасову, сказать ему, что в Китае помнят о его подвиге.

Дурасов вернулся на Родину несколько раньше и теперь работает в Куйбышеве.

Из рассказов советских железнодорожников, прибывших в Москву, и из материалов китайских газет «Дунбейжибао», «Хочетоубао» и агентства Синьхуа встает картина осеннего наводнения, которое произошло позапрошлой осенью в районе Телинской дистанции пути КЧЖД.

В один ненастный осенний день в районе Телин — Чанту началось это небывалое наводнение. Реки вышли из берегов и затопили огромные пространства. Под водой оказались шесть крупных станций и перегоны между ними. О силе наводнения можно судить по тому, что металлические пролеты некоторых мостов под напором воды были отброшены на 400 метров. А каждый такой пролет весил более 30 тонн! Вода срезала болты, скручивала и сгибала в дугу рельсы.

Советский инженер Дурасов взял на себя руководство спасательными работами.

В передовой статье газеты «Хочетоу» так описывалась картина спасения людей: «Товарищ Дурасов был впереди солдат и железнодорожников, храбро спасал людей, рискуя жизнью. Он сам бросился в воду, чтобы помочь старой женщине. С наступлением ночи все устали и легли отдохнуть. Но Дурасов ночью не спал».

Корреспонденты агентства Синьхуа — Хун Лю, Лин Ин и Ли Чжилунь — в репортаже, опубликованном в газете «Дунбейжибао», писали: «Дурасов был на мосту, которому угрожала опасность. Он сам мог потонуть в любую минуту. Но советский человек забыл о себе, не убежал с моста, а попросил рабочих бросать веревки, доски — все, что можно было, чтобы спасти людей. Многие бойцы и рабочие по призыву Дурасова так же самоотверженно бросились в воду. Таким образом, к 3 часам дня они спасли 42 человека, из них 28 детей. Всего было спасено 150 человек...»

Советские специалисты-железнодорожники, работавшие на Китайской Чанчуньской железной дороге, выполнили свой долг, заслужили благодарность правительства Китайской Народной Республики.

Было время, когда японские самураи хотели превратить КЧЖД в дорогу предательства, войны и смерти. Волей советских и китайских людей она превращена в магистраль дружбы. Дружбы на вечные времена!

Советский машинист-инструктор, Герой Труда Китайской Народной Республики Григорий Шумский со своим учеником, китайским машинистом Лю Фан-чи, в учебной поездке.

ДВАДЦАТЬ ЛЕТ СПУСТЯ

Татьяна ТЭСС

Государственный Центральный театр кукол вступил в двадцать первый год своего существования.

За двадцать лет в жизни театра произошло много событий. Театр сыграл около 16 тысяч спектаклей, побывал в 319 городах нашей страны, показывал свои спектакли за рубежом: в Польше, Чехословакии, Венгрии, Финляндии, Германской Демократической Республике. В военную пору театр выезжал на фронт, радовал своим искусством доблестных защитников Родины. Взрослыми людьми стали те молодые энтузиасты, что когда-то создали в маленьком театре первый спектакль, талант их созрел и углубился; за двадцать лет в коллектив театра пришло много новых молодых актеров, сформировавшихся и выросших в его творческой среде. Были за эти двадцать лет удачи и огорчения, поиски и находки, были и ошибки, были и большие победы. И, вероятно, самая большая из всех побед — это завоеванная любовь тысяч и тысяч зрителей, от мала до велика, любовь открытая, веселая и благодарная.

Артист кукольного театра — профессия особая. Не всякий талантливый актер драматического театра может применить свой талант в театре кукол. Суть не в том, что актеру надо научиться работать с куклой — эта техника не так уж сложна, постичь ее в общем довольно просто. Но актер, воспитанный на непосредственном общении с публикой, не сразу привыкнет к тому, что он должен отказаться от этого общения, спрятаться за театральной ширмой. В обычном драматическом театре актер выработал ряд качеств, например, пластику движений, мастерство грима. В кукольном театре эти качества ему не нужны. Актер развивал в себе дар мимики, выразительность жеста. В кукольном театре он не сможет их применить. Лишь голос со всем богатством интонаций попрежнему остается на его вооружении.

Первые постановки Центрального кукольного театра были предназначены для детей. Затем театр создал спектакли для взрослых. Требовательный взрослый зритель может по достоинству оценить технику кукловода и силу его актерского мастерства, художественные качества куклы и ее скульптурную выразительность. Но тот элемент детски-простодушной игры с куклой, который присутствует в каждом спектакле, тоже находит отзвук в наших сердцах. Вместе с актерами мы вступаем в веселый и чудесный мир, где талант человека оживил куклу, вдохнул в нее настоящее искусство.

Очень интересно побывать за кулисами кукольного театра. Сидя в зале, мы перестаем ощущать величину куклы: соотношения размеров на кукольной сцене настолько гармоничны, что зритель, «вжившись в спектакль», забывает о миниатюрности персонажей. Но вот мы за кулисами. Актеры, работающие за ширмой, в первую минуту кажутся нам огромными, как великаны, ибо дворец, который мы только что видели на сцене, любой из них может унести на одном плече.

Близкое знакомство с куклами приносит и другие ощущения. Вдруг замечаем мы те удивительные по тонкости подробности, которые не всегда приметны из зала: вздувшиеся вены на руках старика, ямочки на пухлых щечках молодой красавицы, дьявольскую усмешку искусителя, колючие бородавки и морщины Бабы-Яги; видим во всех деталях внешнюю характеристику куклы. И в то же время не можем не удивиться тому, как невелик ростом герой пьесы, которым мы так восхищались, сидя в зале...

Спектакль развивается легко, брызжет весельем. Но чем пристальнее вы вглядываетесь, тем рельефнее видите, как сложен, как ювелирно тонок труд десятков людей, создавших этот спектакль. Актеры и режиссер, осветители и музыканты, дирижер и машинист, «подручный», который в нужную минуту как бы вырастает рядом с актером, чтобы помочь ему в работе с куклой, и рабочий, что с волшебной быстротой возводит на сцене избушку на курьих ножках или сказочный дворец... Стоя за кулисами, особенно полно чувствуешь работу всех участников постановки, сконцентрированную на крошечной сценической площадке, работу многообразную и вместе с тем настолько слитную, как если бы это был единый организм.

Актер, работающий в Центральном кукольном театре, должен уметь многое. Он произносит поэтические слова в сказке и играет в пьесе на современную тему; он перевоплощается в зверя или в кошку, в колдуна или в птицу. Он обладает чувством юмора и вместе с тем умеет быть романтиком. Ему присущи музыкальность и чувство ритма. Он должен обладать режиссерским глазом, уметь проверять себя, смотреть на свою работу со стороны. И непременное условие, основное требование театра: актер должен подавить, вытравить в себе всякое проявление творческого эгоизма. Без взаимной помощи и творческой взаимоподдержки театр существовать не может.

Художественный руководитель театра С. Образцов, талантливый и вдумчивый художник, делится каждым своим режиссерским замыслом со всеми участниками спектакля; распределение ролей, характеристика персонажей, решение образа — все выносится на обсуждение группы, участвующей в данном спектакле. Широта художественного мышления, яркость режиссерских решений и умение Образцова обобщать придают этим повседневным творческим обсуждениям настоящую содержательность.

Мы видим обычно актеров кукольного театра только после конца спектакля, когда они выходят на авансцену вместе с куклами, отвечая на аплодисменты зрителей. И вместе с тем мы хорошо знаем их по тем образам, которые они создали на сцене.

Е. Сперанский, так же как С. Образцов, работает в Центральном кукольном театре со дня его основания. Кукла, которая отлично «вела себя» в сфере смешного, показала в руках Сперанского новые качества. Тонкая наблюдательность, художественный такт позволяют Сперанскому сделать рельефным и многоплановым «кукольный образ». Его герой может быть чуть-чуть мечтательным, чуть-чуть капризным или слегка задумчивым... Кукле может быть свойственна поэтичность. Она может быть трогательной или забавной в своем подражании человеку, никогда не пытаясь взять на себя повторение человеческих чувств.

Сперанский не только актер. Он сделал такие инсценировки, как «Каштанка», «Ночь перед рождеством»; им написаны пьесы «Под шорох твоих ресниц» и «Краса ненаглядная»; он автор текста песенок в пьесе «2 : 0 в нашу пользу». Талант Сперанского ярок и разносторонен.

Актеры кукольного театра очень различны по своим художественным особенностям, по творческой индивидуальности. С. Самодур — актер с искрящимся комическим талантом. Свою деятельность в театре он начал с работы бутафора, художника. Он умеет обыграть даже конструктивные недостатки куклы, найдя в них характерные черточки, которые могут усилить образ. Так, например, для спектакля «Ночь перед рождеством» была сделана кукла, изображающая щуплого мужичка. Кукла была неустойчивой, плохо держалась. С. Самодур стал исправлять ее и неожиданно уловил в неуверенных, «растяпистых» движениях куклиных рук какую-то новую деталь. И его мужичок вдруг стал то поправлять зипун, то подтягивать сползающие штаны, то неуверенно почесываться. Он сразу ожил: правдивые подробности придали яркую характерность маленькой эпизодической роли. Талантливый артист С. Самодур успешно работает и как режиссер.

В каждой роли, сыгранной И. Дивовым, ощущается настоящее мастерство. Дарование его умно и интересно. Для Дивова характерна одна особенность: он с самого начала работы над образом придумывает, изобретает, трудится вместе с художником над куклой, и когда наконец кукла появляется на свет, Дивов уже изучил во всех деталях ее особенности. Артист добивается от куклы высокой выразительности. Трудно забыть созданного им пианиста в «Необыкновенном концерте», хотя за весь спектакль этот персонаж не произносит, кажется, двух слов.

Е. Успенской, одной из старейших актрис театра, свойственно умение создать особенно мягкий и изящный образ. Л. Казьмина — актриса характерная; мы видели ее в ролях волчонка, дикобраза, зайца; она же запомнилась нам как создательница чудесного комического образа бабушки в пьесе «2 : 0 в нашу пользу». Е. Синельникова обладает музыкальностью, мягким и лирическим голосом, нежностью интонаций. Эти светлые краски не мешают ей с большой внутренней свободой перевоплощаться из «голубого образа» сказочной принцессы в образ совершенно противоположный, например, в старую и грубую Бабу-Ягу...

З. Гердт — актер, наделенный даром пародийности. Он активно и творчески работает над текстом, внося в него свою выдумку, много находок. Гердт — актер метких, точных и лаконичных характеристик, художник острый и изобретательный.

Плодотворно трудятся в театре и другие артисты. Выросли в стенах театра и свои композиторы: Н. Александрова, проработавшая здесь двадцать лет, Г. Теплицкий. Художник Б. Тузлуков создает характерные и выразительные внешние образы кукол; его оформление спектаклей отмечено настоящим мастерством.

Двадцать лет — для человека возраст юности. Для театра это уже зрелость, итог большого творческого труда. Государственный Центральный кукольный театр за эти двадцать лет завоевал признание, но любовь наших зрителей взыскательна, и с каждым новым спектаклем театру ее надо заново завоевывать и укреплять. В непрестанной творческой борьбе за это признание и любовь — счастье артиста.

Театру-юбиляру посвящена в этом номере вкладка «В мире сказок».

Л. А. Фаттахов. ХЛЕБА СОЗРЕЛИ.

Всесоюзная художественная выставка 1952 года.

В мире сказок

Фото Дм. Бальтерманца

«Снегуркина школа».

«Веселые медвежата».

«Кот в сапогах

«Сундук сказок».

«По щучьему велени

«Илья Муромец».

Государственный Центральный театр кукол под руководством лауреата Сталинской премии народного артиста республики С. В. Образцова.

«Золушк

А. А. Заусаев. ПЕВЕЦ УРАЛА (П. П. БАЖОВ НА ДУМНОЙ ГОРЕ).

Выставка произведений художников РСФСР. 1952 год.

БОЛЬШОЙ ПОРОГ

Казимир ЛИСОВСКИЙ

Фото Ю. Бармина

«Повысить роль речного транспорта в перевозках грузов в районах Сибири и Крайнего Севера».

Из директив XIX съезда партии по пятому пятилетнему плану.

1

Миновав село Означенное, теплоход входит в узкий коридор — «в трубу», как говорят речники. Коридор образуют огромные, самых причудливых очертаний скалы. Высокие, угрюмые, они с двух сторон обступили Енисей, зажали, стиснули его и тянутся цепь за цепью на сотни километров. А над скалами возвышаются убеленные сединами тасхылы — хребты, покрытые снегом. С начала августа снег ложится на их голые, безлесные вершины, иногда похожие на кратеры вулканов, и уже не тает до самого лета. Бесконечной грядой тянутся эти отроги Саянских хребтов, сопровождая нас на всем пути до Большого порога.

В этих чудесных местах стояла еще осень, когда мы совершали путешествие по верховьям Енисея.

В ясный солнечный день скалы были особенно живописны: ярко отливались желтизной мохнатые, пушистые лиственницы, изумрудным ковром стелилась темная зелень елей.

Глухие заповедные места... Иногда на каменистый берег реки выходил хозяин тайги — бурый медведь — и с любопытством смотрел на плывущее по реке судно. Иногда выскакивал к водопою стройный марал. Вскинув красивые ветвистые рога, напуганный шумом моторов, он мчался обратно в чащу, ломая сухой валежник.

В эту глухомань властно вторгся советский человек.

Тишину таежных зарослей и хребтов все чаще и чаще нарушают стук топора, визг пилы лесоруба, выстрел охотника. В тайге, у самой реки, появилось много охотничьих и рыболовецких поселков.

Огибая мели, перекаты и подводные камни, ловко лавируя между огромными надводными камнями, теплоход «Хакассия» уверенно движется к Большому порогу. В штурманской рубке стоят капитан теплохода Ф. Д. Елисеев и капитан-наставник С. М. Чемагин. Зорко всматривается вдаль лоцман Е. И. Зыков. Всех этих разных по характерам и привычкам людей объединяет чувство любви, привязанность к родной реке. Бо́льшая часть их жизни прошла на Енисее. Оттого и биографии их во многом схожи.

Чтобы провести судно в плесе Верхнего Енисея, нужно назубок знать не только общий фарватер реки, но буквально каждый огрудок (несколько камней), каждый одинец (один камень), скрытые водой или едва выступающие из нее. Енисей в эту пору сильно мелеет, горизонт воды резко падает. Того и гляди, посадишь судно на мель или на камень. Рейс «Хакассии» завершает навигацию — это последний рейс к Большому порогу.

Почти все время идет снег. Очень плохая видимость. Впереди неразличимые очертания мысов. К тому же в этих местах Енисей извилист. Иногда кажется, что вот и конец реке. Она уперлась в гранитную, огромной высоты скалу, и дальше бежать ей некуда. Впереди хребет, слева и справа хребты. Но еще один поворот — и опять показалась узкая темно-зеленая лента. Хребты расступились, открывая путь реке...

Обогнув громадный камень «Кабачок», возвышающийся посредине Енисея, преодолев последний, четвертый по счету, Дедушкин порог, теплоход «Хакассия» в точно намеченный срок подошел к Большому порогу.

2

Большой порог...

Естественная природная граница, некогда отделявшая тувинский народ от русского. Когда-то считали так: Россия простирается лишь до Большого порога. За ним бесконечные горные кряжи и степи Танну-Тувы (бывшего Урянхайского края). Хотя граница эта нигде не значилась на картах, тем не менее она существовала. Существовала в сознании людей.

И все же издавна бедняк тувинец-арат тянулся к своему старшему брату — русскому советчику, помощнику.

Уже давно стерлись официальные государственные границы между Тувой и Советским Союзом. Тувинский народ вошел в великую семью народов Российской Федерации. Тем не менее Большой порог оставался своеобразной естественной границей, водной преградой, мешающей регулярному пароходному сообщению с Тувой. Кажется, что природа назло человеку создала эту преграду. Зажатая с одной стороны громадным и диким хребтом, а с другой — хаотическим нагромождением каменных глыб и валунов, река с ревом, воем и грохотом пробивает себе путь вперед. Бешено крутясь, вздымая огромные волны, поднимая фонтаны брызг, весь белый от пены, Енисей отчаянно рвется из этого каменного ущелья.

Осенью, при среднем горизонте воды, скорость течения здесь достигает 25 километров в час, а весной, при большой воде, доходит иногда до сорока с лишним километров.

Человеку, никогда не бывавшему здесь, трудно представить, что ширина Енисея в этом самом суровом и опасном месте не превышает... 80 метров. Казалось бы, что при таком узком проходе, при

Теплоход «Хакассия» в верховьях Енисея. Слева направо: лоцман Е. И. Зыков и капитан Ф. Д. Елисеев.

Катеры ведут паузок с локомобилями через Большой порог.

столь бешеном течении реки, при обилии острых подводных камней о судоходстве не могло быть и речи. Ведь достаточно судну (если, конечно, оно по своей мощности способно преодолеть стремительное течение реки!) войти в порог, как его сразу же развернет, поставит корпусом против волн и тотчас же или опрокинет или бросит на каменные выступы, чернеющие слева и справа. Казалось бы, воля человека станет втупик перед необузданной стихией воды. Но человек преодолел и эту преграду.

Первые попытки частичного освоения и покорения Большого порога предпринимались еще в начале нынешнего века. Старожилы здешних мест вспоминают, что в 1906—1907 годах тут работало несколько изыскателей. Но это, разумеется, были одиночные попытки овладения Большим порогом, попытки, которые, конечно, не могли увенчаться успехом. Царскому же правительству не было никакого дела до развития судоходства на Енисее.

Только в годы советской власти занялись последовательным, планомерным покорением Большого порога. Уже в тридцатых годах здесь начались взрывные работы. Взорвали несколько подводных камней, особенно опасных и наиболее угрожавших продвижению судов, чтобы расширить порог.

В 1951 году Енисейское пароходство провело первый пробный рейс через Большой порог. Теплоход «Туркменистан» с помощью лебедок благополучно прошел это самое опасное место на Енисее.

Освоением Большого порога енисейские речники по-настоящему занялись только в минувшем году, когда перед ними поставили задачу — открыть судоходную линию Красноярск — Кызыл.

Весной здесь, на отрогах Саянских хребтов, появились речники. Пришел сюда Николай Григорьевич Копцев, опытный енисеец. Управление Енисейского пароходства назначило его ответственным руководителем подъема судов в Большом пороге. Вместе с ним прибыли лоцман, плотники, трактористы, кузнец. Пришли на Большой порог и капитан-наставник Сергей Михайлович Чемагин, коммунист Андрей Андреевич Свистунов, до этого работавший механиком в Минусинске.

На безлюдных, каменистых берегах закипела жизнь. Из Кызыла сплавили плот для строительства домов. Начали заготовлять лес для причальных рам, необходимых при проводке судов.

В эти дни все здесь напоминало лагерь геологов-разведчиков. Белели парусиновые палатки. Дымились костры. Эхо разносило удары топоров и визг пил.

Одна за другой начали возникать на необжитом берегу избы. Построили баню, собрали большой дом, в котором разместились контора, общежитие, столовая. Потом появились кузница, склад, гараж, пекарня. У впадения реки Кизыр-Сук в Енисей раскинулся новый рабочий поселок.

В конце июля к Большому порогу подошел теплоход «Туркменистан», доставивший пиломатериалы. Затем пришел теплоход «Ачинск»; он привез три трактора, автомашину, горючее. Пришли и катеры. Но поднять суда через порог строители еще не могли.

Между тем на берегу уже возникли две пристани: одна — ниже порога, другая — выше. Между ними проложили дорогу. К верхней пристани на автомашине доставили тросы. Началась деятельная подготовка к подъему судов.

Толстый, 32-миллиметровый трос длиною в 1 800 метров укрепили на блоках и прицепили к трактору. В 9 часов вечера начался подъем теплохода «Туркменистан». Не сразу тракторы, тянувшие трос через речку Кизыр-Сук до нижней пристани, могли совладать со страшной силой водяной струи и забуксовали. Теплоход дошел только до самого мощного слива, и здесь его стало заливать водой.

С наблюдательного поста, построенного на высоте 30 метров над порогом, люди, затаив дыхание, следили за тросом, спущенным в воду. Вот мелькнули в белоснежной пене поплавки, буи. Через секунду они уже оказались значительно ниже порога. И тут матросы с теплохода «Туркменистан» ловко подхватили конец троса, укрепив его на носу судна. В ту же минуту заработали три трактора и начали одновременно тянуть трос.

Громкие крики, в которых слились и тревога за исход задуманного дела и огромное напряжение, почти заглушили яростный шум порога.

— Пошел! Пошел «Туркменистан»!

Вздрагивая под напором бешеного течения, весь окутанный каскадами воды и пены, теплоход, то накреняясь, то снова выпрямляясь, прошел Большой порог и направился к Чаа-Холю, районному центру Тувинской автономной области.

С того дня и начался массовый подъем судов через Большой порог. Труден и опасен этот подъем. Катерам, преодолевавшим его, приходилось идти под высоким водяным покровом, и только брезент, туго натянутый на рубку, спасал матросов от ледяного душа. Но люди на Большом пороге не боятся трудностей.

Речники Енисея уже несколько раз проводили через Большой порог теплоходы, баржи, катеры Братскому тувинскому народу доставлены сотни тонн продовольствия, фуража, оборудования...

Да, поистине героические дела совершают люди в плесе Верхнего Енисея! Смелые у них сердца и золотые, умелые руки. Но все, что здесь сделано,— лишь начало будущих больших работ.

Енисейские речники готовы с честью выполнить директивы XIX съезда Коммунистической партии по пятому пятилетнему плану. Большой порог будет покорен советским человеком!

И недалек, совсем недалек тот день, когда от речного вокзала в Красноярске отправится в первый сквозной рейс Красноярск — Кызыл пассажирское судно. Раздастся басовитый гудок. Колыхнется на теплом ветру вымпел. И капитан уверенно повернет ручку машинного телеграфа:

— Полный вперед!

Большой порог — Кызыл — Красноярск.

Большой порог.

ХОЗЯЙКА

Рассказ

Вадим **ЛУКАШЕВИЧ**

Рисунки П. Караченцова

1

Ошеломленные подруги спрашивали:

— Ты же, Клавка, трусиха: ночью выйти боишься. Как ты решилась?

— А вот не побоялась! — отвечала Клавдия, блестя глазами и шумно дыша; на самом деле она очень боялась.— Он меня любит...

Подумав, она добавляла:

— И слушается.

Подруги вспоминали: прежде она смеялась над Валькой, звала шпаной и пропойцей. На это Клавдия говорила вполголоса:

— Обещал не пить.

Она говорила таинственно, и подруги терялись, только недоверчиво качали головами, толстыми от пуховых зимних платков.

Клавдин жених Валентин Мазуров работал в колхозе на лошади и томился желанием необыкновенных дел; но работа была простая, и вокруг все казалось скучным: за огородкой росли малина и бузина, у соседской избы рассыхалась бочка, утром мать вставала выгонять корову, и по деревне шли пастухи, щелкая кнутом да играя на рожке все одно и то же; мать затапливала печь, и отец кашлял, одеваясь; выйдя из-за перегородки, он подтягивал гирю в часах и говорил, что надобно их снести к мастеру, а то часы вроде бы пьяные: опять звонили невпопад. И мать, если слышала, отвечала, что часы в хозяина: непутевые. Вечерами Валька выпивал с парнями, а захмелев, озорничал, и было ему, как говорится, море по колено, а лужа по уши.

Свадьбу сыграли в апреле. В избе было тесно и шумно; несмотря на раскрытые окна, было накурено, и Клавдия выскакивала на крыльцо, чтоб освежиться. Деревня стояла в чаще голых палок и прутьев; прошлогодняя рыжая трава казалась потертым половиком, а каждая ямка по края налилась водой. На небе был ледоход: грязные, затоптанные льдины с белыми краями шли сплошь, толкаясь друг о друга; местами, в разводьях, проступала яркая синева; солнце изредка всплывало между льдинами и снова надолго тонуло. Ветер шумел вокруг. Земля будто улыбалась и вновь задумывалась. За Клавдией выскакивала подружка и торопливым шепотом спрашивала: «Ну как, неужели, Клавка, не трусишь?» И удивлялась, отчего Клава стала такой отчаянной. Клава улыбалась, пугалась, смотрела на деревню и чувствовала себя вправду отчаянной, героиней. Потом Клавдия вызывала на минутку Вальку и на истоптанном крыльце, торопясь, строго и ласково внушала, чтоб он сегодня поберегся, не напивался, а то она уйдет к матери — только он ее и видел!

К вечеру небо очистилось. Солнце заходило за весенним, еще голым лесом; оно было такое яркое, сияющее в чистом воздухе, что ослепляло, и получалось, будто солнце свалилось перед лесом и теперь догорает в поле.

Валька не напился, зато напился его отец, и Вальке пришлось на руках отнести отца в постель.

Ночью на станции кричал паровоз; гудок долго катился в окрестных лесах и глох в отдалении. Весенние леса отзывались на громкий звук постепенно слабеющим гулом.

Целый день за окнами щебетали птицы. Изредка с тихим хрустом и чавканьем проезжала телега: дороги еще не просохли.

Первое время молодого мужа забавляло, что им, большим и сильным, командует маленькая белобрысая девчонка. Он подчинялся, улыбаясь. В эти дни Валентин прозвал ее смешно и ласково: хозяйка. Впрочем, он уважал Клавдию: она окончила семилетку и работала в конторе колхоза, куда не взяли бы Валентина с его четырьмя классами.

Позднее муж попривык и стал скучать подчиненным; впервые они поссорились. А после ссоры ночью Клавдия сказала:

— Поступал бы ты, Валька, в трактористы, на курсы! Мы сегодня получили бумажку...

Валентин от неожиданности сел:

— Да ты чего?!

— Не век же тебе ходить в лошадиных хвостах...

Мысль ошеломила Валентина. А Клавдия, поднявшись на локте, отбрасывая волосы, торопливо заговорила, что без специальности не прожить, что тогда и учиться, когда детей нету, а пойдут дети, и станет поздно, что она, Клавдия, хочет, чтобы Валентин не был последним мужиком, с которого и спроса нет, потому что он ничего не умеет: дрова колоть да хлеб молоть... Она говорила страстно; после недавних рыданий глаза были влажными, и судорожные вздохи прерывали речь.

— Не пустит председатель...— сказал, сомневаясь, Валька.

— Надоешь, так пустит! А я б помогла учиться...

Усталая Клавдия скоро заснула. А он не мог уснуть, он глядел на белобрысую растрепанную девчонку; даже во сне она была обиженная, беспомощная, совсем ребенок, и Валентин, глядя, все больше убеждался, что Клавдия права.

За председателем пришлось ходить неделю. Наконец, выругавшись, он отпустил Валентина.

Теперь, когда его звали выпить, Валька только махал рукой: «Некогда!»

— Сам на утро бабой стал! — смеялись парни.— Эх ты, женатик!

Валентин усмехался.

— До чего же ловко, ребята, устроено зажигание в тракторе! — отвечал он и начинал объяснять зажигание, пока парни, смеясь и ругаясь, не уходили.

Постепенно он привык во всем советоваться с Клавдией.

После работы, брызгаясь и фыркая под гремящим рукомойником, Валентин начинал рассказывать:

— Сегодня меня директор...

Остальное захлебывалось водой.

— Чего, чего? — спрашивала Клавдия и подходила ближе.

— Вызывал директор, говорю... — Валентин ожесточенно мыл уши.

— Зачем ты ему занадобился?

— Прибывают новые трактора...

— Хочет дать тебе новый трактор?!

— Угу! — Валентин полоскал рот, а Клавдия думала и спрашивала:

— Очень он трудный, новый-то?

— М-м! — Валентин мотал головой.

— Выработка у тебя, наверное, понизится...— догадывалась Клавдия.— Первое-то время, пока привыкнешь...

— Угу...

А когда посвежевший Валентин причесывался и от него в избе пахло речной сыростью, Клавдия деловито говорила:

— Ботики покупать не будем: прохожу в старых. Шубу тебе справить тоже пока не выйдет... Ну, да починим полушубок, сойдет...

И строго осведомлялась:

— А потом больше станешь зарабатывать, чем прежде-то?

Через год у Мазуровых родился ребенок. Когда Клавдию отвели в родильный дом, Валентин заволновался. Напрасно старая мать

говорила, что все бабы рожают, а редкие помирают, что до времени горевать — беду накликать; на все Валька хмуро возражал, что Клавка маленькая, это ему родить было бы просто, а ей очень даже страшно. Потом он сидел на крыльце родильного дома и курил, не переставая; дым полосами плыл перед окнами. Сварливая больничная собачонка, которую прозвали Клизмой, чихала, лаяла, терла лапами морду и наконец, не выдержав, заскулила. Вышла сторожиха Акимовна, заругалась:

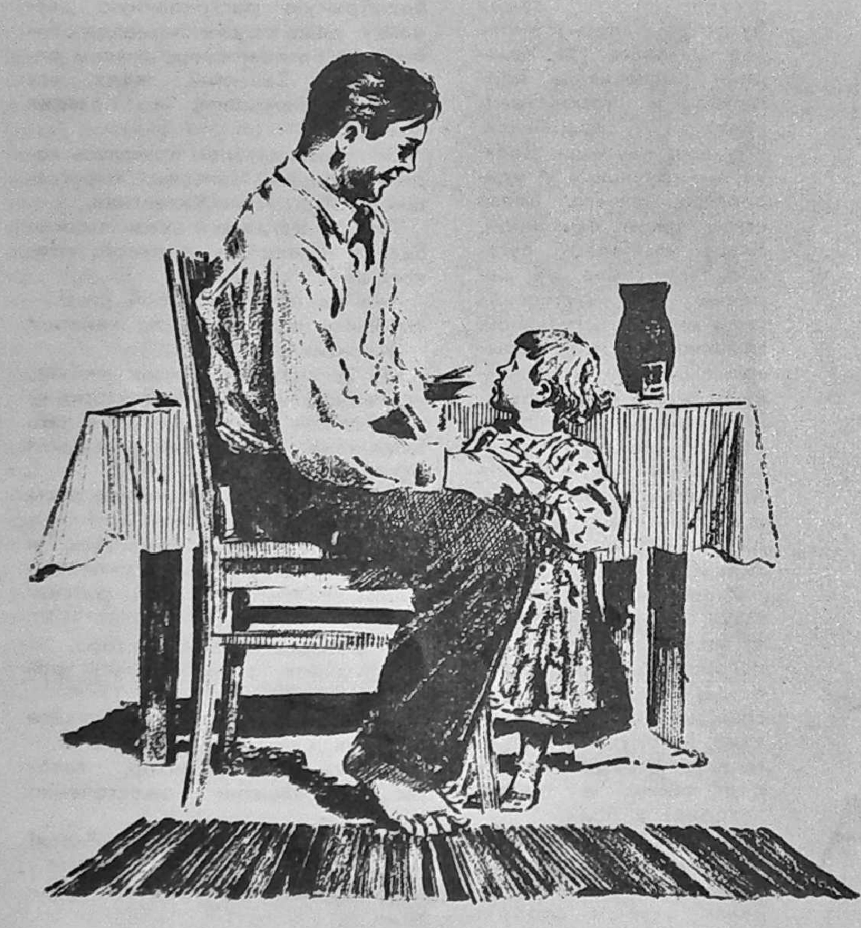
— Чисто костер жгет, напустил дыму! Завтра не миновать стекла мыть... Иди, иди отсюдова! Собаке, и той невтерпеж...

Валентин покорно отходил, и старуха, смягчаясь, говорила:

— Муженек, что ли? Ну-ну, не помрет твоя краля...

А Клавдия считала, что помирает. Было жалко себя до слез. Когда боль отпускала, она думала, что обидно мало жила, да и жила не так: бестолково, зачем-то сидела в конторе, впопыхах вышла замуж...

Родилась дочка, и Клавдия при-

думала назвать ее Люсей, Людмилой. Сначала Валентин боялся брать дочку на руки: еще повредишь чего-нибудь! Эдакое крохотное, а живое... Люся удалась в мать, но можно было в ней угадать и Валентина, что очень забавляло молодых родителей. Вскоре Валентин стал часами играть с Люськой, гулькать, петь про бабушку-Варварушку, что связала варежку, другого Валька не знал. Клавдия говорила Люське почему-то страшным басом: «Агу! Аг-гу!», — словно пугала.

Люське шел третий год, когда председатель вызвал Валентина, предложил поехать в областную школу руководящих колхозных кадров.

— Не поеду! — сказал Валентин. — У меня жена, дочка... Куда я поеду?

— Подумай, — возразил председатель. — Завтра ответишь. В МТС я договорюсь сам.

Сперва Клавдия не дослушала.

— Никуда я тебя не пущу, — сказала она решительно и запнулась.

— Я ему так и сказал, — подхватил Валька, — никуда, мол, от семьи не поеду — от Люськи, значит, и от тебя!

— А он чего?

— Говорит, завтра ответишь. А я уж ответил!

— Поезжай! — решительно сказала Клавдия. — Поезжай — и все! Мы с Люськой не пропадем.

— Да ты же сказала...

— Я сказала, не подумавши, а ты уж и обрадовался! — И вдруг заплакала. — Только не позабудь про нас с Люсенькой, Валя...

2

Клавдия не захотела жить одна у свекра, а у клавиной матери было тесно: подрастали младшие сестренки, брат женился и привел жену; весь день изба гудела, как улей. А главное, и у свекра и у матери пришлось бы подчиняться... И Клавдия попросилась в хозяйки только что отстроенного Дома приезжих: мыть полы, стирать, подавать чай, следить за порядком. Правда, это еще не было ее настоящим домом, но и комната приезжих, и большая комната с русской печью, где жили Мазуровы, и светлые сени, и крытый двор были в полном ее распоряжении. Приезжие бывали не всегда и жили день — два. Нередко в доме спали только Клавдия, Люська и рыжий котенок, и Клавдия часто просыпалась ночью: боялась. Она купила занавески, герань и примулы в глиняных горшках, взяла у матери выцветшие полосатые половики, а свекор подарил помятый ведерный самовар. Свободного времени оставалось много, и Клавдия стала работать на почте (после рождения Люськи пришлось уйти из конторы, и теперь на ее месте там сидела другая девушка).

Клава пополнела, держалась солидно и с незамужними подругами разговаривала уже снисходительно.

В областной школе занимались круглый год, и Валентин приезжал только на воскресенья. Он не пил, изредка «праздновал», как говорят в деревнях, да и то немного и в каждый приезд советовался с Клавдией: что купить в городе, сколько денег оставить на хозяйство, не попросить ли у председателя землицы под огород... Зиму он занимался старательно: нравилось узнавать новое, и он не переставал удивляться, как много хитрого придумали люди. Но когда летом начались работы в подсобном хозяйстве школы, Валентин загорелся: это было еще интереснее. Теперь он говорил только об агротехнике.

Начиналась осень. Валентин сходил на разъезде Кузьминском, где не было платформы и приходилось спрыгивать на землю. Здесь кончался лес; дальше рельсы уходили в коридор из сосен среди темных полей; в полях блестели далекие огни. Валентин уже выходил в поля, когда на разъезде свистел паровоз, громко сталкивались потревоженные вагоны и поезд, постукивая, удалялся.

Всходила луна, и еще слабые тени столбов ложились на дорогу. В деревнях светились окна, заставленные геранями. То и дело Валентина окликали. Он отвечал по-разному: спрашивал о здоровье бабки Манеши, кончили вчера молотить или нет, скоро ли драмкружок разучит «Барышню-крестьянку». Он то сочувствовал, то смеялся, то негодовал. Но чем дальше, тем реже его окликали: деревни засыпали. Валентин ускорял шаг. К Дому приезжих он подходил разгоряченный быстрой ходьбой, пропахший горькими запахами осени.

В доме приятно тепло, возле печи шумит самовар, вымытый пол прикрыт половиками. Валентина встречают радостным шумом. Он разувается, снимает пиджак и рубаху, мягко ступает большими белыми ногами. За стол он садится в одной майке без рукавов. Веснушчатый рыжий котенок, задирая хвост, ходит возле стула и счастливо мурлыкает. Валентин достает конфеты для Люськи.

— Дорогие? — подозрительно спрашивает Клава.

— Других не было...

— Зря купил... Она же не понимает: ей только бы сладкое...

Клава наливает тарелку щей, не переставая рассказывать новости. Говорит она о самом обыкновенном: как вчера на почте не сходилась отчетность, не хватало двугривенного, и она пересчитала раз тридцать, с тем и домой ушла, а нынче сразу нашла ошибку; как встретила у колодца Шурку и о чем с ней разговаривала. Но глаза у Клавы блестят, и говорит она оживленно, словно радуется и встрече у колодца, и люськиным капризам, и своей ошибке на почте. Валентин ест и слушает. Время от времени он спрашивает о том, что его интересует, и тогда Клава будто спотыкается на бегу.

— Там кто-нибудь есть? — Валентин кивает на перегородку.

— Чего? — Клава понижает голос. — Есть один. Инженер какой, что ли... Из Москвы.

Тут Клава спохватывается: еще подумают, что она без памяти обрадовалась валькиному приезду, да и сам Валька, чего доброго, загордится. И совсем другим, сварливым тоном она спрашивает:

— И когда ты мне привезешь корыто? Как стирать, так иди к соседям или бултыхайся в лохани. Мученье мое!

— Да искал я, нету... — неохотно отзывается Валентин.

— Для других есть, для тебя одного нету. Вон Федька из Копышева привез жене корыто оцинкованное.

После ужина Клава укладывает Люську, а Валентин выходит на волю покурить.

К этому времени из аппаратной появляется одичавший от одиночества Генка Пухов. Радиотехников в колхозе два, но второго председатель послал возить зерно, и Генка с раннего утра до полночи сидит один в аппаратной, куда «посторонним вход воспрещается». Сюда же, на скамеечку возле дома, пришел и приезжий инженер. Они курят и беседуют. Перед ними в лунном свете лежит стадион с беговыми дорожками, турником и футбольными воротами; дальше белеет шиферная крыша фермы. Налево, в темном доме правления, светятся четыре окна председательского кабинета.

Валентин подсаживается на скамейку, вступает в разговор.

— Да, — говорит он. — Хвощ, щавель растут на кислой почве. Я пробовал нашу землю: кислотность здесь — пять. Говорю председателю: «На то поле надо сорок тонн извести, на это — сто двадцать тонн». «Откуда я тебе столько возьму?!» — отвечает. А я говорю: «Можно не известь, можно фосфоритную муку: ее меньше надобно». Вон на Кузьминском разъезде лежит десять тонн фосфоритной муки: невостребованный груз. Попроси, отдадут даром! Поставить одного человека — и вози, рассеивай! А то купили туковую сеялку неизвестно зачем; валяется в канаве, ржавеет... И пахотный слой надо углублять... И озимые у нас не боронуют...

Валентин говорит, как перед толпой, даже размахивает рукой.

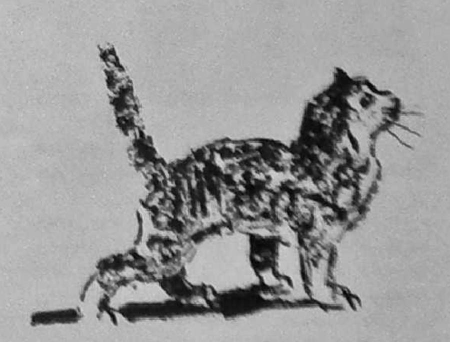
— Нет плохой земли, а есть плохой хозяин! — гремит он. — Наша земля может столько давать, что и представить немыслимо. И предела нету!

— Да ты постой! — останавливает Генка. — А то люди подумают, что у нас плохой колхоз.

«Людьми» он называет приезжего из вежливости.

— Разве я говорю, что плохой? — обижается Валентин. — Колхоз даже очень хороший! Потому и можно делать по науке...

Приезжий понравился Валенти-

ну: хоть и не специалист в сельском хозяйстве, а понимает. И когда, вздохнув, Генка ушел в свою аппаратную, Валентин долго еще говорил с инженером, даже прошел с ним в комнату для приезжих. Теперь они говорили о

стихах, и Валентин принес тетрадь. Он писал нравоучительные и обличающие стишки для стенгазеты. Стихи были плохие. Только недавно Валентин узнал, что существуют стихотворные размеры. Теперь ему казалось, что есть в поэзии свой производственный секрет, вроде зажигания в тракторе, без которого, хоть разбейся, ничего не достигнешь. Но приезжий, вероятно, и сам толком не знал, хотя и пытался объяснять.

— А как же, например, Маяковский? — спрашивал Валентин и жадно смотрел в глаза.

— Валя, я ложусь спать,— сказала за перегородкой жена.

— Сейчас иду...

Но Клава так и не дождалась, уснула одна.

3

Утром был туман, и в тумане слабо шевелился ветер. В отдалении пели невидимые петухи и лаяла собака. Туман пах дымом: хозяйки уже растопили печи. Видно было недалеко; от изб и деревьев оставались смутные пятна. Не было ни дороги в город, ни соседней деревни Копышево, ни леса, и оттого казалось, что земля уменьшилась. Зато сараи, избы, деревья словно отодвинулись друг от друга. В тумане весело болтали на проводах ласточки.

С утра Валентин занялся работой: снял дверь в комнате приезжих и унес в светлые сени, чтобы вставить замок; конечно, в колхозе нет воров, а все-таки приезжим неспокойно, когда не заперто. Ему еще не приходилось врезать внутренние замки и потому было интересно.

— Сделаем! — громко говорил себе Валентин, ободряя.— Суворов сказал, что пройдем по Чортову мосту, и прошли! — Он рисовал на двери будущую скважину.— И года не пройдет, а дверь будет готова!

Клава знала: в воскресенье муж всегда что-нибудь забивает, пилит, строит, в крайнем случае, колет дрова. Так он отдыхает от занятий в своей школе. Для порядка она поворчала:

— Хоть бы погулял с Люськой! Тоже отец называется!

— Вот замок поставлю и погуляем,— незлобиво отозвался Валентин.

К обеду дверь висела на старом месте, а Валентин щелкал ключом, проверяя.

— Подожди! — отвечал он жене, которая звала обедать.— Тут дела поважнее...

Замок запирался, и Валентин силой притащил жену: пусть убедится. Клава ворчала:

— Да, идем наконец! Я есть хочу... Ну, вижу, вижу, что запирается. Герой!

— Вот мы какие! — хвастался Валентин.

После обеда гуляли всей семьей. Клава опять рассказывала про Шурку и еще про Лешку: что, наверное, Лешка пьет, потому что при своих заработках ходит в грошовом костюмчике; на деревенскую работу, всякий знает, и надо одеваться поплоше: какой ты работник, если станешь беречься грязи?! А Лешка и в клуб приходит такой же, значит, пропивается, хоть его и не видели пьяным. Уже прибегала на почту Маруська, спрашивала, как она, Клава, думает, переменится Лешка, когда женится, или нет. И Клава сказала, что тут много зависит от самой Маруськи, но что она, Клава, думает все-таки, что Лешка женится — переменится!

Валентин слушал молча. Оживился он, только играя с Люськой в ловишки да еще когда встретили нового зоотехника Ухтина.

— Здравствуйте, Павел Николаевич! — радостно сказал Валентин.— Вы, я слышал, составляете новые рационы?

— Здравствуйте! — хмуро отозвался молодой зоотехник.— А вы что же — животновод?

В колхозе он был недавно и многих не знал.

— Да нет, я не животновод, я Мазуров! — объяснил Валентин.— Учусь в областной школе колхозных кадров...— И солидно добавил: — Очень меня интересует научная постановка животноводства.

Пока они говорили, Клава с Люськой стояли поодаль. От разговора с зоотехником Валентин даже вспотел.

— Ух, и ученый! — сказал он с уважением.— Такого наговорил про белки, углеводы да витамины! Я едва понял...

На этот раз молчала Клава.

Потом Люська устала и захотела спать. Валентин взял ее на руки. Люська обняла его, но тут же заснула, и ручонка бессильно повисла за отцовской спиной. Валентин бережно отнес дочку домой, положил на постель, сказал Клаве:

— Схожу, потолкую с бригадирами...

В то время Клавдия еще не думала, что ее Валька встречается с другой женщиной, хоть и знала: немало в колхозе томится вдов в самом женском расцвете. Вон Степанида Кочеткова и замужем была всего-то полгода, а теперь живет вдовицей, растит сынка и ропщет, что прежде времени зачислена в старухи. Оттого, быть может, и вспыхивает Степанида гневом то на соседку, то на сына, а всего чаще на беспорядки на молочной ферме, где работает скотницей.

Все же Клавдия поворчала:

— И часа дома не посидишь! Как все одно на угольях...

Но удерживать не стала, а то еще подумает, что ей без него скучно. Очень нужно! Пускай идет...

— Я быстро! — пообещал Валентин.

Бригадиры сидят на ступеньках правления. Виктор Ветелкин из Красненкова и Пеньков из Копышева здороваются и продолжают спорить о чистых и занятых парах, а Кузьма Маслюков, тощий и крикливый бригадир из Грачевки, радостно восклицает:

— А-а, Валентин! Ну, как там, в школе? Выучил наконец долбицу умножения?

— Мы ее и раньше знали,— спокойно отвечает Валентин.— А вот чего я хочу сказать, бригадиры: неправильно вы храните навоз! В буртах навоз горит.

Маслюков восторженно шлепает себя по худым коленям:

— Да ну?! За это люблю!.. Ну, давай, давай. Научи!

— Навоз и должен гореть, иначе не перепреет...— равнодушно отзывается Пеньков.

— И вовсе не должен гореть! Его надо укладывать в ямы, поплотней утрамбовывать. Тогда он перепревает медленно и получается рассыпчатый...

— По мне, какой ни будь, лишь бы побольше! — говорит Пеньков, затаптывая папиросу.

— Навозу мало, а почему торф не берете? — Воодушевляясь, Валентин показывает рукой: — Вон под лесом сколько хочешь! Немножко, правда, кислый, надо бы извести... Да и вообще почвы у нас закисленные...

Привлеченные шумным спором, останавливаются на дороге колхозники, а Степанида Кочеткова, которая идет на ферму, задорно кричит:

— Так их, Валька! Пусть знают, почем фунт лиха! Потяжелели наши бригадиры, заелись...

И, любуясь, смотрит на Валентина насмешливыми и немного грустными глазами.

— А может, сахарком посыпать землицу-то? — сощурившись, спрашивает Маслюков.

— Ты прошлый раз считал. Вышло двести тонн извести, да и то не на все поля,— лениво возражает Пеньков.— Где ее взять, известь-то?

Валентин отвечает, что на Кузьминском лежит бесхозяйская фосфоритная мука. Даром бери!

— Фосфоритная мука? Фью, фью-ю! — насмешливо свистит Маслюков.— Ее по коробкам сыпать да продавать девкам на пудру...

— Ты когда-нибудь пробовал ее рассевать? — спрашивает Пеньков.— Сплошной туман в поле, не прочихаешься...

— Она больше в воздух летит,— подхватывает Маслюков.— В землю еще то ли попадет порошинка, то ли нет — бабка надвое гадала.

— Ничего! — спорит Валентин.— Туда же сядет, на землю... Просто, нет у вас желания работать по науке, и все!

— По науке мы чумизу сеяли,— говорит Маслюков.— Хоть бы насмех уродилось зернышко — одна трава!

И только Ветелкин спрашивает, вытащив затрепанный бригадирский блокнот:

— Сколько, говоришь, муки-то? Десять тонн? Угу...

Когда Валентин уходит, Маслюков зло говорит вслед:

— Растет клюква к ужину!.. Это у него, как у щенка, только зубки режутся, а погоди, вырастут зубы — наплачешься! Чего доброго, не поставили б после школы в заместители...

— Он дельное говорит,— негромко возражает Ветелкин.— Парень хочет добра колхозу.

— Знаем! — вскидывается Маслюков.— Чего ж он прежде добра не хотел, молчал?

— Молчал, когда не знал. Для критики тоже нужны основания...

— О-а-ах! — зевает Пеньков.— Мой тебе совет, Виктор: не связывайся с фосфоритной мукой, не обрадуешься!

Перед вечером Клавдия уходила к подруге взять выкройку платьица, а то Люська бегает в заплатанном, прямо стыд. Валентин сидел с дочкой перед стадионом, где мальчишки, галдя, гоняли футбольный мяч, и рассказывал сказку про замазку: будто бы один дяденька-плотник придумал замазку, которая навечно скрепляет что хочешь. А был у дяденьки сын-озорник; вот он стащил у отца замазку и для начала прикрепил петуха на самый конек. Петух крыльями машет, кричит, а слезть не может... Люська смеялась и, задирая голову, смотрела на крышу.

Перед закатом сорвался ветер, загремел железом на крыше, по-

гнал солому и щепки по дороге, стал возле конторы трепать иву, будто таская за волосы. Цыплята бежали по ветру к дому, а ветер старался их вывернуть наизнанку: то задирал парусом крыло, то сдувал перья с задка до самой кожи. Цыплята пищали и вертелись, они были похожи на растрепанные ожившие белые цветы.

Валентин увел Люську в дом.

Клавдия вернулась расстроенная и растрепанная. Уже от порога она спросила сдавленным голосом:

— Ты что же это, Валька, делаешь?

— А с Люськой играю...

— Мне сейчас Панька все-все рассказала... Ты что же это, Валька? А?!

— Да чего я?!

— Ты зачем же бригадиров дразнишь, Валька? Маслюков кричит по колхозу, что все бригадиры откажутся, если тебя поставят в правление после школы. «Пусть,— кричит,— его посылают в Дубовицы, пусть там поработает! Хорошо,— кричит,— критиковать, где работа уже налажена, а вот пусть попробует с самого начала, от разбитого корыта!»

— Кто его послушает, Маслюкова!

— А вот и послушают! И Панька говорит, что послушают... «Для того,— говорит,— их и учат, чтобы поднять сельское хозяйство, а если,— говорит,— свой колхоз откажется, то пошлют в самый плохой, чтоб налаживали!»

— Ну и наладим!

— Наладишь ты, как же! Ты совсем о нас с Люськой не думаешь. Ты что?! Ты что делаешь, Валька? А? Ты бы хоть подумал...

Они поссорились, и впервые Валентин не уступил. Ужасаясь, Клава ощутила глухое, ожесточенное упорство мужа. Она растерялась. Плача и негодуя, она кричала, что ему не жалко Люську, что Валька разлюбил ее, Клавдию, и, она давно приметила, скучает при ней, ему с ней неинтересно, что в Дубовицах крыши покрыты соломой, а колодези обвалились, что и дураку легко критиковать по книжке, не работая. Хитрого тут нету! Сквозь рыдания она говорила, что Дубовицы до их колхоза надобно все десять лет поднимать. Так и жизнь пройдет! «А я... а я, глу-упая, думала: новый дом поставим, я... я... яблоньки насадим, цветки...»

Обессиленная рыданиями, она пила воду из ковша, но вода расплескивалась, а зубы стучали о железный ковш. Глядя на мать, тоненько заревела Люська.

— Да ну вас всех! — крикнул Валентин, хлопнул дверью, ушел в аппаратную, хоть туда «посторонним вход воспрещается». Клавдия безутешно плакала: муж больше не слушался. Это было непонятно и страшно. Что же теперь будет?

Ночью Клавдия не спала: то плакала, то лежала, вздыхая; вставала пить воду. Валентин ничего не слышал, спал или притворялся. Лег с вечера лицом к стене и не шелохнулся. Он лежал каменный, чужой. Глядя на эту равнодушную спину, Клавдия недоумевала: почему она лежит рядом с чужим, враждебным мужиком? Зачем она мучилась и помирала, рожая от него ребенка? Ей стало нестерпимо... «Не может быть!» — беззвучно прошептала Клавдия. Вспомнилось, каким ласковым и веселым бывал прежде ее Валька. Клавдия судорожно всхлипнула. «Валька! Валечка!» — тихо позвала она. Муж не отозвался. Она положила маленькую горячую ладонь на его широкую, прохладную, сильную спину. Муж нетерпеливо дрыгнул ногой. Он и вправду был теперь чужой!

Клавдия вновь разрыдалась, уткнувшись в подушку: боялась разбудить Люсеньку. Все рушилось...

4

Валентин встал до света, молча оделся и ушел, хотя идти к поезду было еще рано. Клавдия не стала ни стряпать, ни прибираться, наскоро умылась, оставила плачущую Люську у соседей и побежала к подругам: она совсем растерялась. В запертом доме исходил криком котенок.

— А кто говорил: не выходи за Вальку? — напомнили подруги.— Вот и кончилась твоя отчаянность... Тоже героиня! «Я не боюсь!» Ан испугалась...

— Он обещал...— всхлипывая, отвечала Клавдия.

— А ты и поверила? — Подруги снисходительно усмехались.— До женитьбы они что хочешь наобещают. Вот погоди: опять начнет пить. Увидишь! Еще прибьет...

— Тогда я уйду...— рыдала Клавдия.

— Ну и будешь куковать одна... Мало их, что ли, кукушек?

А Даша повторила свое обычное:

— Был шпаной — шпаной и остался. Из барана щи варят, а все равно бараниной пахнет.

Все объяснила Шурка Озорнова.

— Если не помирится, не буду ему... женой! — грозилась Клавдия, сморкаясь и вытирая глаза.

— Дура ты, дура! — снисходительно ответила Шурка.— Он же это нарочно...

— Почему нарочно? — начиная дрожать, спрашивала Клавдия.— Почему нарочно?

— Потому что, наверное, завел себе в городе женщину. Теперь здесь переругается, колхоз от него откажется, и пошлют Вальку в другую деревню. Сейчас он тебе письмецо: так и так, дорогая и любимая Клавочка, в другой деревне нету хороших квартир, а у нас маленькая дочь; ты уж с ней поживи, где жила, пока я сыщу квартирку. И все!

— Все?

— Конечно, все: сиди, жди квартирку, а он тем временем женится...

— Я к его родителям пойду! — вспыхнула Клавдия.

— Пойди, пойди! — поддержали подруги.

И только Наташа строго сказала Клавдии:

— Не выдумывай глупостей! Валька прав. Не понимаю, чего ты взъелась на него? А что бригадиры не желают слушать критики, надо об этом поговорить с парторгом. Жалко, что теперь у нас не Анна Сергеевна... Поотвыкли мы от самокритики, себе все прощаем...

А Валентин пришел на Кузьминский, сел на скамью у станции. Начинало светать, одинокая лампочка над дверью слабела с каждой минутой. Туманы бродили вокруг, и оттого в лесу раздвинулись деревья, словно лес поредел. Подошел железнодорожник с фонарем, в котором едва тлел багровый свет, поздоровался.

— Здорово, Трифоныч! — тихо ответил Валентин.

Трифоныч открыл фонарь и задул свечу: фонарь сделался черным, мертвым. Старик поставил его у ног, сел и зевнул.

— Поезд пройдет, сдам дежурство и спать...— сказал он.— Учишься, значит? Вам, молодым, чего не учиться? Это нам раньше не было ходу, а уж как хотелось... Мальчишкой-то поучился я всего две зимы: два класса приходской школы. А после революции попал на год в областную школу для пожарников: я пожарником тогда работал. Вот, помню, учитель математики стал объяснять про неизвестное. Написал пример: $5 - x = 2$. «Вот этот крестик и есть, говорит, неизвестное!» Ничего я не понял. Но, вижу, другие не спрашивают, и я постеснялся. Вечером смотрю на этот крестик, думаю, что завтра меня прогонят из школы, кончится мое учение! Заходит Сахаров, он у нас старостой был. «Ты чего, Зубков, сидишь?» «Да вот,— говорю,— ничего не выходит. Не понимаю я...» «Да тут,— говорит,— и понимать нечего, все простое». «Кому,— говорю,— простое...» Он подходит ближе, видит: у меня слезы капают на бумагу. «Да ты,— спрашивает,— никак плачешь?!» «Плачу»,— говорю. Стал он объяснять. «Вот,— говорит,— из пяти отними два, сколько получится?» «Три»,— говорю. «Теперь напиши вместо крестика три. Понял?» «Понял!» Заставил он меня решить примеров десять. «А теперь,— говорит,— давай покурим и спать».

Старик посмеялся над собой, покрутил головой:

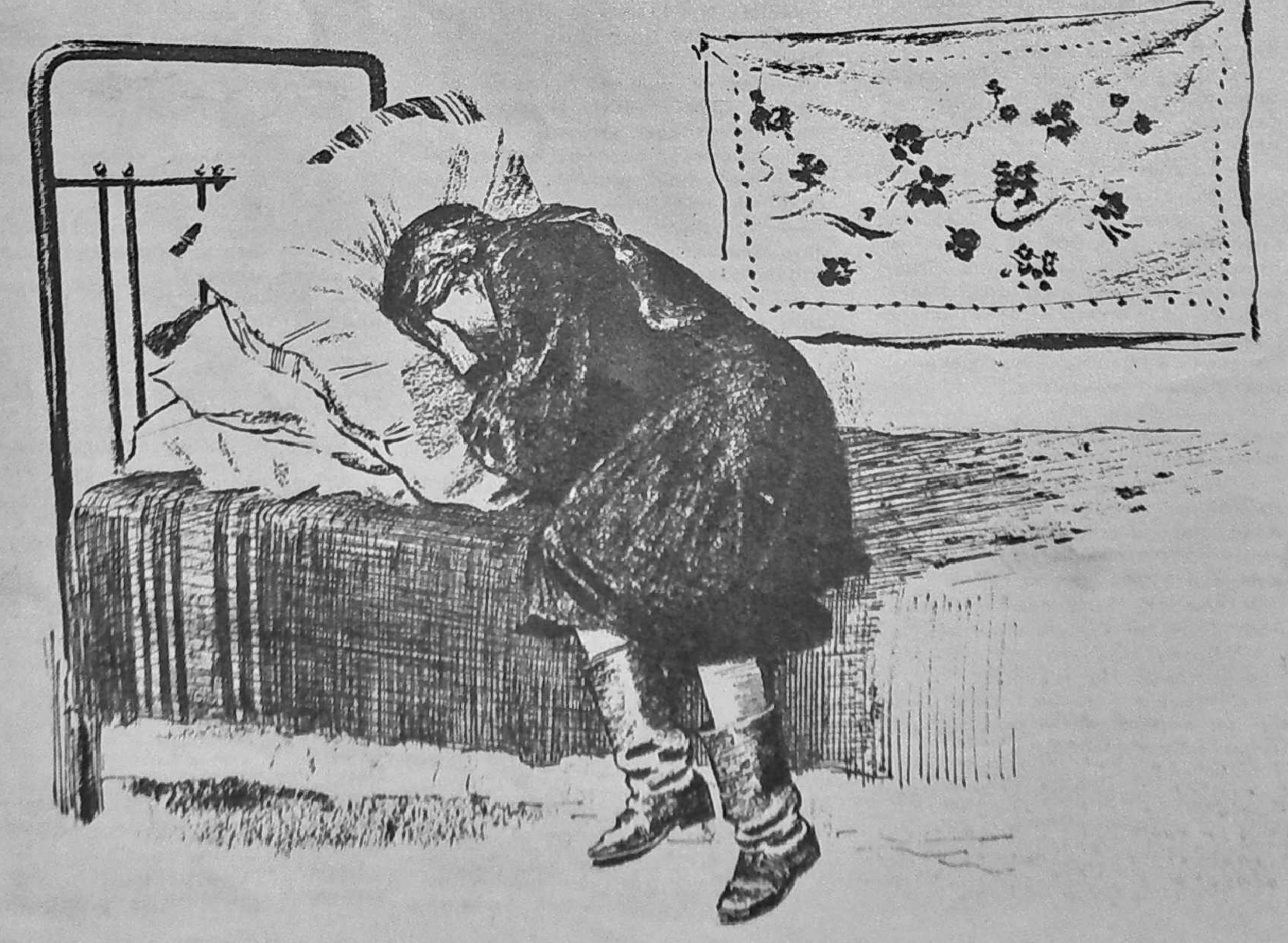
— Вот ведь пешка был! Плакал от неизвестного! А?

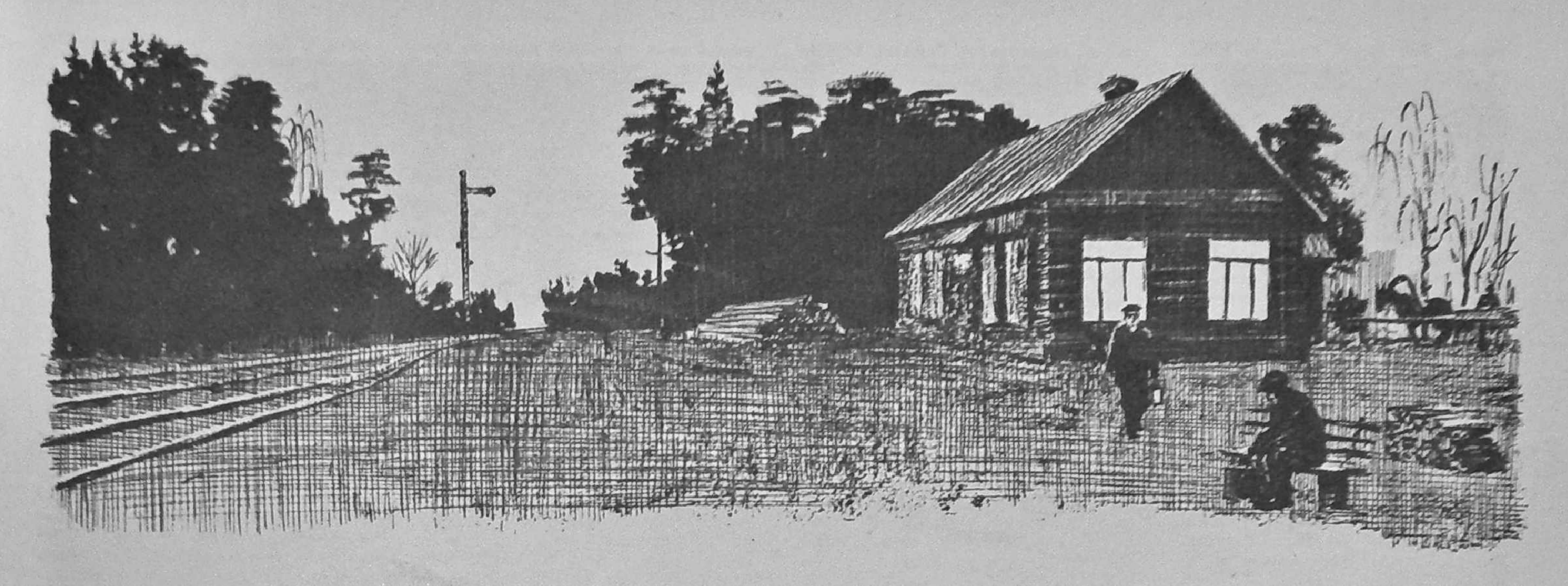
Он рассказывал долго: соскучился за ночное дежурство. Потом спросил:

— А ты чего так рано? Поезд-то будет через час... Иль с женой поругался?

— Угу...

— Бывает... И чего, ты скажи, бабам от нас надобно?! Вон у меня голова седая, шестой десяток разменял, а все она меня учит, все воспитывает: и водки, старый чорт, не пей, и туда не ходи, и того не делай! В крови это у них, что ли, чтобы, значит, детей воспитывать?.. У тебя еще Клавка мирная... Чего это ты с ней поругался?

— Не привык я, Трифоныч, ругаться с Клавкой. Не заведено было у нас ругаться...

— Так и я, милок, не привык, а, вернее сказать, притерпелся... Чего ж это вы разбранились?

— Не велит с бригадирами спорить. А как не спорить? Для того нас и обучают, чтобы поднять сельское хозяйство. Разве от меня этого ждут, чтобы молчал?!

— Не понимает, значит...— вздохнул Трифоныч.— А ты с ней не спорь: бабу, милок, не переспоришь! Наше мужское дело: коли дома скандал, взял шапку и за дверь...

— Еще хуже обижается!

— Ничего! Пошумит и перестанет: думаешь, ей интересно скандалить в пустом помещении?

— Я ж перед ней не горжусь, перед Клавкой. В чем другом я бы с дорогим сердцем... а тут нельзя мне отступиться! Понимаешь: нельзя...

— И думать не смей! Чего еще?! И так вроде бы мы лошади, а бабы — кучера...— Старик прислушался.— Поезд свистел в Воронове... Через десять минут придет.— И повторил, вставая: —Ты и думать про это не смей! Еще чего?!

Работа валилась из клавдиных рук; комнату приезжих Клавдия прибирала кое-как, с веником или тряпкой в руке, не раз плакала, приткнувшись лбом к стене или к холодной спинке одной из кроватей.

В среду, взяв Люську, она пошла к свекру. У валькиных родителей все было по-старому: за огородкой росли малина и бузина, а пастух гнал стадо, щелкая кнутом; коровы мычали, вызывая хозяек, и хозяйки выходили к воротам. Валькина изба еще больше потемнела и как будто уменьшилась, а свекор стал седой, старенький. Он сидел за столом, свертывал цыгарку, и руки у него дрожали.

— Это ты правильно! — сказал он, выслушав.— Мы в деревне живем, как в лесу дерева: может, сосед тебе и не по нраву, а терпи. Деваться некуда! Все одно, ссорься не ссорься, а жизнь проживешь рядышком. Это тебе не в городе! В деревне, брат, ссоры к добру не ведут! Это ты правильно. Ты пришли Вальку-то, я с ним, брат, поговорю! Я с ним строго поговорю, как надо.

Часы пробили тринадцать раз.

— Тьфу! — плюнул старик. — Непутевые! Надо их все-таки отнести к мастеру...

Свекровь процеживала молоко, гремела подойником. Не поднимая головы, она сказала:

— Все вы, как я погляжу, непутевые...

— А ты помолчала б! — прикрикнул старик, но окрик получился не грозный, а жалкий, и Клавдия поняла, что свекор не может строго поговорить с Валькой.

Свекровь вышла проводить на крыльцо.

— А по мне, не надо тебе с ним, дочка, из-за ерунды ссориться: не с тобой ведь бранится, с другими!.. А он тебя жалеет, шибко жалеет, дочка! — Старуха засмеялась.— Когда тебя в родилку отвели, места не находил... «Это,— говорит,— мне надо рожать, не ей, потому что я сильный!» Чего выдумал, а? Рожать мужику!

— Маменька! — Клавдия, заплакав, спрятала лицо на плече у старухи: от плеча пахло парным молоком.— Мне, да не знать, какой он был! А теперь... теперь есть у него дру... другая...

— Другая?! — ахнула старуха.— Да тебе не примерещилось?

— Все говорят...— рыдала Клавдия.

— Пришли Вальку! — сказала старуха, сурово поджимая губы.— Сама спрошу.

— Отопрется он, маменька! Оправдается...

— Перед матерью не отопрется.— И тихо добавила: — А коли оправдается, то и хорошо: значит, невинен. И реветь загодя нечего: без нас дождю хватает; еще успеешь...

За неделю Клавдия осунулась, похудела; глаза обвело тенью.

В субботу, когда приехал Валька, она сказала, зло сверкая глазами:

— Все твои штучки знаю! Все, как на блюдечке...

Валька молчал.

— Ну, как ее зовут, твою полюбовницу?

У Валентина рот раскрылся сам собою:

— Да ты угорела или как?

— И не ври, не старайся! Все знаю...

Клавдия дрожала так, что зубы стучали.

Валентин не стал ужинать, ушел... Пропадал допоздна, но вернулся трезвый и сразу, не отвечая Клавдии, лег спать на полу: подстелил тулуп, а накрылся пальто.

Вообще Валентин обманул ожидания клавдиных подруг: не стал ни пить, ни драться. Но семейная жизнь Мазуровых все равно быстро разваливалась. Теперь Валентин приезжал мрачный, молчаливый, клал на стул кошелку с городскими покупками, на стол бросал деньги, если оставались от стипендии, и, поев, куда-то уходил. С Люськой он почти не играл, а когда дочка приставала, просила рассказать сказку, гладил ее по светлым волосенкам и говорил, что болит голова и сказок он больше не помнит: все сказки кончились!

В воскресенье Валентин колол дрова, пилил, строил: починил крышу на дворе, исправил ступеньки, перегородил сени, чтобы приезжие пореже ходили к его семье. Но теперь он работал молча.

Попрежнему он ходил разговаривать с бригадирами, но был злой и однажды чуть не подрался с Маслюковым: их розняли. Этот случай разбирали на партийном бюро, и Маслюкову объявили строгий выговор за зажим критики, а Валентину записали предупреждение: чтоб критиковал не кулаками.

Как-то Валентин встретил Степаниду Кочеткову.

— Эх, жаль мне тебя, парень!— сказала, усмехнувшись, Степанида.— Пропадаешь из-за бабьей глупости... Пришел бы как-нибудь, что ли! Я б и водочки припасла...

И вдруг потянулась, закинув руки, да так, что затрещала кофта: наверное, где-то порвалось.

— Спасибо на приглашении,— хмуро ответил Валентин.— Только времени нету гостевать.

— Ну, как хочешь! А заскучаешь, приходи,— и вдруг засмеялась:— Не совсем еще испоганился, выходит?

Валентин отошел, но губы отчего-то стали сухими, пришлось облизнуть.

Раза два Валентин приезжал, против обыкновения, веселый и, ужиная, пытался что-то рассказывать. Клавдия не слушала; дернув плечом, она отходила и нарочно громко заговаривала с Люськой или даже с котенком. И Валентин умолкал на полуслове.

Как ни добивалась Клавдия, он не признался. Валентин хмуро говорил, что это глупые клавдины выдумки, что ему и встречаться некогда в городе, потому что весь день они занимаются да еще бывают в подсобном хозяйстве школы, а вечером надо готовить уроки. Даже в кино не был ни разу: едва поспевает забежать в магазин купить гостинцы к субботе. А живут они, Клавдия знает, в общежитии... И если она не верит, пусть спросит кого хочет из ребят, которые учатся... Но говорил Валентин раздраженно, и примирения не получалось. Много раз Клавдия собиралась сама поехать в город, да нельзя было оставить почту.

Однажды на почту явился шофер Кузьма, рассказал, что в городе видел Сашку Петухова, с которым Клавдия дружила еще до Вальки. По случаю встречи зашли в столовую, и Сашка все спрашивал про Клавдию: хорошо ли, мол, живет, как да чего... А после вздохнул и говорит: «Давай,— говорит,— выпьем за клавдино счастье! Хоть,— говорит,— у нас и не вышло быть вместе, а все-таки я ее люблю и, может быть, всегда буду любить...» Кузьма заходил в пятницу, надвигалось воскресенье, и Клавдия была как птица, застигнутая заморозком на перелете: зябла и тосковала. Разбуженные воспоминания повеяли теплом. Утирая слезы, Клавдия тут же написала письмо. Она писала не о Вальке, а о том, как хорошо было прежде, давно... «А помнишь, Саша...» — писала Клавдия.

В конце концов они расстались по-глупому. Сашу послали на месяц учиться в Ростов-на-Дону, вон куда! А он гордый был; прислал оттуда письмо: «Клавдия, если ты будешь в этот месяц гулять с Валькой, так я тебе не прощу, расстанемся навсегда». Но Клавдия подумала: «Вот еще, стану я целый месяц скучать, дожидайся!» Даже не ответила на письмо. Валька был тогда простой и веселый, Клавдия с ним каждый вечер и гуляла... В тот день было кино в старом клубе, в Колышеве, но Клавдия с Валькой не пошли. У Клавдии был ключ от красного уголка; сели за стол, смотрят журналы да разговаривают. А как раз в этот вечер приехал Сашка. Приехал и побежал в клуб искать Клавдию. Она даже не знала, что он приедет... Вот слышат: возвращается народ из кино. Открывается дверь, и входит Сашка. Посмотрел на них, слова не сказал, ушел. И сразу Клавдии стало не интересно с Валькой, она тоже

ушла... Вот сидит Клавдия дома, не гуляет ни с тем, ни с другим, ждет, что будет. Говорят, собирается Сашка уезжать в город совсем... Клавдия тоже была гордая, а тут решилась. Сговорилась с подругой. К тому времени, как он обычно идет домой, Клавдия с подружкой вышли за деревню, чтобы встретиться, как будто бы случайно. Встретились. Подруга ему говорит: «Можно вас задержать на пять минуток?» Он говорит: «Пожалуйста!» Подруга их оставила вдвоем, а сама пошла вперед. Клавдия и говорит: какое же, мол, будет твое решение для дальнейшей жизни? А он отвечает: «Я тебя просил один месяц обождать, не гулять, а ты не подождала. И хоть я тебя, может быть, люблю и, может быть, всегда буду любить, но этого я тебе не прощу!» С тем и расстались. Очень гордый он был, Сашка!.. Теперь Клавдия вспоминала, писала и потихоньку плакала.

Отправив письмо, Клавдия раскаялась: выходило, что она тоже вроде бы изменяет Вальке, тайком ищет сашкиной дружбы... Она даже позвонила в район, в отделение связи, просила задержать письмо: отправитель, мол, хочет не посылать. Там ответили, что письмо не воробей, не поймаешь и отправителю следовало думать раньше.

Клавдия мучилась стыдом: «Как теперь я посмотрю Вальке в глаза?!» Но Валентин приехал мрачный, поужинал, ни на кого не глядя, и сразу ушел в аппаратную. Клавдия ожесточилась: «Ну и пусть! Значит, правда есть у него другая, коли не смотрит на жену».

5

Чем больше она думала, тем больше убеждалась, что Шурка Озорнова права: прежде Валька всегда сам искал примирения, уступал. Если теперь он упорствует,— значит, кто-то настраивает его против семьи. Выходило, что непременно должна в этом участвовать женщина, иначе и быть не могло. Что же теперь делать? Думать ей приходилось много: шесть дней в неделю. И в эти дни ее била лихорадка: впервые Клавдия боялась будущего. Воскресенье надвигалось тучей, которая может принести грозу и град. А вместе с тем она любила Валентина и, когда вспоминалось прежнее, отчаянно рыдала, прячась от всех: все равно никто не поможет, только лишнее унижение...

После письма к Сашке Клавдия уверилась в измене мужа: ей нужно было думать, что он виноват, и она думала.

А Валентин боялся примирения: он уже привык подчиняться Клавдии и знал, что только в ожесточении и обиде способен упорствовать. Уступить же было немыслимо. Он обязан добиваться, требовать, обличать, и, главное, это ему нравится... Валентин почувствовал клавдину отчужденность, но раздумывать было некогда. «Обойдется!» — решил он.

Не раз Клавдия посылала Валентина к родителям.

— Ладно, схожу,— отвечал Валентин и не шел, занятый делами.

Мать пришла сама.

— Здравствуйте! — сдержанно сказала она.— Ты бы, Клавдюша, погуляла, что ли, с внучкой-то... Да не ходи далеко.

Клавдия долго бродила возле дома, волнуясь; она не слышала, о чем спрашивает Люська, дергая за рукав.

Наконец старуха вышла.

— Оправдался! — сказала она радостно. И строго добавила: — Злые языки оболгали, а ты веришь... Ну, ступай, мирись при мне...

И еще сказала старуха, когда Клавдия поднялась на крыльцо:

— Не пускай, дочка, ссору в дом: от дома пепел останется!

Свекровь заставила их поцеловаться и ушла, а мира не было. Теперь Клавдия не поверила и свекрови: «Известно, мать! Наврал, извернулся, а она и рада...»

В эти дни как раз пришло от Сашки письмо. Он писал, что теперь понял, какой был дурак, что очень скучает и никогда не женится и что если бы Клавдия... Дальше Клавдия не стала читать, сожгла письмо в печке, но стало ей еще тревожнее: ведь Сашка мог приехать к родным...

И все-таки они помирились. Не признавались, не просили прощения, а просто Валентин, не стерпев, заговорил, и Клавдия, измученная ссорой, на этот раз ему ответила. Вечером они даже пошли в клуб, где показывали «Историю одного кольца». На экране плавали лебеди и дрались с орлами, защищая лебеденка. Зал сочувственно гудел. Кто-то ломился в запертые двери, мальчишки заглядывали в окна, прижимая носы к стеклу. Потом зажгли свет, девушки оттащили скамейки в сторону и приготовились танцевать.

Рядом с Мазуровым оказался Маслюков. Подмигнув другим, он спросил:

— Объясни ты мне, Валентин, почему второй год ложится пшеница? От дождей, что ли?

— Молчи, Валька! — быстро сказала Клавдия.— Он насмех спрашивает...

— Почему насмех?! — возмутился Маслюков.— Я ж вправду не знаю.

— Возьми книжку да прочитай! — отрезала Клавдия.

— Хлеб ложится, когда избыток азотистых удобрений,— объяснил Валентин.— Надо добавлять калия.

— Так она ж ложится, когда уже высокая! Потопчешь...

— Лучше всего вызвать самолет...— начал было Валентин, но Маслюков не дал договорить.

— Са-мо-лет?! — вскричал он и обернулся: — Слышите, ребята? Такому дай волю: на трудодень останется полтора шиша без полтинника! Чего денег жалеть: колхозные!

Клавдия ушла, не дожидаясь Валентина. А после, дома, сварливо сказала:

— Лезет карась на удочку! Больно нужно ему твое объяснение...

— Спрашивает, так я должен сказать...— хмурясь, отозвался Валентин.

— А в дураках оставаться тоже должен? Молчал бы уж...

— С тобой, и верно, лучше помолчать...

Больше Валентин не отвечал. Вскоре замолчала и Клавдия. Примирение вышло непрочным, как первый осенний лед.

6

Поглощенная переживаниями, Клавдия не замечала, что в колхозе назревают перемены. События свалились на нее, как подтаявший снег с крыши: даже не сразу поняла, что происходит...

В феврале на общем колхозном собрании Никита Андреевич, пряча глаза, отказался быть дальше председателем. Сказал, что уже стар, последнее время хворает и надобно ему отдохнуть...

— А там видно будет! — все-таки сказал Никита Андреевич, садясь.

И вдруг все увидели, что он и вправду старый. Потом говорили, что Никите Андреевичу досмерти не хотелось отказываться, но его убедили, потому что в председатели наметили специалиста, участкового агронома.

Собрание было бурное. Хоть и знали участкового агронома, а все-таки многие опасались журавля в небе и просили Никиту Андреевича остаться. Парторг и члены правления возражали, говорили, что колхоз уже поднялся до той ступени, когда вести должен специалист, который «лучше видит перспективу науки». Выбрали, конечно, агронома.

Новый председатель сразу сменил Маслюкова: поставил его конюхом. С горя Маслюков пил целую неделю и, пьяный, скандалил дома. А когда, опухший и заросший, вышел наконец на работу, лошади от него шарахались, как от волка. На маслюковское место назначили Настю Пирожкову, комсомолку. Первое время она бегала утром по избам с расширенными от страха глазами, врывалась в дом в облаке холодного пара и звонко кричала с порога:

— Дядя Миша! Вы что ж на работу не выходите? Пора!

— Как не иду? Иду! — хрипло отзывался дядя Миша.— Вот только обуюсь... Да ты двери плотней закрывай, бригадир: дует!

Но бригадира уже не было: скрипя снегом, Настя летела мимо окон к другой избе.

Весь март на поля возили торф. Грузовики возвращались из города, по самые борта заваленные минеральными удобрениями и комбикормом для скота: на это новый председатель не жалел денег.

В первое же воскресенье, встретив, он зазвал к себе в кабинет Валентина и два часа разговаривал с ним, с Виктором Ветелкиным и колхозным агрономом Галактионовой. Прощаясь, председатель сказал, что будет просить правление, чтобы Валентина, когда окончит школу, сделали его заместителем.

Клавдия мыла посуду после обеда и думала о своем. Теперь она все делала медленно, как впросонках. Люська спала и во сне присвистывала: застудилась, должно быть. Пугаясь, Клавдия, услыхала, как загрохотало на крыльце, словно бы упало тяжелое, загремело в сенях, хлопнула дверь: ворвался Валька. Он сиял и был потный, тяжело дышал.

— Клавка! — крикнул Валентин и на мгновение замер.

— Люська спит. Тише...— сказала Клавдия.

— Клавка! — снова крикнул Валентин.— Наша взяла! Ур-ра!

И схватил Клавдию на руки; из беспомощных клавдиных рук вывалилась тарелка, разбилась в черепки... А Валька кружился по комнате с Клавдией на руках, орал и смеялся. Люська проснулась, хотела заплакать, но вместо того засмеялась, слезла с кровати и босая подбежала к отцу. Тогда Валька посадил Клавдию на печь, а Люську стал подбрасывать к потолку; Люська визжала.

— Чумовой! — сказала Клавдия с печи; она смеялась и плакала.

Наконец Валентин устал. Он посадил Люську на колени, обнял и стал рассказывать Клавдии, что все вышло по-ихнему и вообще теперь хозяйство в колхозе пойдет вполне по-научному.

— Наша взяла! — сказал, радуясь, Валька и, придерживая Люську, чтоб не упала, вытер пот.

В эту ночь они долго шептались в постели — впервые за многие месяцы.

Казалось, все наладилось: Валька был весел, баловался, хохотал на весь дом, играл с дочкой и сочинял ей сказки. По воскресеньям он целые дни пропадал, приходил пропахший навозом, торфом, химией, веселый и потный. Клавдия тоже, поддаваясь веселью, начинала дурачиться и озорничать, но вдруг останавливалась, словно опомнившись. Подолгу задумывалась, не слыша, как урчит и чавкает рыжая кошка, укравшая мясо. Что-то все-таки оборвалось навечно: Клавдия не ощущала в Вальке прежнего доверия и простоты. И хотя он охотно рассказывал обо всем, что делал, но временами замолкал, не говорил о спорах с людьми и теперь никогда не спрашивал совета. Клавдия все время ощущала его настороженность. Нет, она не была уже хозяйкой: хозяином был Валентин.

Однажды Валентин сказал, смеясь:

— И с чего это ты, Клавка, тогда выдумала про меня, что я гуляю в городе? Взбредет же в голову!

— Молчи! — вскликнула Клавдия и вспыхнула, даже слезы повисли на ресницах.

— Вот теперь тебе стыдно,— продолжал Валентин,— а тогда...

— Да замолчи ты, ради бога! — закричала Клавдия.— Ничего мне не стыдно. Вот ни капельки...

И поспешно ушла за водой.

7

Снова, как и тогда, наступает весна. Деревня стоит в чаще голых палок и прутьев. Старая трава лежит выцветшим половиком. Каждая ямка до краев налита водой. Паровозные гудки долго катятся в голых весенних лесах и глохнут в отдалении. Целый день за окнами щебечут птицы. Изредка с тихим хрустом и чавканьем проезжает телега.

Клавдия останавливается на крыльце, снимает с коромысла ведра. Вода звучно плещется на доски, словно шлепают по голому телу.

Отдыхая, Клавдия оглядывается. Весь день над деревней и лесами шел мелкий, унылый дождь, а теперь плотная, грязная туча стала сдвигаться, как занавеска; из-под нее в упор бьет солнце; оно стоит уже низко, почти касается деревьев. Под тучей еще летят пронизанные светом клочья тумана и пара, как будто в лесу прошел паровоз. На миг они затмевают свет.

Клавдия смотрит на солнца, на разорванные клочья тумана и горько вздыхает: нестерпимо жаль прошлые радости, она смутно чувствует свою вину, но упрямо не хочет быть виноватой.

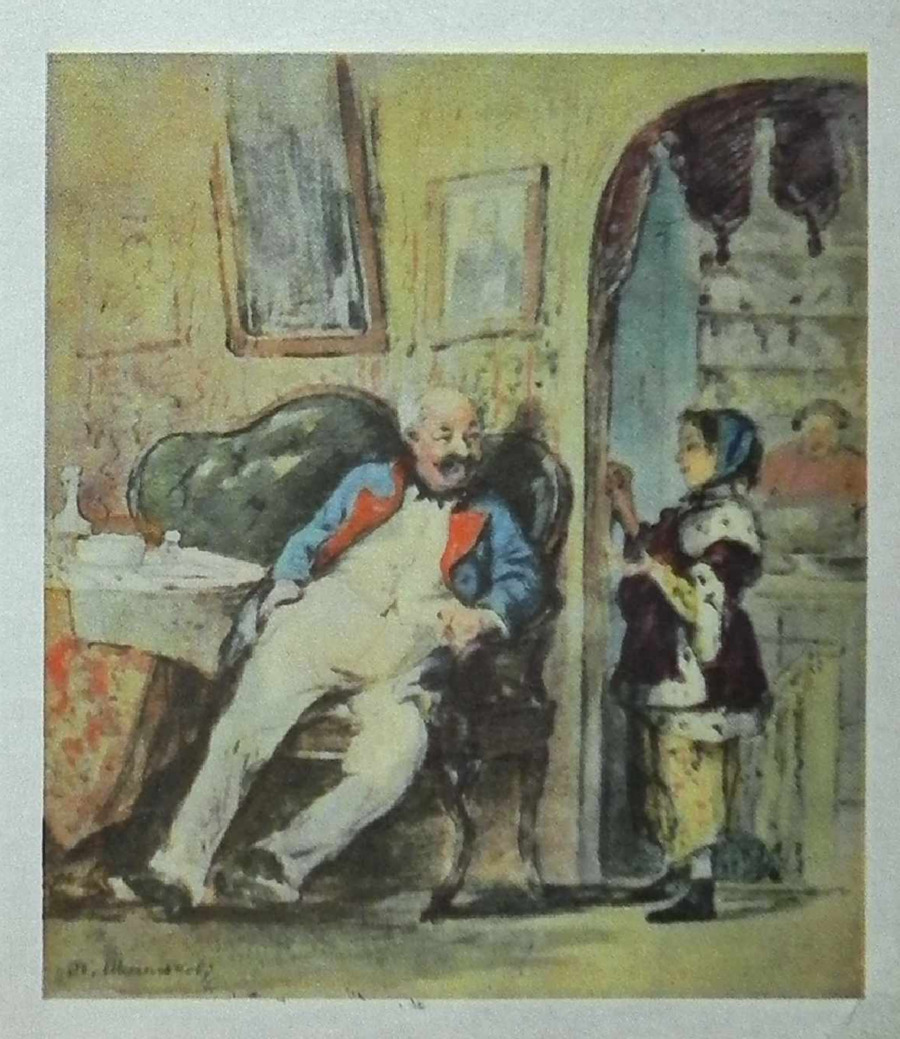
— И отчего все так выходит... нескладно? — негромко говорит себе Клавдия, вытирая глаза.

П. П. Соколов (1821—1899). В КАБИНЕТЕ ДИРЕКТОРА ТЕАТРОВ.
Из акварельного фонда Государственной Третьяковской галереи.

Картинки старого быта

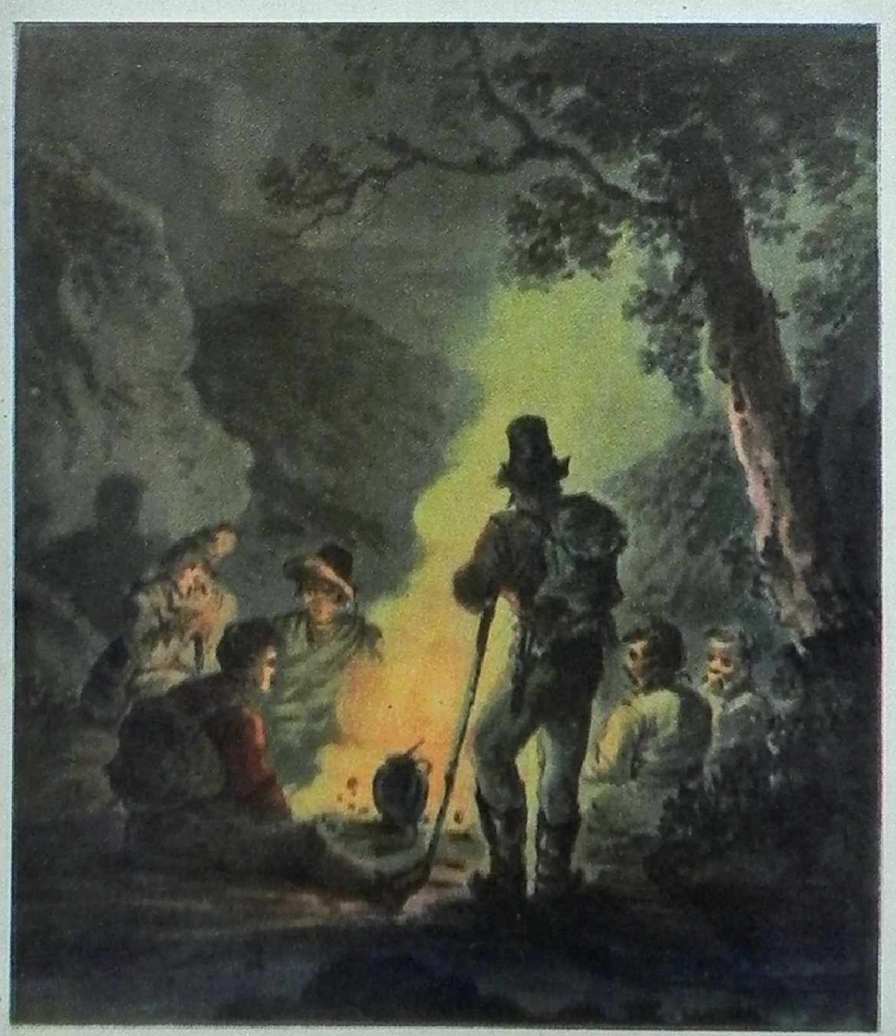
Сороковые годы прошлого столетия отмечены в истории русского искусства расцветом реалистической графики и книжной иллюстрации. Следуя завету Белинского о том, что нельзя только мастерски рисовать, надо — и это главное — «знать Россию», художники-иллюстраторы обращаются к темам и образам окружающей их действительности. Они стремятся рассказать о жизни простого народа, об униженных и оскорбленных, о пороках, разъедающих современное общество. Бродя по городским улицам и площадям, заглядывая в жилища, трактиры, на ярмарки, в театры, они подмечают и показывают ту «изнанку» жизни, которую с такой силой социальной сатиры бичует в своих произведениях Гоголь. Они «для уразумения и художественного воссоздания действительности взяли себе в руководители преимущественно Гоголя», отзывался об этой плеяде мастеров современный им критик.

Одним из представителей этого поколения художников-реалистов был П. П. Соколов. Сын выдающегося портретиста-акварелиста П. Ф. Соколова, он получил образование в стенах Академии художеств под руководством своего родного дяди К. П. Брюллова. Но подлинной школой стала для молодого художника сама жизнь. П. П. Соколов рано бросает Академию и уезжает в деревню. Здесь, перебираясь из усадьбы в усадьбу, из одного захолустного городка в другой, он накапливает впечатления, которые позволят ему в дальнейшем выполнить знаменитую серию иллюстраций к «Мертвым душам», написать целый ряд картин из народной жизни. С ранних лет П. П. Соколову была присуща тонкая наблюдательность, умение лаконично и точно охарактеризовать человека. Большую роль играет в рисунках художника обстановка, в которой показывает он своих героев. Акварель «В кабинете директора театров» — прекрасный образец бытовых зарисовок мастера, раскрывающего в простом и обычном эпизоде всю закулисную жизнь старого театра. Тупое и сытое самодовольство

П. М. Шмельков (1819—1890). НИЩАЯ.
Из акварельного фонда Государственной Третьяковской галереи.

К. А. Трутовский (1826—1893). БЛАГОДЕТЕЛЬНИЦА.
Из акварельного фонда Государственной Третьяковской галереи.

директора, угодливо-циничное выражение лица «поручителя» как бы предсказывают будущую судьбу молоденькой дебютантки, робко протягивающей начальству свою просьбу.

П. М. Шмелькова, современника П. П. Соколова, можно назвать бытописцем «темного царства», чему немало способствовала трудная жизнь талантливого рисовальщика. Шмельков родился в семье крепостного крестьянина, в глухой деревне Оренбургской губернии. Страсть к рисованию заставила мальчика бежать в Москву, где начались его странствования от одного учителя к другому, пока не удалось устроиться в Художественный класс (будущее Училище живописи, ваяния и зодчества). Только добившись своими работами общего признания, Шмельков освободился от крепостной зависимости. Но и на воле нужда продолжала его преследовать. В эти годы Шмельков создает многочисленные зарисовки городского быта. Глубоко выразительна сценка «Нищая», рисующая выброшенную на улицу девочку.

Острый обличительный характер носят произведения К. А. Трутовского. Разносторонний и одаренный художник, он очень разнообразен в своем творчестве. Большой популярностью пользовались иллюстрации Трутовского к Гоголю и Шевченко. Он иллюстрировал также произведения Пушкина, Лермонтова, Гончарова. Стасов много раз с похвалой отмечал живые и красочные сценки из украинской жизни, которые воссоздавал Трутовский в своих картинах. Под непосредственным влиянием Федотова Трутовский рисует многочисленные бытовые сцены. Тему федотовских произведений продолжает воспроизводимая нами акварель «Благодетельница».

А. О. Орловский принадлежит к более раннему поколению рисовальщиков, которые на рубеже XVIII—XIX века впервые в истории русского искусства обратились к изображению сельского и городского быта, сцен из народной жизни. Многочисленные виртуозные по мастерству рисунки Орловского представляют собой своеобразную живописную запись повседневных впечатлений и наблюдений художника. Он часто и с большим увлечением обращается к батальным картинам, живость и верность которых заслужили восторженный отзыв Пушкина. Теме польского освободительного восстания, его взволновавшей, посвящен воспроизводимый нами рисунок «Польские повстанцы в лесу ночью».

А. О. Орловский (1777—1832). ПОЛЬСКИЕ ПОВСТАНЦЫ В ЛЕСУ НОЧЬЮ.
Из акварельного фонда Государственной Третьяковской галереи.

ЖЮЛЬ ВЕРН

К 125-летию со дня рождения

Кирилл АНДРЕЕВ

Еще при жизни Жюля Верна многие его фантастические проекты стали уходить в прошлое, и действительность стала перерастать его мечты.

Профессор Московского университета Николай Егорович Жуковский создал теорию полета, и первые, еще неуклюжие воздушные корабли тяжелее воздуха уже делали первые попытки взлететь к небу. Созданный гением Александра Столетова фотоэлемент открывал дорогу новому веку — веку телемеханики и автоматики. Петербургский профессор А. С. Попов не только передавал телеграммы без проводов, но и намечал пути для радиолокации при помощи электромагнитных волн. И в захолустной Калуге К. Э. Циолковский уже проектировал первые в мире межпланетные корабли...

И тем не менее книги Жюля Верна продолжали владеть тысячами и десятками тысяч умов и сердец. Больше того, его слава все возрастала, и целый дождь писем падал на стол его кабинета.

После смерти писателя прошло почти полвека. Около столетия отделяет нас от дня опубликования его первого произведения. Над обоими полюсами проносятся огромные воздушные корабли, ввысь поднимаются сверкающие вертолеты, в темные пучины океана спускаются подводные лодки и батисферы, но уже не тысячи, а миллионы читателей все с тем же волнением раскрывают книги Жюля Верна, чтобы следовать по ледяной пустыне к полюсу за капитаном Гаттерасом, лететь вокруг земного шара на «Альбатросе» инженера Робура, бродить по подводным лесам вместе с капитаном Немо и стоять рядом с Мишелем Арданом в гигантском алюминиевом ядре, летящем в мировом пространстве.

Читателей книг Жюля Верна влекли к ним — и продолжают увлекать и в наши дни — не «Наутилус», потому что подводные лодки существовали и до него, не «Альбатрос» — ведь в ту эпоху все, кто интересовался техникой, знали и проект «аэродромической» машины Ломоносова, чертежи геликоптеров Коссю, Ланделя и Понтон Д'Амекура,— и даже не межпланетный корабль пушечного клуба. В старых книгах, которые сам Жюль Верн читал в детстве, можно было прочитать по меньшей мере о двух десятках путешествий на Луну и другие планеты. Читателей больше всего влекли к себе те, кто создал все эти чудесные машины и вдохнул в них жизнь, люди, полные веры в науку и безграничное могущество человека, подлинные положительные герои, которым можно и должно было подражать!

Своей долгой жизнью книги Жюля Верна обязаны не только его литературному таланту. Нет, это победа созданного им нового жанра, торжество новых героев, воплотивших в себе многие черты человека завтрашнего дня.

Сцена, где они действуют, не узкий домашний круг, не светский салон, но мастерская, лаборатория — воздушная, подземная, подводная, пусть даже межпланетная,— и открываемый ими заново огромный великолепный мир. Дело жизни — вдохновенный творческий труд.

В самом деле, кто такой капитан Немо? Это индиец по рождению, европеец по образованию, он был вождем народного восстания против английского владычества. И он в то же время гениальный инженер, построивший электрический подводный корабль «Наутилус». Потерпев поражение в неравной борьбе, он удалился на дно моря. Со страстью подлинного ученого он изучает таинственную жизнь океана. Но он не забыл о страданиях человечества. Собранные на дне сокровища он отдает народам, борющимся за свободу, и мстит англичанам за свою родину.

Гленарван и его спутники отправляются отыскивать пропавшего капитана Гранта только потому, что о нем ничего не хочет знать Английское адмиралтейство. Но кто такой Грант? Это мятежный шотландец, не признающий английского владычества над своей родиной. Капитан Грант отправился за море, чтобы основать шотландскую свободную колонию на островах Тихого океана.

«Таинственный остров» — одна из первых в мире книг, посвященных труду, показанному не как тяжкое бремя, но как радостное творчество свободного человека.

Утопический город будущего, населенный энтузиастами, выходцами из Европы и политическими изгнанниками всего мира, как можно прочесть между строк, снова появляется в романе «Пятьсот миллионов бегумы», написанном через несколько лет после Парижской Коммуны, вся живая история которой прошла перед глазами писателя.

«Кто же такой Робур?» — спрашивает сам Жюль Верн в конце романа «Робур победитель». И отвечает: «Робур — это будущая наука, быть может, наука завтрашнего дня». А сам Робур говорит, что «с этим кораблем я владею тою таинственной Икарией, которую со временем населят многие миллионы икарийцев...» Вспомним, что Икарией называлось тогда фантастическое государство, построенное на принципах утопического коммунизма и описанное в социальном романе Кабе. Книга эта была настольной книгой Жюля Верна.

А капитан Гаттерас, профессор Лиденброк, доктор Клаубонни, ученый географ Паганель, профессор Аронакс, Мишель Ардан! Все эти герои живы для наших читателей и по сей день.

Патриот, считающий Францию страной мирового прогресса, Жюль Верн в то же время был чужд национальной, а тем более расовой ограниченности. Ему было мало Франции и Европы, ему нужен был весь земной шар, чтобы показать могущество и труд человека любой национальности, с любым цветом кожи. Охотник-готтентот Мокум, рабыня Зерма, негр Геркулес, австралийский туземец Толине, индианка Ауда, турок Керабан, действующие лица романа «Треволнения одного Китайца» — все они стоят наравне с европейцами и американцами.

У многих писателей, предшественников и современников Жюля Верна, мы можем найти смелые мысли о будущем, фантастические технические проекты. Но лишь у него они смогли ожить, придти в движение, одухотворенные человеком. Вся работа писателя — это поиски героя, того человека будущего, борца за свободу, труженика и творца, которому XIX век мог бы вручить сокровища, накопленные цивилизацией.

И это наследие — самое драгоценное из всего творчества писателя.

Первая же книга Жюля Верна, переведенная на русский язык, встретила у читателя благожелательный прием. Не случайно рецензия на книгу «Пять недель на воздушном шаре», появившаяся в некрасовском «Современнике», принадлежала перу М. Е. Салтыкова-Щедрина.

Высоко ценил творчество Ж. Верна Лев Толстой. «Романы Жюль Верна превосходны,— говорил он.— Я их читал совсем взрослым и все-таки помню, они меня восхищали. В построении интригующей, захватывающей фабулы он удивительный мастер. А послушали бы вы, с каким восторгом отзывается о нем Тургенев! Я прямо не помню, чтобы он кем-нибудь еще так восхищался, как Жюль Верном».

Очень любил и высоко ставил Жюля Верна Д. И. Менделеев. Он называл французского писателя «научным гением» и постоянно его перечитывал. На смертном одре Менделеев просил читать ему «Приключения капитана Гаттераса». Впадая в забытье и снова приходя в себя, он говорил: «Что же вы не читаете, я слушаю...»

К. Э. Циолковский говорил, что Жюль Верн пробудил его мысль и заставил ее работать в нужном направлении. В. А. Обручев сделал замечательное признание, что чтение книг Жюля Верна оказало огромное влияние на выбор им профессии геолога и географа-путешественника.

После смерти Жюля Верна прошло полвека. И на двух противоположных полушариях нашей планеты мы видим две линии научной фантастики.

Читателя, попавшего в американское «фантастическое королевство», может сначала охватить легкое головокружение: межпланетные корабли, совершающие свои рейсы со скоростью, во много раз превосходящей скорость света; «линзы» для мгновенной передачи сообщений с одного конца нашей Галактики в другой; люди с двумя сердцами, читающие мысли на расстоянии; стеклянные города, висящие в межпланетном пространстве; машины времени всех систем; прозрачные пришельцы из четвертого и пятого измерений...

И, однако, этот мир грядущего, такой фантастический и далекий, чем глубже мы в него вживаемся, становится все более нам знакомым. В нем все изменилось, кроме самого главного — человеческого общества.

Мы увидим здесь и капиталистов, организующих тресты в масштабах всей солнечной системы, и безработных, выселяемых в пустынные области Марса, и низшие расы других планет, находящиеся в подчиненном положении, и межпланетных полицейских, сражающихся с гангстерами мирового пространства. Английский язык, точнее, уличный американский жаргон, слэнг, является господствующим в этом мире, а деньги — высшей силой и моральной ценностью. Не будем удивляться поэтому, если житель какой-нибудь отдаленной планеты при виде прибывшего туда межпланетного путешественника скажет товарищам: «Хэллоу, парни! Что за чучело выкатилось из этого древнего дилижанса?»

В картинах будущего мира, которые рисуют «пророки» Соединенных Штатов, мы видим лишь уродливо искаженное лицо сегодняшнего дня капиталистического мира.

В отличие от них советские писатели ставят в центр своих произведений о будущем — Человека, творческие помыслы которого имеют своей целью благо всех трудящихся людей.

ИХ СУДЬБА

Марина Богатырева и Тодор Попеску.

Фото Я. Поволоцкого

В глубине зала Киевского музея русского искусства группа людей разглядывает одну из картин. Они то приближаются к полотну, то делают несколько шагов назад. Картина называется «Перед отъездом в Сечь» — по теме «Тараса Бульбы» Н. В. Гоголя.

Автор картины, привлекшей внимание многих посетителей музея,— Виталий Пойда, воспитанник одного из киевских детских домов. Тут же экспонируются картины его друзей по детскому дому Николая Кузнецова и Константина Загорского.

На следующий день мы побывали у них в гостях.

Улица Короленко, дом № 71. В конце обширного двора за аккуратной деревянной изгородью стоит двухэтажный флигель. Тут живут и воспитываются 86 мальчиков и девочек — русские и украинцы, молдаване и татары, поляки и румыны. Война, гитлеровская оккупация лишили их отцов и матерей.

Среди детей — художники, музыканты, певцы и танцоры. Все они учатся в специальных средних учебных заведениях — музыкальных и художественных школах, хореографических училищах.

...Директор детского дома Ираида Дмитриевна Волкова знакомит нас с Виталием Пойда. Скромный, застенчивый юноша, он рано начал рисовать. Любовь к живописи привил ему отец.

— Бывало, придет с работы, отдохнет немного и сразу берется за карандаши и краски. И я вслед за ним.

В 1941 году в детство Виталия ворвалась война. Отец ушел на фронт. А вскоре было получено печальное известие: рядовой Пойда пал смертью храбрых...

Виталий попал в детский дом. Его определили в художественную школу. Учился он с большим рвением. Прошли годы, и вот произведения молодого художника экспонируются не только в Киевском музее русского искусства, но и в Москве, на Всесоюзной детской художественной выставке. Виталий полон творческих замыслов.

Светлана Сабаторина.

— Меня увлекает тема счастливого детства в Советской стране,— говорит он.— Я задумал написать картину «В детской консультации».

Познакомились мы и с другим юным художником — Николаем Кузнецовым. Родом из Горьковской области, он рано потерял мать. В 1937 году его старшие братья — десятилетний Виктор и двенадцатилетний Андрей — решили уехать к бабушке, в Москву. Взяли с собой и двухлетнего Колю. На станции Арзамас Виктор и Андрей вышли на вокзал и отстали от поезда. Маленький Коля оказался в вагоне среди незнакомых людей. Малыша сдали в один из детских эвакоприемников. Розыск родных был затруднен, так как мальчик не знал ни фамилии, ни адреса. С тех пор Коля воспитывается в детских домах. В одном из них ему и дали фамилию Кузнецов.

...Проходя по коридору, мы услышали звуки скрипки.

— Это готовится к уроку наша двенадцатилетняя скрипачка Светлана Сабаторина,— говорит Ираида Дмитриевна.

У пюпитра стоит маленькая девочка с косичками. Светлана учится в четвертом классе музыкальной школы имени Лысенко. Педагоги высоко отзываются об ее успехах.

Интересна судьба этой одаренной девочки.

Дело было осенью 1941 года. Под Харьковом проходил передний край фронта. Как-то на рассвете один из бойцов, по фамилии Сабаторин, отправившись в разведку, неожиданно услышал плач ребенка. Вскоре Сабаторин заметил между деревьями какой-то узел. В одеяло и большой теплый платок была завернута девочка. Как она сюда попала, кто ее здесь положил, осталось загадкой. Под утро, когда уже стало совсем светло, боец доставил ребенка в свое подразделение. По совету комиссара Сабаторин назвал девочку Светланой и дал ей свою фамилию. Командование части определило ее в детский дом...

Светлана Сабаторина рассказывает нам историю своей маленькой жизни и говорит, что до сих пор не оставила надежды разыскать человека, спасшего ее, фамилию которого она носит.

В комнату вошел черноглазый красивый юноша.

— Знакомьтесь! — представила юношу Волкова.— Тодор Попеску, наш танцор.

Мы услышали печальную повесть о его прошлой жизни. Он румын. Семья Попеску состояла из десяти человек. В поисках куска хлеба глава семьи скитался по белу свету. Наконец он попал на лесоразработки в Карпаты. Непосильный, каторжный труд, голодное существование подорвали силы старика. За неделю до его смерти скончалась мать Тодора. Восемь детей остались сиротами, без всяких средств к существованию.

— Разбрелись мы кто куда,— рассказывает Тодор.— В шесть лет я уже пошел батрачить к местному кулаку. Работал за молоко, чтобы не умер с голоду годовалый братишка Сильвестр, который остался у меня на руках. Но вот пришли в Закарпатье солдаты с красными звездочками. Советская власть спасла нас...

Тодор с младшим братом, Сильвестром, попал в Черновицкий детский дом. Здесь обратили внимание на то, что ребята хорошо танцуют. Ими заинтересовался балетмейстер областного дома творчества Роман Григорьевич Халецкий и взялся обучать обоих мальчиков хореографическому искусству. Вскоре он усыновил младшего, Сильвестра, а старший, Тодор, был направлен в Киевский дом одаренных детей. Здесь ему помогли поступить в хореографическое училище.

Он уже выступает — пока еще в порядке практики — в Оперном театре имени Т. Г. Шевченко. С блеском исполняет Попеску национальные танцы народов СССР.

Во флигеле на улице Короленко можно встретить и бывших воспитанников Дома одаренных детей. Марина Богатырева успешно закончила хореографическое училище и с прошлого года выступает на сцене оперного театра. На третьем курсе Киевской консерватории — Тамара Тугушева. В художественном институте на втором курсе учится Рем Богоутдинов...

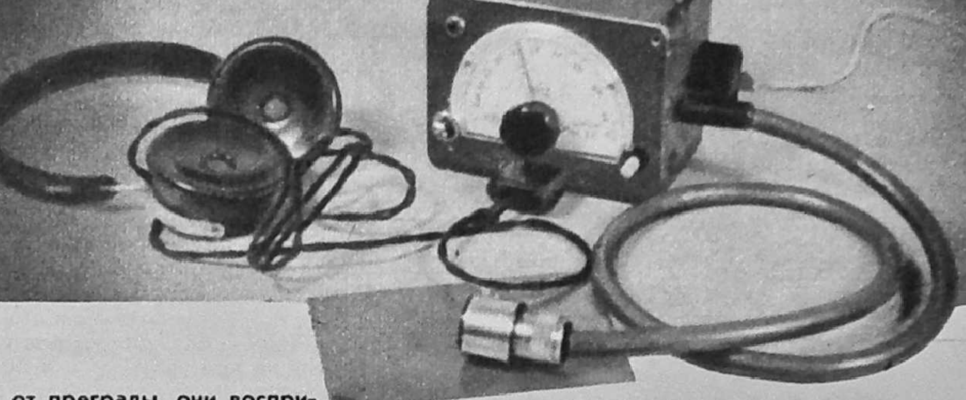
Уже давно они ушли из детского дома, стали взрослыми людьми, приобрели новых друзей и товарищей. Но их попрежнему все еще тянет сюда, в этот дом, где живут и воспитываются талантливые советские дети, перед которыми открыта широкая и прямая дорога в будущее.

В. МИХАЙЛОВ, П. ПОРТНОВ

Пришли подарки из Китая.

СИЛА НЕСЛЫШИМЫХ ЗВУКОВ

Прибор, определяющий толщину стенок труб.

И. ДОНСКАЯ, С. ИКОННИКОВА

Лучи, собранные сильными оптическими стеклами, пронизывают каплю воды. Внимательный глаз напрасно ищет в ней признаков жизни. Все мертво, неподвижно лежат останки мельчайших существ. А еще мгновение назад эти существа плавали, копошились, охотились; для них капля, лежащая под микроскопом, безбрежна.

Какая сила раздавила, разметала эти еще недавно юркие существа? Чей меткий и смертельный удар поразил их?

Звук. В лаборатории тихо, даже собственное дыхание кажется слишком громким. И все-таки это был звук.

Ключом кипит вода в прозрачном стакане, вставленном в металлический цилиндр. Густой пар окутывает его. Нам предлагают на ощупь определить температуру клокочущей воды. Осторожно касаемся стакана — он не обжигает. Тогда смело опускаем палец в кипяток. Фонтанчик оказывается чуть теплым.

Что же принуждает бурлить и кипеть воду, что бросает вверх брызги, похожие на пар?

Звук, хотя ухо не слышит ничего, что удивило бы своей необычностью. Трудно допустить, что приглушенный разговор да перезвон химической посуды вызвали «кипение» холодной воды.

В стакан с водой вливают ртуть, которая мигом падает на дно. Встряхнув стакан, мы можем раздробить серебристый металл. Однако при первой возможности он снова сольется воедино.

Стакан вставляют в цилиндр. Поворот выключателя — и заплясала вода. Буквально на наших глазах толстая капля ртути словно растаяла, а вода окрасилась в серебристо-мутный цвет.

Что произошло? Что превратило ртуть в пылинки, навсегда лишенные способности соединиться?

Все тот же звук, только неслышимый, и самое любопытное, что, по существу, он мало чем отличается от слышимого. Тем не менее прошло две с половиной тысячи лет после первой попытки объяснить звук, прежде чем ученые обнаружили его собратьев — неслышимые звуки.

Не впервые природа вводит в заблуждение человека, пользуясь несовершенством его органов чувств. Солнце в золотом потоке умудряется спрятать не видимые нами ультрафиолетовые лучи, и не глаз, а кожа отзывается на них, покрываясь загаром. А звуки, воспринимаемые нашим ухом,— лишь небольшая часть звуковых волн, которые носятся в воздухе.

Человек слышит только те звуковые волны, которые ударяют в барабанную перепонку не менее тридцати раз и не более двадцати тысяч раз в секунду. Все то, что лежит выше или ниже этой зоны, недоступно нашему слуху. Барабанная перепонка не успевает откликнуться на лавину колебаний, если их более двадцати тысяч в секунду. Человека окутывает полная тишина там, где более чуткий слух, например, собаки, отметит целый поток шумов.

Некоторые животные улавливают звуки с частотой до ста тысяч ударов в секунду. Широко раскрыв рот и насторожив огромные уши, летучая мышь в темноте совершает свой полет, ловко обходя любое препятствие, будь то даже ветка или тоненький провод, как будто они издали предупреждают о себе. Ученые установили, что ее уши — прибор, который направляет полет. Достаточно заткнуть их, чтобы мышь стала беспомощной и натыкалась на любой выставленный на пути предмет. Чувствительные микрофоны зарегистрировали неслышимые звуки, испускаемые летучей мышью. Отражаясь от преграды, они воспринимаются ее ушами. Таким образом, летучая мышь сочетает в себе естественный передатчик и приемник неслышимых звуков.

Что в технике может служить источником звуков со столь огромным числом колебаний? Тоненькая кварцевая пластинка. Она обладает неоценимым свойством под действием переменного электрического тока менять свои размеры. В строгом соответствии с ее величиной подбирается частота тока, и кварцевая пластинка начинает «дышать» — колебаться многие сотни тысяч раз в секунду. Каким бы легким ни было это дыхание, оно увлекает за собой частицы окружающей среды и порождает ультразвуковую волну.

Во время опытов стакан ставили на такую пластинку, и ее колебания, свободно проникая сквозь стеклянное дно, вызывали бурление воды.

...Окна лаборатории закрывают плотными шторами. Гасят свет. Мерцает только зеленый глазок, сигнализируя о том, что генератор включен. В стакане, растаявшем в темноте, внезапно замелькали голубоватые искорки. Их становится все больше, и вот вода словно запылала волшебными огоньками.

Раздробленные мельчайшие живые существа, холодное кипение, разбитая в пыль ртуть, свечение воды — все это не вяжется с привычным понятием о звуке.

Советские ученые сумели разоблачить его тайну, и хотя скрытые, сложные явления нельзя считать еще досконально изученными, многое в этой картине ясно.

Совершим небольшое фантастическое путешествие. Представим себе, что мы стали меньше в тысячи тысяч раз и погрузились внутрь стакана.

— Держитесь крепче! — во-время прозвучало предостережение.

Едва попав в воду, мы чуть не были сбиты с ног ее несущимися частицами. Вверх, вниз, вперед, назад — вихрем сыплются удары со всех сторон. С трудом сохраняем равновесие. А ультразвуковой ураган все яростнее катит свои волны. Он то сбивает податливые частицы в плотный комок, то стремится оторвать их друг от друга.

Силы сцепления воды побеждены, она расступается, рвется. Растворенный в ней воздух и пары заполняют пустоты. Мрачная пучина неожиданно озаряется ярким светом. В воде зажглись ослепительные шары; это электрические заряды, повиснув на оболочках газовых пузырьков, пронизывают их молниями.

Фонари вспыхивают лишь на мгновение. Некоторых уже настигает новый шквал ультразвуковой волны, сжимает все крепче и, наконец, раздавливает. Воздух и пары вылетают из расплюснутой оболочки, раскидывая молекулы воды, как при взрыве...

Щелкнул выключатель. Зажегся свет. Вода в стакане прозрачна и спокойна, как будто там никогда не бушевала буря.

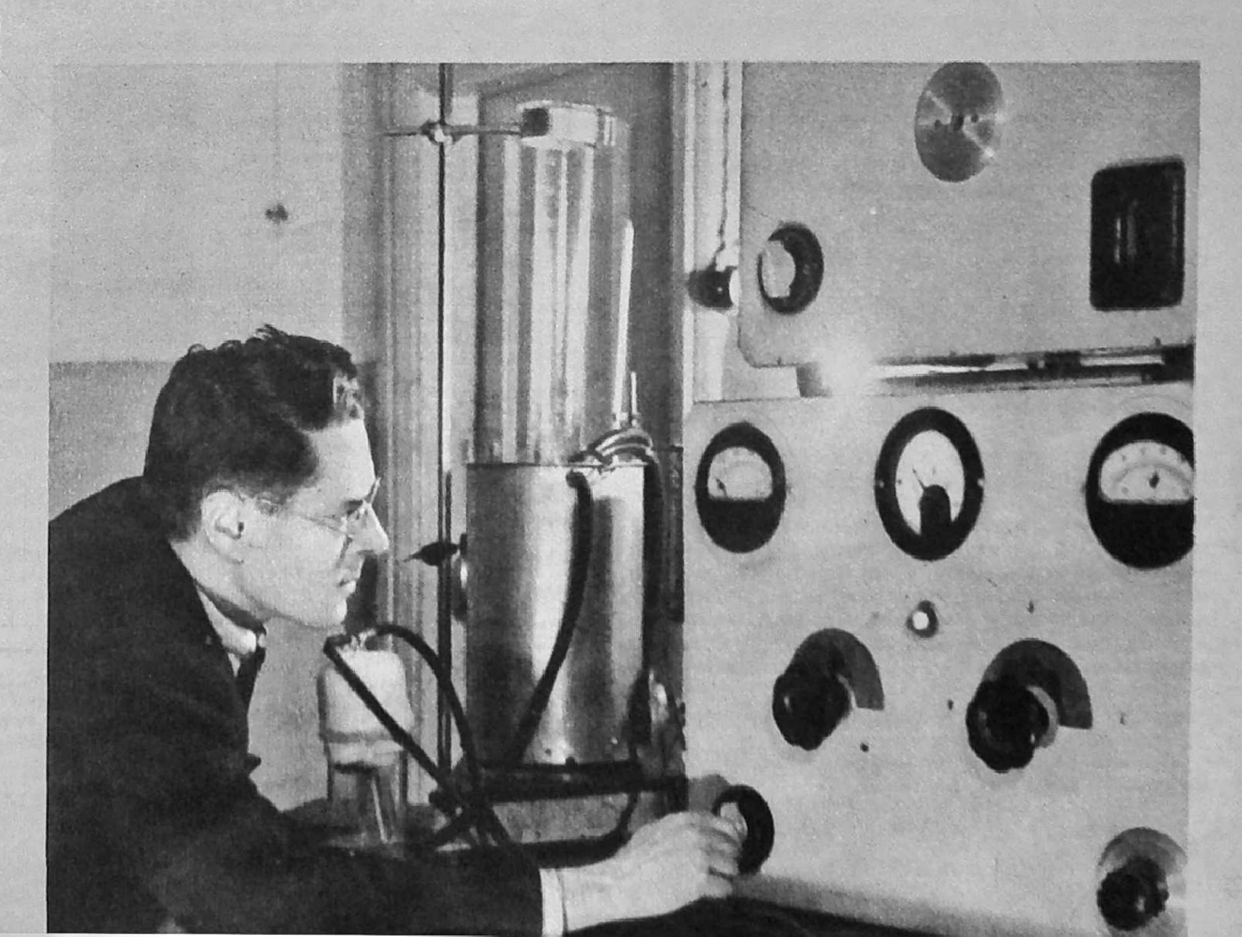
Но не всякие ультразвуковые волны могут ее вызвать. Лишь достаточно мощные колебания в силах разорвать текучую воду и образовать мельчайшие пузырьки, по размеру несравненно меньшие, чем булавочная головка.

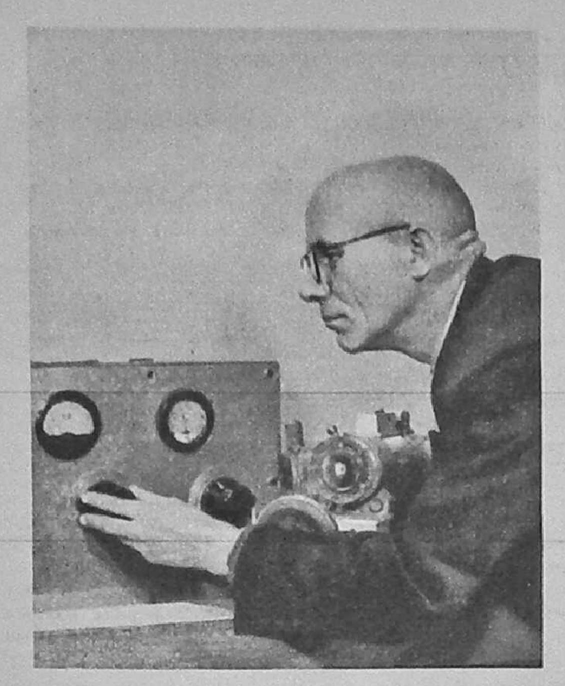
Способность ультразвука дробить и мельчить, разрушать и сталкивать частицы привлекла к нему внимание ученых.

Как известно, химические процессы протекают значительно быстрее и полнее, если вещества размельчены. Первые опыты показали, что неслышимый звук не только подхлестывает реакции, но и может направлять их течение в желаемую сторону. Специфичность его действия вызовет к жизни новую область химии — звукохимию.

Коллектив лаборатории, руководимый кандидатом технических наук Н. Н. Долгополовым, стал посредством ультразвука решать актуальные практические задачи. Так, напри-

Кандидат технических наук Н. Н. Долгополов включает ультразвуковой генератор.

Инженер В. С. Соколов проводит испытание ультразвукового дефектоскопа. На экране возникло изображение изъяна в детали.

мер, звук убыстряет процесс проникновения жидкости в твердое тело.

В природных условиях прорастание семян некоторых растений занимает больше года, прежде чем тоненькие корешки уйдут в землю.

А если размягчить твердую кожуру, не ускорит ли это прорастание семечка? Все такие попытки не давали ощутимого эффекта: сроки не сокращались, и чаще всего семечко гибло.

Требовалось найти средство, которое, размягчая оболочку, не повреждало бы сердцевины.

За стеклами шкафа в горшочках зеленеют ростки. На этой «плантации» они появились во много раз быстрее, чем обычно. Для этого достаточно было перед посадкой на несколько секунд опустить семена в воду и пропустить ультразвук. Словно тончайшей иглой, он вскрыл их поры. Быстро пробудилась скрытая в семенах жизнь, появились всходы.

Другая проблема, успешно решенная в лаборатории,— мойка овечьей шерсти.

Сваленная, грязная, жирная шуба овцы ничем не напоминает блестящую прочную нить, которая беспрерывным потоком сбегает с веретен к челноку ткацкого станка. Отмывка шерсти от грязи и жира — одна из важных операций в этом превращении. Плохо промыта шерсть — и приемщик сразу клеймит ее вторым или третьим сортом. Процедура мытья сложна, канительна.

В огромные чаны с горячим щелочным раствором загружают шерсть. Ее беспрерывно перебирают, ворошат специальными граблями. Часть тонких волокон неизбежно пропадает, разорванная их зубьями. А раствор, в свою очередь, снижает прядильные свойства пряжи.

Ультразвук за несколько минут без сильных щелочей и горячей воды прекрасно отмывает шерсть, придает ей белизну и шелковистость, а также полностью обеззараживает ее. Отпадает необходимость применять сильнодействующие дезинфицирующие средства, которые зачастую разрушают шерсть, делают ее непригодной для изготовления высококачественной материи.

Уже идут последние испытания, уточняется технология, и скоро ультразвук будет передан в текстильное производство. Так наука помогает промышленности претворить в жизнь директиву XIX съезда партии, требующую «обеспечить дальнейшую значительную экономию материальных ресурсов путем ликвидации излишеств в расходовании материалов и оборудования, усиления борьбы с браком, внедрение экономичных видов материалов, широкого применения полноценных заменителей и прогрессивной технологии производства».

Учеными не забыта способность ультразвука разрушать оболочки бактерий.

Проверка на самых упорных, стойких бактериях, на самых мелких и неуловимых вирусах показала, что даже броня туберкулезной палочки не выдерживает губительного напора неслышимого звука. За доли секунды он беспощадно расправляется с ней, и под микроскопом проплывут обрывки ее оболочки. Это тем более замечательно, что ультразвук действует поразительно точно: ни одной бактерии не удается проскочить живой через заслон его волн.

Быть может, стерильность достигается только при незначительном объеме жидкости? Нет, меткость разящих ударов ультразвуковой волны не притупляется и в большой струе воды. Нужен лишь достаточно мощный вибратор, и самая плохая вода станет пригодной для употребления.

Способность ультразвука расщеплять вещество почти до размеров молекулы позволила изготовить новые медикаменты, которые обладают высокой активностью. К ним относятся «мягкие» сульфидиновые и стрептоцидовые эмульсии, способствующие быстрейшему заживлению ран.

Но этим не ограничивается область, куда проникает ультразвук. Газовые пузырьки, расположенные в твердых телах, как бы служат вехами, по которым можно заглянуть в глубину металла.

Дело в том, что, проникая без труда в любое жидкое или твердое тело, ультразвук вязнет и гибнет в воздушной среде. Воздух, попавший во время плавки внутрь металла, образует в нем микроскопические пустоты, раковины, трещинки, которые невозможно засечь никакими приборами. Эти невидимые изъяны грозят металлическим деталям и сооружениям очень неприятными последствиями.

Тут на помощь пришла ультразвуковая дефектоскопия — детище советской науки.

Очень чувствительный прибор — ультразвуковой дефектоскоп,— сконструированный лауреатом Сталинской премии доктором технических наук С. Я. Соколовым, посылая вглубь металла волну неслышимого звука, внимательно следит за ней. Зеленая змейка на темном экранчике спокойно чертит ровную линию. Внезапно она делает резкий скачок. Это значит, что на пути выросло препятствие — пустота, раковинка или воздушный слой.

Однако далеко не каждое твердое тело так просто раскрывает человеку тайну своих недр. Названный нами дефектоскоп, использующий неслышимое эхо ультразвуковой волны, пригоден лишь для деталей с совершенно гладкой поверхностью. Любая, даже незначительная шероховатость препятствует ей проникнуть внутрь.

Лаборатория, которой руководит инженер В. С. Соколов, занялась созданием универсального дефектоскопа, который позволит увидеть глубины металла с необработанной поверхностью.

Но не только неровная поверхность мешает ультразвуку. У пластмассы или резины гладкая поверхность. Что же препятствует ему проникнуть внутрь? Очень крупные молекулы, те кирпичики, из которых выстроены пластмассы и резина, преграждают путь звуковой волне. Ее шаг, достаточный для металлов, слишком мал для этих материалов. Надо было найти такую ультразвуковую волну, которая сумела бы преодолеть это затруднение, но споткнулась бы о самый маленький пузырек.

Поиски увенчались успехом. Волна была найдена. Свободно проникая в пластмассу, резину, ткань, вплавленную в них, она гибла в малейшей воздушной преграде. Металлические щупы дефектоскопа можно было теперь заменить резиновыми. Плотно приникая к любой поверхности и принимая ее форму, они провели ультразвук через шероховатости и зазубрины грубой оболочки.

Прибор, сконструированный недавно молодыми учеными, внешне похожий на полевой телефон с длинными проводами и двумя мягкими резиновыми щупами, сразу отправили на великие стройки коммунизма. Он определяет годность металлических конструкций, контролирует целость и толщину стен водонапорных труб.

Этот универсальный «вездегляд», как ласково называют его изобретатели, может точно указать, есть ли трещина в автомобильной шине, насколько однородна структура пластмассы.

Очень важно знать, есть ли в деталях внутренний дефект, но не менее важно видеть его контуры. Создан прибор и для этого. На серебристом экране вдруг возникает четкое, темное изображение. Это увеличенная в несколько раз воздушная раковина.

Поразительная зоркость, огромная сила и другие не менее ценные качества ультразвука сделают его необходимым инструментом во многих отраслях науки и техники завтрашнего дня. Об этом свидетельствуют непрекращающиеся опыты советских ученых, которые говорят о том, что скоро будут изучены новые, не менее удивительные его свойства.

Республиканский Дом моделей

Просторный зал, обрамленный зеркалами; стены и потолок украшены художественной лепкой по украинским народным мотивам; хрустальные люстры с позолотой излучают свет. В несколько рядов стоят стулья, обшитые алым плюшем, с инкрустациями и резьбой по дереву. Таков республиканский Дом моделей, открытый в Киеве в канун Нового года.

...В демонстрационном зале молодая художница — модельер Наталья Николаевна Калашникова — показывает группе женщин одну из моделей платья нового сезона.

Рядом такой же обширный зал отведен под постоянно действующую выставку, где представлены образцы лучших моделей мужского, дамского и детского платья.

Посетитель может выбрать здесь модель любого костюма, сделать зарисовку или получить готовую выкройку. Художники — выпускники Московского текстильного института — проводят консультации и беседы.

Свыше 150 предприятий обслуживает республиканский Дом моделей. Его коллектив ежегодно разрабатывает 600—700 моделей, организует конкурсы на все виды швейных изделий, выпускает альбомы и журналы мод.

Киевский Дом моделей. В зале постоянно действующей выставки.

Фото Н. Козловского

Ив. БАТОВ

Геннадий Брунов.

Фото Б. Шумакова

Сибирский стрелок

Подведены итоги Всесоюзных заочных стрелковых соревнований по стрельбе из малокалиберных винтовок.

Первое место занял главный агроном Болотнинской машинно-тракторной станции Новосибирской области Геннадий Брунов. Сибирский стрелок выбил сто очков из ста возможных.

Когда Геннадия Брунова спрашивают, долго ли он готовился к соревнованиям, стрелок, улыбаясь, отвечает:

— С десятилетнего возраста. Я же сибиряк...

Уроженец далекого Охотска, десятилетний мальчик ходил на охоту в тайгу. У товарища было ружье. Стреляли по очереди. В школе ребята организовали стрелковый кружок. Юношей Геннадий Брунов промышлял в Охотском море тюленей.

Когда Брунов учился в Новосибирском сельскохозяйственном институте, он продолжал заниматься любимым спортом.

Много дел у главного агронома машинно-тракторной станции. К тому же Брунов — секретарь комсомольской организации. Но все успевает делать этот внешне неторопливый человек. Он организовал и работу кружка ДОСААФ. В кружке занимаются трактористы и механики, слесари и токари станции.

Отличными стрелками стали заместитель директора машинно-тракторной станции по политчасти Станислав Тишков, механик Николай Фомин, слесари Владимир Попов, Николай Ломакин.

— Охота, стрелковый спорт у сибиряков — вторая профессия,— говорит рекордсмен страны Геннадий Брунов.— Эта профессия всегда пригодится.

В. ПУХНАЧЕВ

Из истории русского спорта

Со счетом 20:0...

В январе 1907 года Петербургское общество любителей бега на коньках направило за границу команду хоккеистов, чтобы померяться силами с лучшими мастерами Германии, Норвегии и Швеции.

В Берлине русские хоккеисты провели две встречи. Первая из них состоялась на катке Ботанического сада и надолго осталась в памяти берлинцев. Против петербургских хоккеистов выступал клуб «Прейссен». Русские игроки в сине-белых рубашках вихрем носились по полю, искусно обводили немецких защитников (которые, по словам рецензентов, «не знали, куда бросаться») и завершали свои атаки точными ударами.

Немецкий судья зафиксировал победу русских со счетом 20 : 0.

После короткого перерыва на поле выстроилась вторая берлинская команда — игроки столичного «Хоккей-клуба». По оживлению на катке, вызванному их появлением, нетрудно было догадаться, что русским уготована хорошая «закуска». И действительно, команда «Хоккей-клуба» играла значительно лучше спортсменов «Прейссена», но все же и она потерпела поражение с сухим счетом.

Петербуржцы играли спокойно, уверенно и к концу первой половины забили в ворота противника шесть мячей. Так как русские хоккеисты торопились к поезду, обычное время отдыха между первой и второй половиной состязания было опущено. Быстро поменялись площадками, и снова началось наступление стремительных петербуржцев, забивших еще семь мячей.

Через два часа русские хоккеисты уже находились в поезде, который вез их на север — в Норвегию.

Выступление представителей России в Осло вызвало большой интерес спортивной общественности норвежской столицы. Против гостей выступили сильнейшие команды Осло — «Скойтеклуб» и Офицерский хоккей-клуб. Обе встречи закончились победой петербуржцев с убедительным счетом 12 : 0 и 10 : 2.

Свое победное турне по Скандинавии русские завершили в Стокгольме. Следует отметить, что правила шведского хоккея отличались от принятых в России.

Первую встречу — со шведским Офицерским клубом — петербуржцы выиграли сравнительно легко (счет 7 : 3). Русские превосходили шведов в беге и в умении вести мяч.

Напряженно проходил поединок с чемпионом Швеции — Упсальской командой. Сильнейшему клубу Стокгольма удалось добиться ничейного результата.

Последнее состязание со шведами изрядно уставшие гости провели осторожно и добились победы со счетом 4 : 2.

Отдавая должное мастерству русских хоккеистов, шведские спортсмены преподнесли петербуржцам памятный приз — серебряную хоккейную клюшку натуральной величины.

И. БОРИСОВ

КРУГ ТОЧНОСТИ

Под крылом самолета на зеленом поле аэродрома четко выделялись контуры небольшого круга, обведенные известью. Внутри его, как «яблоко» мишени, виднелся еще один такой же ослепительно белый кружок. Парашютисту, выбравшемуся на плоскость самолета, это «яблоко» радиусом в два с половиной метра казалось не больше ученической чернильницы-непроливайки.

Сталинградец Климов был одним из последних в списке участников Всесоюзных парашютных соревнований на точность приземления с высоты 600 метров. Тридцать четыре лучших спортсмена-парашютиста страны поднимались до него на самолете в воздух, чтобы побить рекорд киевлянина Николая Ткаченко. Пока что это не удалось никому. Теперь наступила очередь Климова.

«Поликарпов-2» набрал высоту и развернулся курсом на цель. Николай Климов, перешагнув из кабины на плоскость, напрягся в ожидании.

— Пора!— И парашютист прыгнул.

Тому, кто наблюдал за приземлением Климова с аэродрома, могло показаться, что шелковый купол парашюта сам с необыкновенной точностью несет его в середину белого круга. Но это было не так. Человек управлял движением парашюта в воздухе.

Климов снижался две с половиной минуты. В эти минуты в полной мере и проявилось мастерство сталинградца. В день соревнований над летным полем дул ветер, достигавший скорости 5 метров в секунду. Едва раскрылся шелковый купол, Климов почувствовал, что его относит влево от центра круга. Спортсмен начал энергично работать правой группой лямок. Правая кромка опустилась, и воздушный поток, вырывающийся из-под купола, стал отталкивать парашют в сторону. Когда парашют стал перемещаться в нужном направлении, ветер развернул парашютиста вправо. Пришлось потянуть левые лямки. На высоте 200 метров от земли возникло новое осложнение. Воздушный поток ускорил горизонтальное перемещение настолько, что это грозило вынести парашютиста из круга. Подтянув лямки, Климов замедлил скорость горизонтального движения.

Через 150 секунд после начала прыжка Климов стоял на поле аэродрома. От точки приземления до центра круга было 4 метра 80 сантиметров. Такой «снайперской» точности приземления не знал никто из парашютистов. Но, по условиям соревнований, окончательный результат определялся двумя прыжками. Климов опять поднялся в воздух. На этот раз он опустился на расстоянии 9 метров 42 сантиметров от центра. Средний результат прыжков — 7 метров 11 сантиметров — новый рекорд страны.

Недавно авиационная спортивная комиссия Центрального аэроклуба СССР имени В. П. Чкалова утвердила всесоюзный рекорд, установленный чемпионом страны сталинградцем Н. Климовым.

Сообщение комиссии пришло к летчику-инструктору парашютного спорта сталинградского аэроклуба, когда он отмечал одно из знаменательных событий своей спортивной биографии: пятнадцатилетие первого прыжка с парашютом. Ныне на его счету 270 прыжков. Климов завоевал репутацию опытнейшего спортсмена-парашютиста страны. Он в совершенстве овладел техникой высотных, затяжных, ночных прыжков. Но самым любимым занятием Н. Климова являются прыжки на точность приземления, требующие подлинного искусства в управлении парашютом во время спуска, умения с предельным мастерством рассчитать момент прыжка с самолета, использовать силу и направление ветра.

Чемпион СССР по прыжкам на точность приземления Николай Климов.

А. ПОДХОМУТНИКОВ

В ДОБРЫЙ ПУТЬ, *Михаил Михайлович!*

С Михаилом Михайловичем Ансеровым мы встретились на лыжной станции ЦДСА в Сокольниках. Он говорил молоденькой девушке:

— Ну, сейчас повесим, Валюша, на номерок все наши заботы и подадимся по лосевой тропе к самым Мытищам! Снежку подсыпало, походим на славу!

И, сдав свое пальто, Михаил Михайлович в самом деле еще больше повеселел и заспешил к выходу. С каким-то особенным азартом возился он с лыжами и все нетерпеливо поглядывал на дверь, видимо, дожидаясь своей спутницы. Казалось, что этот человек должен привлекать к себе всеобщее внимание: уж очень необычным он казался. Но, странное дело, никто из тех, кто слышал слова старика, видимо, не удивлялся тому, что он собирается совершить тридцатикилометровую прогулку. А каких-то два паренька просто подошли к Михаилу Михайловичу и спросили:

— А нам можно с вами, дедушка?

— Валяйте, если удержитесь! — ответил Михаил Михайлович и, разобрав палки, легко и ловко заскользил по накатанной лыжне.

Михаила Михайловича Ансерова хорошо знают и известные гонщики-спортсмены и любители лыжных прогулок в Сокольническом парке. Вот уже больше сорока лет этот человек не расстается с лыжами. Уроженец маленького приокского городка Спасска, он еще мальчиком сделал себе лыжи из боковушек и скоро лихо спускался с самых крутых гор. С 1911 года, переехав в Москву, Ансеров стал выступать на лыжных соревнованиях, не раз добивался победы, и до сих пор хранит он свои призовые девятифутовые огромные лыжи, на которых когда-то бегал восемьдесят верст вокруг Москвы.

Давно это было. Ходили в то время лыжники только по равнине, пользовались высоченными палками, и теперь, когда рассказывает об этом Михаил Михайлович, молодые гонщики пожимают плечами. Совершенно изменилась техника лыжного бега, но не отстал от нее старый спортсмен. Быстро скользит он на своих коротких, гибких лыжах. Давно отстали два паренька, просившиеся к нему в компанию, и только Валя Хрунова — новая ученица Михаила Михайловича — держится за ним вплотную.

Немало подготовил Михаил Михайлович хороших гонщиков; правило у него одно: довести ученика до второго разряда, а там пусть занимается с ним более опытный тренер.

Ансеров до сих пор принимает участие во всех динамовских соревнованиях. И перед каждым соревнованием врачи берут с него слово, что в азарт он входить не будет. У него своя точка зрения на спортивный азарт.

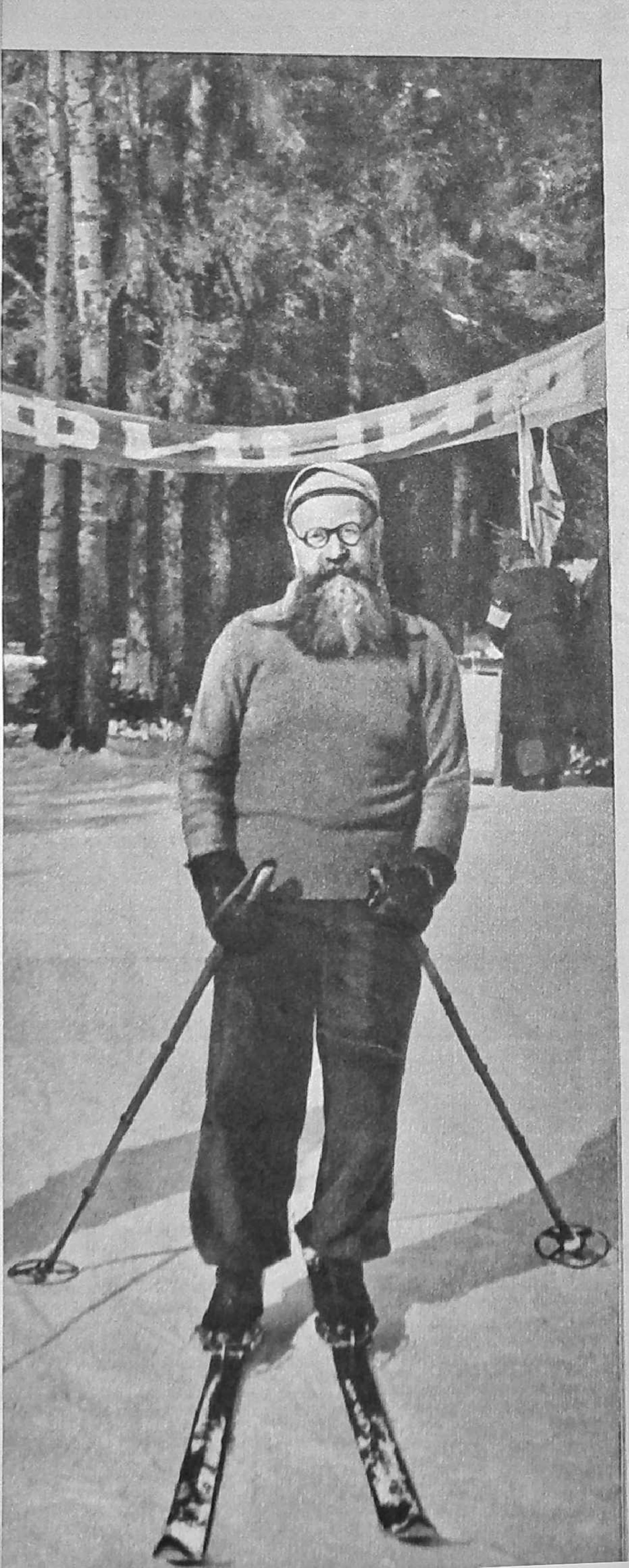
— Посмотришь на какого-нибудь лыжного мастера,— говорит он,— на старте — прямо лев, а встретишь его на дистанции — мокренький ягненок. А почему? Азарт его вымотал, нервы свои истощил. Я такого хода не признаю. Если можешь, иди сильно, но знай свои возможности, темпа не сдавай и на финише тоже будь львом.

В прошлом сезоне Михаил Михайлович участвовал в четырех гонках. В эту зиму он испытал свои силы в беге на пять километров и прошел дистанцию в хорошее время — за 26 минут.

— Я еще похожу,— говорит он,— хотя скоро отмечу свое шестидесятидвухлетие. Сил еще много.

Михаил Михайлович неутомимо и легко скользит по снегу. Молодые гонщики, встречая седобородого, краснощекого старика, приветствуют его взмахами своих палок и кричат: «В добрый путь, Михаил Михайлович!»

В. ЯКОВЛЕВ

Михаил Михайлович Ансеров — старейший лыжник Москвы.

Фото П. Язева

Аркадий Кудрявцев — самый молодой конькобежец Москвы — учится бить по воротам.

Фото А. Бочинина

Самый молодой конькобежец Москвы

Аркаше Кудрявцеву не было еще и трех лет, когда он получил в подарок от отца коньки и, возбуждая всеобщее внимание, выкатился на лед катка.

Всего час потребовался мальчику, чтобы почувствовать себя конькобежцем. Теперь перед вами скороход. Сейчас Аркаше четыре с половиной года, он хорошо бегает на коньках. Его маленькая складная фигурка мелькает на ледяном круге, и он чувствует себя здесь, как дома.

Нынешней зимой Аркаша Кудрявцев стал еще и хоккеистом. Один из игроков команды ЦДСА подарил ему клюшку и сказал:

— На вот тебе, Аркаша, знаменитое хоккейное оружие. Знаешь, сколько шайб было им забито? Не перечесть!

И вот теперь Аркаша Кудрявцев учится бить по воротам так же метко, как прежний хозяин этой знаменитой клюшки.

Недавно на одном из больших зимних праздников в московском Парке культуры и отдыха имени Горького на огромный каток, освещенный лучами прожекторов, выехал крошечный конькобежец. Под аплодисменты и зрителей и участников праздника малыш лихо промчался по кругу. Это был самый молодой конькобежец столицы — Аркадий Кудрявцев.

В каучуково-оловянном Сингапуре

Современная колониальная романтика.

Рисунок Е. Ведерникова

Секвойя

Величайшее в мире хвойное дерево называется секвойей. Оно достигает 140 метров в высоту, живет пять и более тысяч лет, диаметр ствола дерева достигает 15 метров.

Автор известного учебника физики А. В. Цингер был знатоком растений. В своей книге «Занимательная ботаника» (издательство «Советская наука», 1951 год) он рассказывает, что ученый, впервые описавший это дерево, назвал его «веллингтониа гигантэа» — в честь английского полководца Веллингтона. Американцы, считая дерево «своим» (оно растет в Калифорнии), запротестовали и назвали его по имени своего героя — Вашингтона. Однако потом выяснилось, что описанное ученым дерево представляет собой новый вид, но не новый род. Поэтому видовое название «гигантэа» оставили, а родовое дали то, которое имело ранее известное дерево — секвойя.

Слово «секвойя» есть просто название этого дерева на языке индейцев, но такое же имя носил также один из индейских вождей племени ирокезов, пишет А. В. Цингер. Следовательно, вместо англичанина или американца увековечилось имя индейского народного героя, боровшегося против вторжения в Америку европейцев. Вождь Секвойя был высоко культурным человеком, изобретателем индейской письменности.

Древесина секвойи очень ценится: она легкая и достаточно прочная, почти не поддается гниению, имеет красивый рисунок. Поэтому несколько лет тому назад советские ученые стали разводить секвойю, притом не только на южном берегу Крыма, где она растет давно, но и в других местностях — севернее. Вскоре же они встретились с большими трудностями: оказалось, что секвойя дает только 20—30 процентов полноценных семян, а их требуется очень много. Применив искусственное опыление, ученые добились, что полноценных семян стало 50—60 процентов.

Советские ученые разработали вегетативный способ размножения секвойи — черенками. В 1951 году на опытных участках Всесоюзного научно - исследовательского института лесного хозяйства было высажено более 5 тысяч черенков. Весной прошлого года многие тысячи черенков секвойи были посажены вблизи Ялты и Сочи.

Успешно проходят опыты по продвижению секвойи в северные районы, где деревья перенесли уже три зимы и достигли более 100 сантиметров высоты. На юге страны создается база разведения этого дерева; намечены участки будущих рощ, отобраны семенные деревья. Работами по размножению и акклиматизации секвойи руководит лауреат Сталинской премии профессор А. Яблоков.

Родина секвойи — Америка. Однако там это дерево — теперь редкость; остались только единичные экземпляры в Калифорнии. Американские ученые попытались разводить секвойю, но успеха не достигли. Прикрывая свою беспомощность, они объявили, что дерево вымирает, и прекратили опыты.

Пройдут годы, и гигантские секвойи разрастутся на горных склонах Кавказа и Крыма, возвысятся над лесами средней полосы нашей страны.

Я. КИСЕЛЕВ

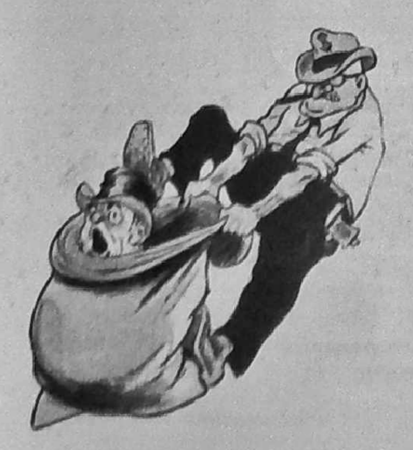
ДУША НАРАСПАШКУ

Воротилы США открыто и тайно ассигнуют громадные средства на вербовку из бывших гитлеровцев, титовских фашистов и другого человеческого отребья диверсантов, шпионов и террористов, которых они засылают в СССР и страны народной демократии.

Из газет.

Рисунок Л. Самойлова

АМЕРИКАНСКАЯ «ПОМОЩЬ»

Их нрав, их «помощь» всюду знают,—
Ее боятся стар и мал.
Вон кто-то снова закричал:
— Сюда! Спасите,— помогают!..

Эмиль КРОТКИЙ

Из почты «Огонька»

Пещера Сатаплия

Вход в пещеру.

Фото Б. Маглаперидзе.

Западная Грузия весьма богата карстовыми пещерами. Там, где горы состоят из пород, пропускающих воду и растворяющихся в ней,— известняков, гипса каменной соли,— воды, циркулирующие по скрытым трещинам, создают иногда своеобразные подземные лабиринты. Они образуют огромные пещеры, тоннели и залы, стены и своды которых бывают украшены причудливыми сталактитами и сталагмитами.

Большой популярностью среди любителей природы пользуется пещера Сатаплия в 8 километрах от Кутаиси. Пещера расположена на склоне возвышенности Сатаплия, с которой открывается замечательная панорама Западной Грузии и снеговых вершин Кавказского хребта.

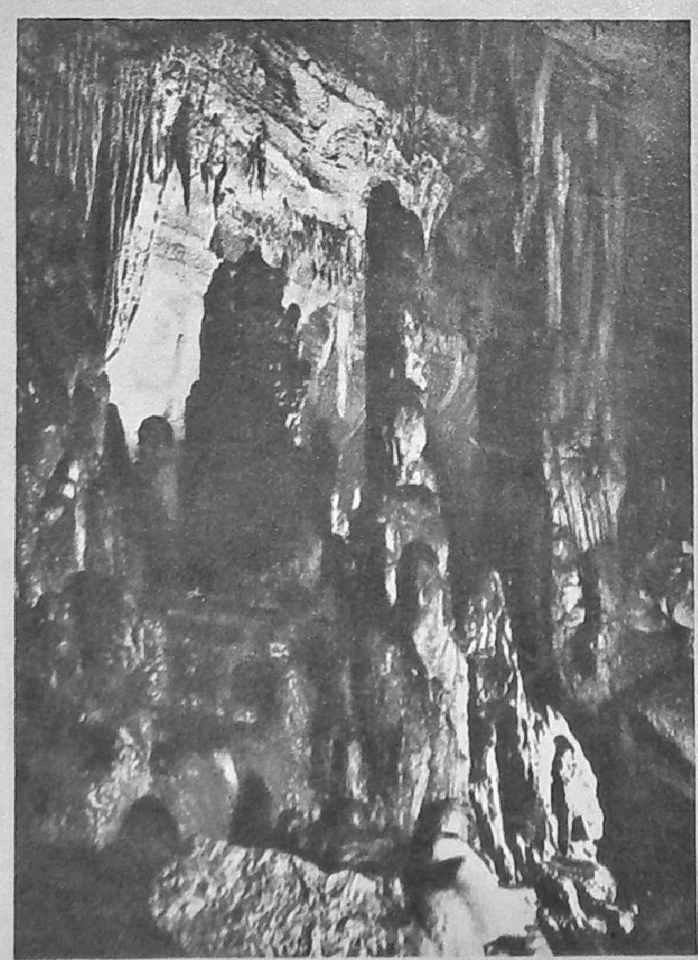
Длина пещеры — 600 метров, ширина — от 5 до 20 метров.

Эту пещеру открыл кутаисский любитель-археолог Чабукиани. При раскопках он обнаружил подземный зал, в котором красовался целый лес сталактитов и сталагмитов. Спустя некоторое время поблизости были открыты еще две сталактитовые пещеры.

Недавно на территории Сатаплия археолог Чабукиани обнаружил следы допоторических животных — динозавров.

Полюбоваться причудливыми пещерами Сатаплия приезжают туристы со всех концов страны. К сожалению, до сих пор почти ничего не сделано, чтобы благоустроить местность в районе сталактитовых пещер.

В. ЛИЛИАШВИЛИ
Кутаиси.

В пещере Сатаплия.

О. М. Засыпкина около мандаринового дерева.

Фото Ю. Добронравова.

Мандарины в Свердловске

У многих жителей Свердловска и области на окнах вызревают лимоны. Прекрасные золотистые плоды снимают со своих деревцев учащиеся семилетней школы села Мугай, Махневского района. К лимонам наши северяне, можно сказать, уже «привыкли».

Но в квартире заслуженного врача РСФСР Ольги Михеевны Засыпкиной вызревают крупные мандарины.

Ольга Михеевна показывает снимок: тринадцатилетняя девочка стоит, прижимая к себе банку с маленьким растением и крупным плодом. На обороте карточки надпись: «Ира с мандарином. 1938 год». За это время Ира стала, как и мать, врачом, а мандариновое дерево разрослось и дает ежегодно до десятка спелых мандаринов.

Н. РОЗИНА

«ОХОТА — ПУЩЕ НЕВОЛИ»

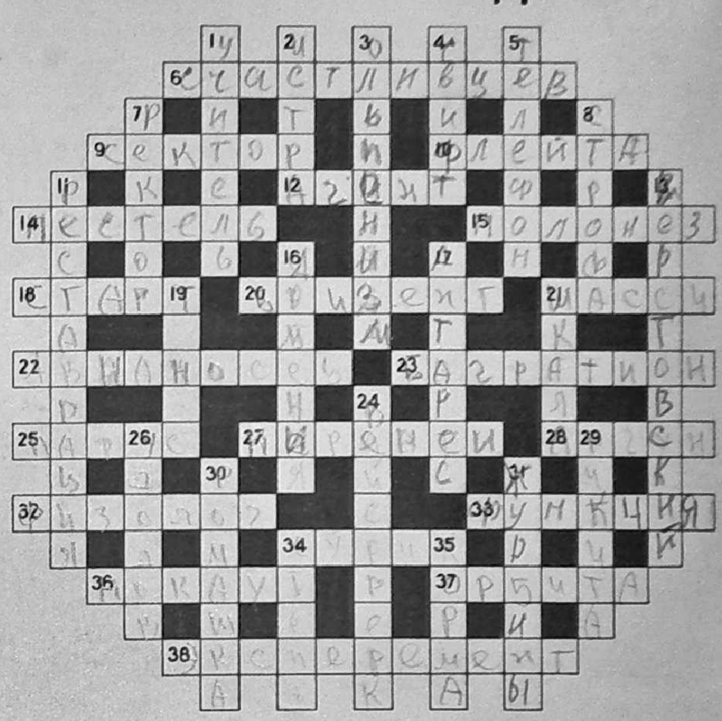

Изошутка А. Елагина.

КРОССВОРД

По горизонтали:

6. Персонаж комедии А. Н. Островского «Лес». 9. Часть круга. 10. Музыкальный инструмент. 12. Уполномоченный. 14. Декабрист. 15. Танец. 18. Момент начала спортивного состязания. 20. Непромокаемая ткань. 21. Часть автомобиля. 22. Военный корабль. 23. Выдающийся русский полководец. 25. Стихотворение М. Ю. Лермонтова. 27. Горная цепь в Европе. 28. Приток Сыр-Дарьи. 32. Специальность ученого. 33. В математике: зависимая переменная величина. 34. Краска. 36. Положение в боксе. 37. Путь движения небесного тела. 38. Научный опыт.

По вертикали:

1. Преподаватель. 2. Город в Московской области. 3. Вид спорта. 4. Великий английский сатирик. 5. Средство связи. 7. Руководитель университета. 8. Повторяющееся в стихотворении соединение нескольких строк. 11. Восстановление. 13. Выдающийся русский композитор и театральный деятель. 16. Союзная республика. 17. Звезда в созвездии Скорпиона. 19. Степень жизнедеятельности организма. 21. Линейка с делениями в измерительных приборах. 24. Цветной огневой эффект. 26. Советский штангист. 29. Дерево или кустарник из рода ив. 30. Цветок. 31. Роман В. Кочетова. 34. Безлесное пространство. 35. Часть судна.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 5

По горизонтали:

5. Прокат. 6. Фабула. 9. Чехи. 10. Бриз. 12. Русак. 13. Бюро. 14. Жаров. 15. Кардиограмма. 18. Деепричастие. 23. «Фауст». 25. Фойе. 26. Омуль. 27. Кули. 28. Лиза. 29. Ирония. 30. Умение.

По вертикали:

1. Градус. 2. Чапек. 3. «Париж». 4. Плафон. 7. Библиография. 8. Обозреватель. 9. Чаща. 11. Заем. 16. Реле. 17. Мирт. 19. Ейск. 20. Ижма. 21. Гагара. 22. Клавир. 24. Тупик. 26. Озимь.

Зарубежный юмор

И В САМОМ ДЕЛЕ...

В американской казарме лейтенант обучает новобранцев «словесности»:

— А теперь, Уайтбред, скажите: почему мы воюем в Корее?

— Так точно, господин лейтенант! В самом деле, почему мы воюем в Корее?

«Фришер винд»

АМЕРИКАНЦЫ В ЗАПАДНОЙ ГЕРМАНИИ

— Остановитесь! Что вы делаете? Вы разбили из пушки мой дом!

— Спокойно, спокойно, мамаша. Не волнуйтесь. Тут не происходит ничего серьезного. Это простые маневры...

ПОСЛЕ ВЫБОРОВ В США

— Что вы, мистер Браун, скажете о результатах выборов?

— Что же мне сказать? После того, как ослы демократической партии наделали столько глупостей, слоны республиканской доколотят теперь посуду в лавке...

«Нойе берлинер иллюстрирте»

В этом номере помещены репродукции картин Л. А. Фаттахова «Хлеба созрели», А. А. Заусаева «Певец Урала», две страницы акварелей П. П. Соколова, П. М. Шмелькова, А. О. Орловского, К. А. Трутовского и четыре страницы цветных фотографий.

Главный редактор — А. А. СУРКОВ.

Редакционная коллегия: Б. С. БУРКОВ (зам. главного редактора), А. С. ВАРШАВСКИЙ, В. С. КЛИМАШИН (зам. главного редактора), Е. Н. ЛОГИНОВА, М. В. МАРИНА, Б. Н. ПОЛЕВОЙ, К. В. СМИРНОВ, Н. С. ЩЕРБИНОВСКИЙ.

Адрес редакции: Москва, ул. «Правды», 24. Тел. Д 3-38-61. Оформление И. Уразова.

А 01418. Подп. к печ. 3/II 1953 г. Формат бум. 70×108⅛. 2,5 бум. л. — 6,85 печ. л. Тираж 550 000. Изд. № 141. Заказ 17. **Рукописи не возвращаются.**

Типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, ул. «Правды», 24.

КУРСКИЙ МЕДИЦИНСКИЙ ИНСТИТУТ. Студенты 3-го курса слушают лекцию по фармакологии в новой большой аудитории.

Фото И. Тункеля

Министерство пищевой промышленности СССР

ГЛАВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ ПРОМЫШЛЕННОСТИ ШАМПАНСКИХ ВИН

СОВЕТСКОЕ ШАМПАНСКОЕ—
ЛУЧШЕЕ ВИНОГРАДНОЕ ВИНО